

(НЕ)реальный

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДЖИНА ШЭЙ

18+

Джина Шэй

(Не)реальный

Серия «Мы в Теме», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67379946

SelfPub; 2022

Аннотация

Влюбиться в мужчину по интернету? Какая наивность!

Рвануть к нему "на отпуск" через полстраны? Глупость несусветная!

Оказаться с ним в постели на первом же свидании? Как легкомысленно!

Вот только когда у тебя только две недели с парнем, в которого ты уже год по уши влюблена – не до приличий.

Аленке нечего терять. До тридцати совсем не много, и она не замужем. Из этих отношений ничего не выйдет – это точно. Такие, как Макс не влюбляются в серых мышей. Но на две недели... На две недели она позволит себе эту страстную сказку. С ним – с мужчиной, перед которым совершенно невозможно устоять...

Содержит нецензурную брань. И немного связывания!

Джина Шэй

(Не)реальный

1. Спятила – это диагноз

– Ты спятила.

– И тебе привет, мам, – хладнокровно фыркнула Аленка, разглядывая содержимое чемодана. Так, кажется, все взяла. С одной стороны, Машка наверняка бы валялась в истерике от того, сколь мало одежды Аленка берет с собой. Аленка же предпочитала минимум, позволявший комплектовать вещи между собой, и пару платишек на выход. Не то чтобы эти платишки были необходимы, не то чтобы она была уверена, что будет куда выйти, но, в конце концов, – в отпуск она едет или как?

– Детка, это Москва. Она пожирает людей.

Аленка вздохнула. Да уж, про столицу необъятную в народ уже начинали ходить страшилки. Мол, уезжал человек в Москву за красивой зарплатой, на которую можно было бы прожить, а оказывался на вечных побегушках в Макдональдсе, отдавал больше половины «красивой» за съемную халупу на окраине Мытищ. И жил там, проводя кучу времени в метро, мотаясь с одного конца Москвы на другой, просто потому, что работы рядом с домом не было, был вечным «обслуживающим персоналом», а потом, мол, возвращался в родную провинцию, чтобы устроиться здесь где-нибудь сто-

рожем и мыкаться до трагичного окончания пенсии. Вот это – как была уверена мама – и ожидало Аленку. Да-да, и никому, мол, не нужен был тот диплом программиста, кто ж возьмет на работу девушку, когда на этом рынке полно мужчин, считающихся более компетентными. И это, конечно, было, может быть, и правильно, если бы не...

– Мам, я тебе уже говорила. Я не навсегда еду. Только на отпуск.

Да уж. Отпуск мечты. Не Бали, не Турция, даже не Сочи – а именно там согласно маминному убеждению и стоило отдыхать. Хотя... Вообще-то – да. Это был отпуск мечты. По крайней мере, Аленка о нем уже восемь месяцев мечтала. Тихонько, наивно, сама посмеиваясь на собственную глупость.

– Детка, я знаю, зачем ты туда едешь, – проникновенно заявила мать, – и не надо, Аленушка, не верь, зачем ты вообще на это ведешься?

Аленке уже даже не вздохнуть хотелось, Аленке хотелось побиться головой об стену. Потому что все это она слышала уже раз этак тысячу двадцать четыре. И это только от мамы. Не говоря уже про Машку из бухгалтерии, не говоря про любимую сестру Анечку, особенно недовольно ворчал на Аленкину затею системный администратор Артем, но он хотя бы понял, что Аленка от своей затеи не откажется, и даже предложил её до Москвы довести. У Артема тоже был отпуск, и, кажется, вот он решил его потратить на поиски хорошего

места в нерезиновой. Ну и спасибо ему на том, что он Аленку согласился подбросить. Так было чуть побыстрее и чуть покомфортнее, чем в поезде.

– Аленушка, на что ты рассчитываешь? – мама мягко продолжила таранить Аленкин мозг. А Аленка, проверявшая, как упаковала косметику, вздохнула и снова промолчала.

Да на что она могла вообще рассчитывать? На две недели в Москве в компании приятного мужчины. Все лучше, чем снова кверху пятой точкой торчать на материнских грядах и слушать её недовольство по поводу Аленкиного незамужества.

Грядки Аленке смертельно надоели. Аленке хотелось отпуска. И «курортного романа». Ну а что... курортный роман же – это же кратковременный роман на один только отпуск. Ну и пусть вместо курорта у Аленки будет Москва. Зато вместо мускулистого загорелого и пустоголового мангальщика у неё будет Макс.

Макс. Максим. Камень преткновения в разговорах с мамой. Да что уж там скрывать – не только с ней. Все подружки хором орали благим матом, стоило им только рассказать хоть словечко про Макса.

«Мать, да ты совсем упоролась».

Ну да. Упоролась. Вела себя глупо. Глупо влюбляться по интернету. Глупо влюбляться в мужчину, который даже общался с Аленкой с фейка. Которого ни разу даже не видела. Про которого толком ничего не знала. Которого просто зна-

ла – как человека. С одной только стороны.

Что Аленка про Макса знала? Немного. О прошлом не спрашивала, фотографий не просила, ведь этим и был хорош интернет, что общался ты в нем с человеком, а не с кубиками его пресса, не так ли? И получалось и себя раскрыть, будучи убежденной, что собеседник не пялился на твои сиськи во время разговора.

Ну, естественно, Аленка не собиралась в Максима влюбляться. Вот совсем не собиралась. Ни в Максима, ни в кого еще. Нет уж. Спасибо. Хватило. Но ведь нет – не удержалась. Потому что Макс был потрясающим. Обаятельным, талантливым – и нескучным. Было что-то безумно провоцирующее в манере Максима держаться. Его хотелось дразнить. Ох... Сколько раз Аленка его дразнила, сколько раз получала ответные провокации... Это было не всерьез. Казалось – не всерьез. Но с некоторых пор Аленке было слегка досадно, что его шуточные пошлые намеки не могут быть претворены в жизнь. Нет. Не признавалась – ни слова, конечно. Ну вот еще. Еж же – гордая птица, ему для полета жизненно был необходим пинок... Но все равно баловалась тайком по вечерам, представляя... Вот чтобы с ней сейчас сделал Макс? Что он там ей обещал сегодня? И было горячо – правда, ужасно мечтательно, горячо, но и мало – тоже было.

Ну и вот... Решилась. Никаких билетов в один конец, разумеется. Только на отпуск. Только одним глазком поглядеть: каков Максим в жизни. Посмотреть, мечтательно по-

вздыхать две недели, походить с ним по паркам (он сам обещал, что организует Аленке развлекательную программу) и вернуться в свою провинциальную, далекую от всяких столиц губернию, чтобы хотя бы было, что вспомнить.

– Ленок, ну если он столько времени один – тебе не кажется, что что-то с ним не так? – Артем, как и Аленкина мать, ездил по одним и тем же рельсам, будто от того, сколько раз он повторял этот вопрос, ответы у Аленки могли поменяться.

– Артем, не отвлекайся, – простонала Аленка.

Блин, вот как будто Воронцову нечем было заняться за рулем, нет бы следить повнимательней, а то чем ближе к Москве, тем обстановка на дороге напряженней становилась. Вот не боялся же Артем расквасить свою Ладу Гранту об какой-нибудь Лексус, домогался до Аленки. Как хорошо, что только с дурацкими вопросами, хотя Аленке уже и от них хотелось выть и орать, что её личная жизнь – её дело. Хочется ей тупо влюбиться, и она тупо влюбится. Вот самым бессмысленным образом. И это её святое право, да.

Ага. Что-то могло оказаться не так. И, откровенно говоря, Макс мог оказаться и толстяком, и задротом, и кем угодно – хоть даже бабой-метросексуалом. Об этом Аленке говорили все подряд. И этих всех подряд хотелось обложить матом. Потому что они там совсем шизанулись. Аленка же все понимала. Аленка была вполне готова увидеть встречающим её у гостиницы полноватого, потеющего мужика с лысиной. И

это же тоже было бы Аленке на руку. Потому что вкус и самооценка у неё все-таки были, зато больше в сторону Макса она бы своими озабоченными помыслами бы не двигалась.

Хотя... Хотя в принципе, Аленка очень редкого мужчину могла найти абсолютно непривлекательным. У многих находились приятные черты. И это реально нужно было еще умудриться – показаться Аленке совершенно непривлекательным. Ну, вот, к примеру, Артем был симпатичным. Убийственно тощий – жрал, кстати, вечно на обедах как не в себя, – но все равно эстетически он был приятен. Вечно взъерошенный, вечно растрепанный, вечно невыспавшийся – ну а задротить в WOT все же надо было поменьше.

И вообще-то нельзя было сказать, что Макс был «один». У него были любовницы. По крайней мере, по оговоркам – были. Например, иногда, когда Аленка доводила Макса своей ерундой до ручки, у него прорывалось что-то вроде «пойду, вызвоню себе на ночь телогрейку». Причем оговорки и упоминания были отпущены настолько вскользь, что Аленка даже не усомнилась в их правдивости. Женщины у Макса были. Просто он не водил их на окольцевание. Плохо ли это было? Да пофиг. Аленка ехала, чтоб утолить влюбленность, – ну и, может, соблазнить Макса пару разиков, если он, конечно, соблазнится.

А вообще, ужасно хотелось собрать всех родственничков, подружек, коллег в одну комнату (небольшую, будем честны и откровенны, душой компании Аленка не была) и объ-

явить им всем через громкоаудиоаппарат: «Мои дорогие все. Вы трахаетесь, с кем хотите и друг с дружкой – у меня не спрашиваете. И не ваше дело, с кем, может быть, потрахаюсь я...»

Может быть!

Это ж бабка надвое сказала, что Макс в принципе на Аленку взглянет с этой стороны. Она же девочка из френдзоны, пусть и языкастая такая девочка, но... френдзона, да. И плевать же, какой там у этой френдзоны размер груди.

Аленка была не уверена, что это у неё с Максимом выйдет. В конце концов, в Москве водились красотки, которые невзрачную Аленку могли заткнуть за пояс, и вообще, как говорилось, «Мужик – либо дерьмо, либо уже занят». И про занятость Максима, кстати, Аленке тоже уже вынесли мозг тридцать три раза. Мол, женат же наверняка. И детей у него наверняка уже трое. Скучно ему, вот и развлекается с провинциальной дурындой. Вот не давала подружкам Аленки покоя её сомнительная затея поехать к малознакомому «мужу из интернета». Как бабки на лавочке, чесслово.

Артем, слава Ктулху, возникал не все время поездки. Останавливался, чтобы Аленка заселфилась с очередным потешным названием мелкой деревеньки, дважды заезжал на заправки, чтобы пожрать, – Аленка крайне печально употребляла ту парковочную калорийную еду, давая себе честное слово, что уж в отпуске-то все подряд в себя пихать не будет, а то так можно за две недели и на два размера на-

жрать... И если бы на два дополнительных размера груди, это было б хорошо. Но нет же, росла же и задница... Нет, утром точно надо будет пилить на пробежку. А то Макс от неё сам сбежит, только увидев космических размеров пятую точку. Хотя он-то как раз визировал, что не против «объемов». И что очень даже «за»... Хотя Аленку это все равно не соблазнило отрастить себе пятую точку пятидесятого размера. Либо соблазнится вот такой, какая Аленка есть, либо... обломается Аленушка самым жестоким образом.

– В норме? – поинтересовался Артем уже на подъезде к Химкам. – Настроение пучком?

– Ну, вроде, – Аленка через силу улыбнулась.

Вообще-то Аленку нехило так потряхивало. В конце концов – первая встреча... Носом к носу. Предаваться иллюзиям уже не получится, и если все-таки Макс окажется... не таким, каким его себе Аленка представляла? Вдруг она все-таки разочаруется – блин, это ж и в самой себе нужно будет разочаровываться, потому что получается, что внешность для неё все-таки важнее? Она ж знает, что Макс охренительный – ну вот, по крайней мере, в переписке он был именно таким, и даже лучше.

– Ой, да держи уже хвост пистолетом, – неожиданно Артем решил Аленку поддержать, – ну сейчас-то чего ты кипишуешь? Сейчас уже поздно, вы уже договорились о встрече.

Ага. Договорились. И по-прежнему переписывались в дороге, во всяком месте, где не проседал интернет. Хотя сей-

час, у Москвы, интернет, кажется, вообще нигде не проседал... По крайней мере у Аленки и навигатор ответственно отчитывался о приближении к пункту назначения, и мессенджер, не утомляясь, приносил оповещения об очередном сообщении Макса. Читать эти сообщения было нереально сложно. Потому что Аленке, упорovшейся по самое нельзя, всякое слово казалось многозначительным намеком. Боже, а ведь это были весьма невинные слова, типа «Жду с нетерпением», «Планирую вечер». Иной раз Аленку с Максом срывало практически в текстуальный вирт, не докатывалось разве что до откровенных фото, и как же иногда это было не вовремя... в рабочее-то время. Нет, это было несерьезно – легко начиналось, легко заканчивалось. И очень легко хоронилось в обсуждении какой-нибудь ерунды, например, какой-нибудь новой книги или какого-нибудь чересчур выпендривающегося блогера... Но, блин... Блин же! А ведь сегодня ей придется Максy в глаза смотреть. И отвечать за все свои провокации... Многочисленные провокации...

2. Леди против френдзоны

«Как думаешь, какого цвета трусы лучше всего выгуливать по Музеону?»

«Женщина, у меня планерка, не доводи, а то я перед шефом спалюсь»

Сказал, как отрезал, и послушная Аленка отложила телефончик. Нет, вот если бы не была на сегодня назначена первая встреча – послушности у Аленки бы в разы убавилось.

Но встреча таки грозила, и... было не понятно, чего хочется больше – пошалить или побережся.

Но хотелось же хоть как-то развлечься. Ну... последний раз перед смертью надышаться. Потому что, если вдруг... вдруг в Аленке разочаруется сам Макс?

Что если вот этого вот текстуального непотребства в жизни Аленки уже не будет? Блин, вообще-то за это вот держалась самооценка. Как за последний якорь доказательства самой себе, что «внешность – не главное» и даже такую мышь, как Алена Андреевна Яковлева, можно хотеть. За характер, да. Но это ж заочно. Метафорично. Не реально. А сегодня... Сегодня Макс Аленку увидит, и вполне мог и потерять к ней какой-то интерес.

Точки кипения Аленкины переживания достигли уже в гостинице. Когда она распаковала чемодан, перетряхнула все свои юбки с блузками и пришла к выводу, что одевается она совершенно отстойно, по крайней мере, соблазнять мужчину ей явно нечем. Но все равно переглядила весь шмот взятым у администратора утюгом, горестно попыталась утопиться в душе. Столичная вода, к сожалению, не обладала «живым» эффектом, от него волосы не становились более гладкими и послушными, грудь не начинала топорщиться как у семнадцатилетней, и скучная Аленкина физиономия не начинала вдруг казаться более привлекательной.

Итак, целью было искусить Макса на что-то реальное, а не на виртуальные, шуточные подкаты. Потому что чувство-

валось, что ими Макс только «поддерживал форму». Иску- сить бы за две недели, хотя бы на пару переписок. На что-то большее Аленка сразу с собой условилась – не рассчитывать априори. Потому что... потому что ну вот не верила она, что сможет Макса собой серьезно увлечь. Ну, нечем ей было ко- зырять, совершенно.

Высушила волосы, намазалась всем, чем только могла – тушку лосьоном, лицо увлажняющей хренью. Лосьон пах миндалем, и это было в утешение. Пока вся эта охренитель- но необходимая химия впитывалась в Аленкину кожу, она выперлась-таки из ванной в номер и, швырнув полотенце на кровать, уставилась на себя в зеркало. Посмотрела, печаль- но вздохнула, надела лифчик. Стало чуточку лучше, спасибо пуш-апу, поддерживал все то, что, подчиняясь законам гравитации, пыталось стремиться к земле. Но... Но все рав- но дела обстояли очень печально. Килограмма четыре нужно было скинуть – они самым предательским образом осели в районе задницы, и на животе без особого труда можно было собрать пальцами хренову складку. Блин. А говорила тебе Анечка, что тебе надо худеть, не так ли, Ленок?

Так, ну ладно, оставляя в покое эти четыре килограмма, чем в принципе можно было Аленке соблазнить мужика?

Ногами? Мда... Мда!!! Говорил Аленке бывший, что джинсы могли бы и поровнее сидеть... Ну... Не кривые но- ги, конечно, но не идеальные, не от ушей. Лицо... Ну, ли- цо. Обычное лицо. Нос мог быть и поменьше, а глаза пояр-

че. Волосы... Нет, надо было все-таки покраситься. Родной темно-русый глаз не радовал. Аленка с ним выглядела скучно, но поклялась же себе – больше никаких радикальных изменений. Волосы все равно нормально не держали краску, к парикмахеру за тонировкой приходилось бегать чуть ли не каждую неделю, а при Аленкиной длине это было... затратно. В общем, подводя итог оценки всех внешних качеств – хорошо бы хоть к концу двух недель уговорить Макса на одну только ночь. Из всех козырей у Аленки была только... грудь. И хоть Аленка сроду этой частью своего тела не была довольна, сейчас только на неё и возлагались какие-то надежды.

Короче говоря, нужно надеяться взять... чем? Умом? Обаянием? Блин. Ладно. Короче, как вариант – просто к концу второй недели Макса напоить и затащить его в номер. А потом бегом на поезд или к Артему, если он решит возвращаться. Чтоб никто не догнал. Хотя... К черту. К чертовому черту. Как будто она не отдавала себе отчет и не знала, что не является красоткой. Если соблазнять нечем – придется брать наглостью. Уж этого-то у Аленки было в избытке. Ведь она же знала, что с Максом легко получалось кокетничать. Вот и сейчас. Детка, хочешь потрахаться – значит бери сиськи в руки, вали мужика и трахай. Тебе его не в ЗАГС затащить, вот это вот гораздо сложнее – и невыполнимей, при общей совокупности условий «технического задания».

Почему-то Аленка была уверена, что разочароваться у

неё не выйдет. Вопреки всему насузыкиванию мамы-сестры-подружек она была уверена, Максим – вполне нормальный мужчина. Ну, не верилось Аленке, что с такой самооценкой можно быть каким-нибудь прыщавым задротом. В манере Макса держаться сквозило нечто непоколебимое – и очень кобелимое. Ну а если кобелимость была – значит, можно было об неё и почесаться. Попытаться хотя бы – никто не запрещал.

Время до условленных восьми шло, пытаюсь определить – то ли ему тянуться, чтобы не подыгрывать Аленкиному нетерпению, то ли ему торопливо и паникуя прокручивать две минуты за одну. Аленка трижды перебрала всю привезенную одежду, семнадцать раз поняла, что ничего оптимальнее, женственнее и выигрышнее в отношении к Аленкиным «козырям», чем белый в черный горох сарафан, у неё не найдется, двадцать три раза разочаровалась в собственном вкусе, в общем, испытала весь букет острых ощущений, прилегающий к свиданию. Но... Но у них же было с Максом не свидание! У них была просто дружеская встреча!

«Я у гостиницы» – сообщил за Макса мессенджер. Аленка еще раз глянула на себя в зеркало, на собственные намазанные блеском губы, на серьги-совы, которые вроде как справлялись с задачей удлинить шею, вздохнула и, схватив сумочку, вышла из номера.

Мандраж никак Аленку не отпускал – пока она спускалась

на первый этаж, пока шла к выходу и даже когда замерла на секунду у двери.

Ладно. Все или ничего, сейчас она увидит Макса, а он увидит её... Настало время положить уже карты на стол и понять, на сколько же Аленке можно было рассчитывать. Хотя толкая дверь и выходя на улицу, Аленка все же на секунду зажмурилась, а уж потом распахнула глаза во всю ширь...

Гаттербол. Это когда в боулинге шар берет и скатывается с дорожки в желоб. Вот и сейчас, глядя в приветливые карие глаза Макса, Аленка понимала – она, как тот гаттербол, слетела в желоб. Мимо. Без шансов. Этот джекпот ей не сорвать...

Макс оказался классным. На редкость классным для парня, на аватарке которого красовался скучающий кот с сигарой. И Аленка смотрела на Макса сейчас во все глаза, на стройную высокую фигуру, так симпатично упакованную в клетчатую рубашку и джинсы, на эти вот широкие, рельефные плечи, на выразительное живое лицо, на приветливую улыбку профессионального обаятельного охламона... и понимала, что такой экземпляр обычным предложением халвного секса в койку не заманишь. Таковые выбирали лучшее, и Аленка, увы, в ту выборку не попадала. И рядом не стояла, да. Да блин, у него даже стрижка была стильной, а Аленка со стыдом вспомнила, что так форму своей и не обновила, так и оставила свою гриву в беспорядке.

– Санни? – Макс улыбнулся при виде Аленки. Вообще,

в отличие от нее, он-то был в курсе, как Аленка выглядит. Ну, по фотке трехгодичной давности, вlepенной Аленкой на аватарку в мессенджере. На той фотке Аленка была еще с термоядерным апельсиновым цветом волос. Тогда-то она себе нравилась, не то что сейчас. Ну ладно, решила же тогда, как завязала с Вадимом, больше не пыжиться и не пытаться себе казаться привлекательней, чем она есть. Вот есть она такая – обыкновенная, неидеальная девица – вот такой вот и будет. Не будет краситься, потому что мужчине нравится этот цвет волос. И одежду себе будет выбирать сама, и пофиг ей, что этот вот сарафан по меркам того же Вадима был бы назван «проститутским». Сарафан как сарафан, ну да – выше колена, но не по самое ж некуда – трусы не видно. Ну да – юбка красивая, расклешенная, и оборки по подолу женственные. Ну и что?

По лицу Макса ничего понять было невозможно. Он просто приветливо разглядывал Аленку. Мда, она его точно не впечатлила. Печаль. Она, конечно, и так это поняла.

– Ну, иди сюда, – фыркнула Аленка, раскрывая руки для объятий. Потому что, может, конечно, с Максом ей ничего и не светило, но... Но друзьями-то они были! И хорошими, близкими друзьями, которые друг о дружке знали все, включая предпочтения в сексе. Да, боже мой, они даже читали писанину друг дружки и взаимно от неё кайфовали, что уж там. А меж тем, не все Аленкины друзья интересовались её историями. Стоило Аленке только озвучить, когда речь захо-

дила про хобби, «я пишу фэнтези», – и в глазах собеседника появлялась вселенская тоска, он терпеливо улыбался, говорил «ну, дашь почитать как-нибудь», и все, на этом речь об Аленкином увлечении заканчивалась. Не читала Аленку мама, не читали Аленку ни сестра, ни подруга. Собственно, Аленка у них и не особо просила. Она была глубоко убеждена, что если кого-то к чтению своих работ принуждать – ничего хорошего не выйдет. А, Вадим тоже Аленку не читал – но это как раз было не удивительно. С ним вообще было тяжело, он тогда Аленку загнал в глубокий писательский кризис, открыв лишь только раз её текст и заявив, что пишет Аленка неинтересную дурь, и что свои надежды на самореализацию она может похоронить. Издательству её бездарная графомания не понравится однозначно. Вообще, его мнение Аленка слышала – в конце концов, Вадим был журналистом, он разбирался...

Ну... Аленка послушно похоронила надежды. Правда не писать не могла, поэтому тихонечко выкладывала свои нетленки на сайте самиздата, прикрывшись ником SunnyRed. Выкладывала, общалась с читателями, читала других – общалась с ними. Тут и познакомилась с Максом. Зажигательным Максом, который выдавал въедающиеся в душу, пронзительные, беспощадно-насмешливые тексты, и... почему-то хвалил Аленку... Больше того, он ею восхищался, говорил, что она так красиво сплетает слова в истории... Нет, Аленка влюбилась в него не из-за этого, не из-

за похвал, но общаться с человеком, которому была интересна настолько большая часть твоей натуры, – оказалось охренительно.

Обниматься с Максом оказалось очень тепло. Прямо настолько тепло, что удалось даже проигнорировать подпрыгивающее в груди сердце. Так и хотелось постоять так подольше, поплавиться в его руках, но спалиться хотелось меньше. Ну серьезно, в глазах родни она могла быть увлеченной дурындой, в глазах Макса – ни-ни, вот ни за что, еще чего. Еще будет смотреть на неё, как на всех остальных, кто за ним бежит – а бегало за ним много. И сейчас Аленка совершенно в этом не сомневалась.

– Ну, давай, веди меня уже в свой Музеон, – улыбнулась Аленка, принудительно заставляя себя от Макса отлипнуть.

– Вот так вот сразу? – Максим иронично задрал брови. – А поговорить?

– Может, ты еще хочешь меня сначала с родителями познакомиться? – весело сощурилась Аленка.

– А то, мы ж такое непотребство замыслили – по парку погулять! Как перед таким с родителями-то не познакомиться? – Макс фыркнул.

– И нет бы как люди, сначала детей завести, а потом гулять, – хихикнула Аленка, цепляясь за его локоть. Улыбка на губах была дурацкой. Настроение было эйфорическим. Пусть обломались надежды на секс – рядом с Аленкой сейчас был Макс, и этот вечер она проведет с ним.

3. Разбежалась

В жизни бывали моменты космической тупости. Вот просто так бывало, что ты всегда знал, что тебе сделать, чтобы получить желаемое, но бац – и не делал.

Вот и с Максимом Ольховским сегодня произошла именно такая вот хрень. Он знал, что надо притащить на встречу цветы, прихватить Яковлеву за задницу и сказать: «Пошли в номер». Знал? Знал!

К вопросу «Почему не сделал это все» можно было не возвращаться. Почему-то. Ну и ладно, хрен с ним, вечер все равно еще не закончился.

Миссия «Просто погулять вечером» казалась безобидной... Ну что могло быть в том Музее, что могло бы предвещать «беду». Да ничего. Просто гуляли, угорали над скульптурами, благо повод для этого давали слишком многие. Перемыли кости топовым авторам «Писателя», оборжали самую последнюю хренатень, влетевшую в топ.

Макс и не собирался делать вид, что у него в штанах в сторону Яковлевой ничего не зудит. Ей-богу, после этого забываемого года мысль «натянуть Санни» не покидала головы Макса в принципе с того самого момента, как Алленка ему написала, что хочет отпуск провести в столице. Потому что это был отличный шанс. Отомстить и получить удовольствие! Сколько раз она его довела за этот год? Он недавно посчитал, задолбался на пятисотом случае. С учетом того, что все эти случаи тонули в куче остального общения – это

был совсем трэш.

От этой девицы волосы стояли дыбом, и дым был готов пойти из ушей – даже во время простой переписочки по интернету. Макс видел в своей жизни и раскованных женщин, и зажатых, но это был какой-то совершенно обдолбанный экземпляр. Никакой тебе лишней ломки. Аленка не висела у Макса на шее, не надувала капризно губки и не клянчила какую-нибудь ерунду «на память», не строила из себя ничего, требуя «смотреть в глаза». Никакой тебе перекошенной физиономии от какой-нибудь шутки «ниже пояса». Аленка сама так шутила. И ниже пояса, и выше пояса – но не доходя до уровня плеч, конечно.

Гуляли, трепались, селфились на фоне... всего. Ник Аленке подходил. Она была таким солнышком. Теплым. Даже жарким. И ярким.

Нет, серьезно, она постоянно улыбалась. И личико – тонкое, изящное, как у куколки, с четырьмя родинками на правой щеке – от этой улыбки светилось. А Макс балдел. Как последний придурок. Уже и не помнил, когда в женщине западал вот на такие мелочи. Так-то просто же тащил в постель какую-нибудь симпатичную девицу. Ну, главное же что – чтоб ноги и руки было по две. Красивых девчонок вокруг бегало много, что уж там. У кого-то в достоинствах были сиськи, у кого-то ноги, а у Санни, блин, улыбка. Макс, долбоеб, ты об этом только вслух не говори, а то Яковлева тебя обстебет. Потому что «что, больше у меня достоинств нет»? Были

же достоинства. Просто не хотелось их оценивать каким-то образом отдельно от неё. Вот Макс и смотрел на неё – в комплексе. Всю её, невысокую, без излишней худобы, с красивыми коленками, аппетитной задницей... Блин, почему он все-таки не забежал в цветочный магазин? Не пришлось бы сейчас страдать. Не в кусты же её было тащить. А хотелось! Найти какой-нибудь скверик потише, с мягоньким зеленым газончиком, и оприходовать эту нахальную язву там.

Все закрутилось, собственно, когда они догуляли до Сухого фонтана. Потому что Аленке приспичило попытаться пихнуть Макса поближе к струе воды, а он, улыбаясь, сгреб её в охапку и подставился под ту струю – да, но вместе с девушкой. Аленка взвизгнула, застучала ему ладонями по плечам, отскочила от Макса в сторону, чтобы стряхнуть с волос воду. И вот тут...

– Эй, ты лифчик специально не надела? – шепнул Макс, сиюсь оторвать взгляд от торчащих сквозь мокрую ткань сарафана сосков. Аленка вскинула на него бесстыжие глазищи.

– Я его специально сняла, – улыбнулась она, – в нем жарко мне. А так – жарко тебе.

Сучка... Вот просто сучка, и на этом слова у Макса заканчивались. Посреди дня. В парке... В людном, мать его, парке. Аленка Макса доводила. Хотелось встать под тот фонтан еще раз и охладиться. Что Макс, в принципе, и сделал, а потом оглянулся на хохочущую Аленку.

– Эй, тебя так развезло с мороженого? – поинтересовался

Макс.

– Меня так развезло с тебя! – по уму эту фразу ей нужно было удержать на языке, но она соскочила. Ироничная, почти шутливая фразочка, которую вполне могла отпустить девочка в адрес своего закадычного друга. Вот только Макс вертел ту френдзону на своем двадцати одном сантиметре. Поэтому именно в этот момент он Аленку и поцеловал – чтобы поняла, что он от неё хочет. Чтобы даже не сомневалась, куда он запихнет еще одно слово «друг», сказанное в свой адрес. Нет, он, конечно, ожидал что заискрит, но чтобы вот так – жадно, горячо, так, чтобы в груди вдруг взметнулся яростный смерч, а девушка, которую он притянул к себе, не только ответила, но еще и застонала прямо Максу в губы, будто в перевозбуждении.

Вот совсем. В ней все-таки говорили три шарика мороженого с виски. Немного ж ей надо было, чтобы опьянеть...

План был прост. Погулять по парку Горького, вывести из него, прогулять еще три квартала до района, где жил Макс, позвать попить кофе, «раз уж рядом оказались», ну а далее – действовать «по инструкции».

Данный план пошел в жертву интимной части женского тела. У Макса он просто вылетел из головы. После поцелуев – жарких, горячих, жадных, таких контрастных с холодными брызгами фонтанов. Будто все мысли из головы вышибло теми поцелуями.

– Может, еще погуляем? – нужно было отдать себе долж-

ное, Макс это все-таки предложил.

Аленка зевнула, пряча рот за ладошкой, а после – виновато улыбнулась.

– Ужасно устала с дороги, может, ты меня до метро проводишь?

Если бы Макс был джентльменом – он бы проводил её до метро. Но Макс джентльменом не был, поэтому решил проводить Аленку до гостиницы. И это было очень не осторожно с его стороны...

Итак, метро. В вагоне было столько народу, что казалось невыносимо сложной задачей нормально вздохнуть. И Макс за то и не любил метро, предпочитал машину, но сегодня решил не пускать пыль в глаза. Ну и... Не доехали бы они до парка, если бы сели в машину, не доехали бы... Ну, негоже было портить первый их с Яковлевой раз торопливым перепахом в машине. Тем более что кого он только в той машине не оприходовал уже, с Аленкой можно было не торопиться.

Но вот. Давка. Куча народу. Аленка зажалась в угол, Макса прижало к ней – и да, он был очень даже «за». Вот только стоило Максиму лишь один раз насмешливо улыбнуться, как теплая ладонь той Аленкиной руки, что была от народа в вагоне скрыта, прихватила Макса за джинсы в районе паха. А у Макса внутри дернулся зверь. И зверь этот хотел трахать-ся...

Зараза. Интересно, у всех ли женщин была эта кнопка, отвечающая за режим «довести мужика до ручки». Потому что

если да, Макс бы её понажимал чисто из любопытства. Но нет, кажется, Алена была исключением. И ведь стояла сейчас, играла пальцами, не давая члену ослабнуть, и лукавыми глазами глядела Максу в лицо. Ну ладно, дорогая, ты сама попросилась.

Макс чуть развернулся, прижимая Аленку к стене вагона и выводя из поля зрения пассажиров одну из рук. Не так уж и много было нужно, чтобы приподнять эту короткую юбку, совсем чуть-чуть, и раскрытой ладонью накрыть девичий треугольник, прямо так, поверх трусов. Девушка вздрогнула совершенно отчетливо, вскинула к Максу свое лицо. По щекам разливался румянец, губы уже чуть пересохли. Ну да, Макс тоже еще никому не залезал под юбку в забитом народом вагоне.

«Увидят», – шепнули губы Аленки – и этот шепот был похоронен в шуме метро. Макс насмешливо сощурился.

«Сдаешься?»

«Да вот еще», – Алена показала ему язык – самый кончик, дразня, мимолетно. В эти узкие изящные губы хотелось впиться поцелуем, но вот это как раз привлекло бы к Максусу с Аленкой ненужное внимание всяких старых кошелок. Внимание сейчас было бы лишним. Поэтому Макс, фыркнув, слегка шевельнул пальцами, чуть-чуть приударя по ткани трусов и половым губам под ними. Он ощущал по дрожи прижатого к нему тела девушки, насколько это её заводит. Алена не осталась в долгу, сжала торчащие колом «джин-

сы» Макса покрепче. Нет, он, конечно, слышал об извращениях, которые то дрочат в вагонах метро, то лапают кого-то, но чтоб вот так – взаимно, друг друга надрочить в публичном месте... Нет, не слышал и до этого не делал. И ведь никто не обращал внимания, кто смотрел в планшет, кто в книгу, кто-то вообще пытался дремать, стоя. Кому там какое дело, как парочка обнимается и у кого где руки. Как хорошо жить в современности – всем на всех насрать, делай, что хочешь. И никто тебе не крикнет: «Срамота».

Аленка дрожала и жалась к Максусильнее, уткнулась носом в его плечо. Макс усмехнулся и пальцы скользнули глубже. Отводя в сторону ткань трусов. Скользя пальцами по влажным складкам. Да она текла... Со страшной силой текла – и сейчас, от переизбытка ощущений вцепилась зубами в плечо Макса, закусывая ткань рубашки. А ведь ничего еще не сделал, просто в трусы залез. Ох, какой чувствительный экземпляр. Впрочем, она говорила, что очень любит секс не столько ради оргазма, сколько ради процесса. Макс же пару раз задумывался – с кем она вообще трахалась и знает ли вообще про оргазмы? Но вот сейчас – завелась с пол-оборота... Хотя нужно отдавать должное и обстановке. То, что рядом были люди, все-таки оказывало роль. У Макса и самого уже и в ушах шумело, и точки перед глазами летели, а ведь ему-то дрочили только через джинсы... Засадить бы этой сучке прямо тут... Потому что терпеть было охренеть как невыносимо. И с каждой секундой напряжения в теле Макса стано-

вилось все больше.

Нужная станция подкралась в самый подлый момент.

И Аленка с дельным видом от Макса отпрыгнула, с невинной улыбкой выпорхнула из вагона. Ни слова не было сказано ни на эскалаторе, ни на переходе, ни на улице. Они просто дошли до гостиницы и тут остановились. Кажется, она не знала, что ей делать дальше, а Макс – стоял и не знал, как бы ему сейчас не рассмеяться. Ведь при всей своей такой внешней раскованности, Аленка, кажется... боялась продолжать, да? Так вот стояла у оградки набережной, смотрела на Макса и не знала, что сказать. Как будто ей нужно было что-то говорить.

– Ну что, прощаемся до завтра? – наконец произнесла Аленка, глядя на Макса. Да она издевалась. После того, что она ему сегодня устроила в метро, «до завтра»? После того, как сама льнула к нему, цеплялась в него и тихонько постанывала во время тех раскаленных поцелуев в облаке мокрых холодных брызг – «до завтра»? Она вообще в своем уме? Кто ж ей сейчас даст взять и уйти в номер одной, а?

– Ну да, сейчас тебе «до завтра», разбежалась... – усмехнулся Макс, опуская ладони на перильца ограды по бокам от Аленки.

4. Первый раз

– Макс... Макс...

Ничто никогда так не дурило Максую голову больше, чем эти вот захлебывающиеся стоны. Он как будто эту дурынду

уже трахал, настолько её вело, насколько она казалась опьяненной. Вот много когда себя Максим Ольховский помнил перевозбужденным, надроченным, но чтоб вот так, как сейчас – не бывало ни разу.

Да и ни разу он не оттягивал собственно момент секса так упорно, как сегодня. Ведь даже гулять Макс Аленку все-таки потащил для того, чтобы посмаковать предвкушение того, как он затащит уже Санни в какой-нибудь скрытый от посторонних глаз уголок, сдерет с неё этот белый симпатичный сарафанчик... А может, и не будет, оприходуется прямо в нем, смотря же как припрет в штанах. Хотя этой дурной девицей хотелось насладиться сполна, вытрахать её досуха, в конце концов, она слишком много сделала, чтобы Макс обошелся чем-то более умеренным. Нет уж. От Санни он возьмет свое по максимуму. В конце концов, зря что ли уже полгода у него толковые отношения никак не могли завязаться, просто потому, что он сравнивал девушку, с которой начинал общаться, с Санни. Сам охренел, когда понял, насколько, оказывается, его бесят все эти капризные ломаки. И не менее охренел, когда понял, с кем он на самом деле сравнивает все свои «варианты». С девочкой из интернета, блин. Которую и знал только по фоткам из соцсети.

Если лет в двадцать все, о чем думал Макс – это как бы девушку затащить в постель поскорее, чтобы побыстрее её «вкусить», и как бы презерватив не оказался бракованным – чтоб свободная холостая юность не оборвалась слишком

быстро, – то сейчас он чувствовал себя гурманом и растягивал свою «дегустацию», растягивал, растягивал, растягивал...

Вообще, это было пресловутое «ну, куда ты вообще то-ропишься», смещенное в сторону ближе к постели. Макс не сомневался, что он Аленку поимеет. Сегодня же, не откладывая столь приятный процесс в долгий раз. И столько раз оприходуется Аленку во время этого её отпуска, сколько вообще успеет. Но вот сейчас – сейчас ему ужасно нравилось просто приникать к её губам, скользить по ним языком. Таким нежным, сладким губам, и получать удовольствие от того лишь, как в груди вздрагивало сердце. Находить в её рту язык, сталкиваться с ним, касаться – раз за разом, ощущая, как тихонько вздрагивает и крепче жметя к нему Аленка. Боже, как она его волновала – ну капец же. И нельзя было придавать женщине такое значение, но почему казалось, что именно этой – как раз можно?

Кто спорил с тем, что шея женщины была самой эрогенной зоной? И дурак был тот мужик, что этим не пользовался. Макс, увы, не мог сейчас, еще на улице перед гостиницей, снова залезть Аленке под юбку, но выцеловывать её шею он вполне мог. И пусть все проходящие мимо ханжи и гомосеки испытывали бы от этой публичности отвращение. Их задача была такая – морщиться, отворачиваться и завидовать. А задача Аленки была – задыхаться, тихо хныкать от того, насколько сильно в ней с каждой секундой разгорался нетер-

пеж, и глядеть на Макса и на весь окружающий их мир все более туманящимся взглядом. Таких удивительно красивых каре-зеленых глаз. Таких теплых, как майский полдень.

Боже, какой чувственный экземпляр – уже тихонько постанывает, того и гляди кончит от одних только поцелуев. Век бы от этой шеи не отрывался, в перерывах между сексом. Лишь бы вот так, скулила и таяла от него – от Макса.

Нежная – как лилия, страстная – как кошка. Какая ж жалость, что здесь и сейчас она отвечала Максу взаимностью не из каких-то чувств, а просто... Просто потому, что любила трахаться. Зачем отказываться от халявного секса – так она как-то сказала. И лишь это сейчас сердце Максу выжимало насквозь. Это – на две недели. Потом – она уедет к себе домой. И эти условия он принял, когда с ней договаривался о реальной встрече. Пока она здесь – он позволит себе эту слабость. Потом... Ну, вот дойдет до «потом», и можно будет поговорить. Но думать сейчас о том, что она уедет и там в своих провинциальных широтах будет кувыраться с кем-то еще, доводило Макса практически до бешеной трясучки. Настолько, что он аж переусердствовал – слишком сильно сжал Аленку за плечи, и она, охнув от неожиданной боли, уставилась на Макса, обиженно надувшись.

– Ты чего? – мрачно поинтересовалась она. Врушка. Ведь говорила же, что ей нравится пожестче... Хотя, кажется, именно тогда она уточняла, что «пожестче в постели» и «в жизни» – разные вещи, и что первое она принимает, а второе

– ни в коем случае.

– Пошли уже в номер, дурында, – улыбнулся Макс, – кажется, больше терпеть я не смогу.

И Макс оказался прав – держаться не осталось больше сил. И в номере – их не осталось совсем. Ни капли. Даже на то, чтобы до кровати дойти. По крайней мере – как только вошли – Макс пяткой подтолкнул дверь к косяку, заставляя замок защелкнуться поскорее, сбросил с ног кроссовки и сгреб Санни в охапку, прижимая её к стене. Девушка протестующе пискнула – она-то разуться не успела, но это как раз были уже не проблемы Макса. Пускай разувается в процессе своего раздевания.

– Блин, почему рубашка, – выдохнула Аленка, путаясь пальцами в пуговицах, и Макс насмешливо фыркнул.

– Потому что ты должна страдать, – усмехнулся, спуская с неё трусы. Вот прямо так, внаглую, с достаточной резкостью, чтобы стянутые до уровня колен на пол они долетели сами. И вот теперь уже без всякого трепета запустил руку между ног Аленки. Легко, будто мимоходом, задел клитор, заставляя девушку вздрогнуть и податься бедрами навстречу ладони Макса.

– Я протестую против страдания в одиночестве, – дерзко фыркнула Аленка, и Макс просто толкнулся двумя пальцами внутрь девичьего лона, в тесный влажный жар.

– Ох, – вот так вот, дорогая, ты должна себя вести. Хотя чего греха таить, твои попытки показать зубы заводят силь-

нее, чем всякая безотказная податливость. С женщиной не должно было быть скучно, иначе нахрена она вообще была нужна? Если она не умела бросать тебе вызов, не заставляла шерсть на холке внутреннего голодного зверя вставать дыбом – если все, на что она годилась, это унылый перепах и капризы – да нахрен. Макс любил, когда девушки выпендривались вот так. Это было поинтереснее, чем спорить о том, насколько отвратителен анальный секс. Таких вот как раз получалось брать «на слабо», они любили что-то доказывать, они любили кусаться и царапаться – а ничего на свете не доказывало мужику, что он хорошо постарался ночью, чем пара отпечатков зубов на плечах или расписанная ногтями женщины спина.

Вот и сейчас Санни задыхалась, сжималась всем телом во круг трахающих её пальцев Макса и мяла рубашку на его спине. Забралась одной рукой в волосы Макса – потянула за них, доставляя легкую боль. Сучка. Опять же дразнила, бросала вызов. Макс засадил пальцы глубже, и девушка ахнула – уже куда более громко. Ахнула, запрокинула голову, прикусывая нижнюю губу, а Макс скользнул пальцами свободной руки по голой шее, такой заманчивой, красивой шее. Сжал пальцы на горле Аленки – совсем легко, без давления, лишь чтобы ощутить, насколько она сейчас в его власти.

Девушка, кажется, была раскалена почти до предела. Она тянулась губами к его пальцам, в глазах была практически мольба, чтобы Макс ей засадил, но она все еще молчала.

Именно это и была её ошибка. Макс охренеть как хотел, чтобы Санни открыла рот. И вслух попросила её трахнуть. Это была бы первая маленькая победа в списке побед над ней.

Хорошо, дорогая. Добавим. В ход пошел третий палец, и стоны Аленки стали еще ярче, еще откровеннее. Она снова цеплялась в плечи Макса, прищипывая кожу практически до синяков, заводя зверя в груди еще сильнее. Дикая кошка. Кусачая. Потрясающая.

– Ну, давай уже, попроси, – билась в голове Макса мысль, а в его руках билась сама Аленка, распаленная, дрожащая с каждой секундой все сильнее, сама подмахивающая ему, насаживающаяся на его пальцы. Давай, милая, давай.

Аленка не попросила. Она кончила – совершенно неожиданно, с хриплыми воплями, так ласкавшими слух Макса, забарабанив его по плечам раскрытыми ладонями, обмякнув всем телом.

– Ну ты даешь, – усмехнулся Макс, разглядывая её офиgevшее лицо, осторожно поглаживая нежные нижние губки. Девушка от этой его ласки тихонько вздрагивала, еще не заводясь второй раз, но направляясь мыслями в нужную сторону.

– Ты... – Аленка с легким возмущением уставилась Максу в лицо. – Почему ты меня просто не трахнул, в конце концов?

– Потому что, – фыркнул Макс. Пояснять он не собирался. Вечер только-только начался, ночь впереди была длин-

ная, никакого разочарования по поводу облома у Макса не было. Какой облом, он сегодня еще все получит, а вот то, что Санни кончила в его руках – только от пальцев, – вот это самооценке очень понравилось. Не всякая девушка так могла. Это все-таки означало, что Аленке очень-очень хотелось – и сегодня именно Макса. Отличная новость же.

– Хорошо было? – насмешливо шепнул Макс в губы Аленке.

– Охренительно-о-о, – томно протянула девушка, глянула на Макса сквозь прищуренные ресницы, а затем подалась вперед, толкая Макса в плечи. Теперь уже оказалась очередь Макса впечатываться лопатками в дверь.

– Твоя очередь, – улыбнулась нахалка, опускаясь перед Максом на колени и глядя сверху вниз своими хитрыми глазами. С ремнем на джинсах Макса пальцы Аленки справились эффективнее, чем с пуговицами на его рубашки.

С козырей пошла, дорогая?

5. Не возвращай меня на землю

«Блин».

Бывают мужики, которые себе льстят и всячески преувеличивают свои размеры, и обязательно хвастаются, даже если нечем. Макс в основном эти углы в разговорах огибал, на провокации не велся, но как-то раз проболтался, что у него, мол, «крупный». Никакой конкретики, паразит, конечно же, не дал. Ну и сейчас Аленка поняла, что это был тот самый редкий случай, когда лести самому себе не было сказано не

слова. Как там было в Камасутре?

«Мужчины различаются по своим признакам, как «заяц», «бык» и «конь».

Это «бык» или «конь»?

А ладно, разберемся. Раз уж встала на колени – то что, вставать, округляя глаза: «Прости, Макс, но я не уверена, что твой член в моем рту поместится». Кажется, это не главное, так ведь? Главное – это начать – скользнуть языком вдоль по всей длине твердой мужской плоти. Лизнуть головку, «обнять» её губами, осторожно «подбирая зубы», насадиться ртом на член. Раз, другой, третий. Кожица под языком была такая тонкая – просто тактильное наслаждение. Аленка не особенно понимала брезгливости перед минетами. Чего тут брезговать? И член хорош – такой не грех и «воином» назвать – про себя, Алена, только про себя, нахрен метафоры, ты ж помнишь? Ничего прекраснее слова «член» для именованя мужского достоинства не придумали, и синонимы тут просто были не нужны.

На вкус он – чуть солоноватый, на вкус он – нежный, так бы скользила и скользила по этой чувствительной плоти губами, и никакого мороженого не надо. Макс хрипло дышит, и каждый приглушенный слабый стон Аленка засчитывает за личную победу. Нет, ну надо же, ведь захотел же! Хотя... Зря она сомневалась в Максе, обещал же пару раз «отодрать так, что встать не сможешь». Кажется, пришла пора получать... заслуженное наказание. И как бы Аленке сдержаться и не по-

просить завернуть ей два «наказания» по цене одного? Ну – сразу не попросить, дать Максу хотя бы чуточку выдохнуть. Потому что она-то его вполне могла и заездить, зря, что ли, Вадик презрительно именовал Аленку нимфоманкой? Так, нахрен Вадика, тут Макс!!! Охренительный, сногшибательный Макс, который точно не на всякую женщину обращает внимание. Но обратил же, обратил! И никого не должно быть в мыслях Аленки кроме него. И уж точно – рядом с ним в голове Аленки не должен соседствовать ни один мудака. Там должен быть лишь только Макс, который сейчас тихо постанывал от того, как его ласкала Аленка, заставляя девушку лишний раз гордо улыбаться – в мыслях, конечно, потому что рот был занят членом.

Никогда в жизни Аленка не получала такого удовольствия от минета. Казалось бы, чем гордиться – стоишь на коленях, вроде как унижаешься, и все удовольствие доставалось мужчине, а вот хрен. Это было охренительное чувство – ощущать лишь, что одним лишь движением языка, одним лишь прикосновением губ ты заставляешь мужика – взрослого, здорового, опытного мужика – вздрагивать, слабеть, забываться, хватать воздух ртом, как выброшенная на песок рыба. Да он не мог сейчас ничего делать, лишь только касаться Аленкиного затылка подталкивая её к себе чуть сильнее, чем она сама делала. И эта его слабость безумно будоражила, заставляла собственное самолюбие удовлетворенно усмехаться. Она могла заставить этого потрясающего мужчину думать только

о ней и ни о ком большем. Ничто не имело значения – только это. Она могла впиваться пальцами в эту подтянутую задницу, с которой самолично стянула и трусы, и джинсы. Ей-богу, эмоционально Аленка могла кончить и второй разик, чисто от того, насколько ей в кайф было ощущать отдачу. Не чью-нибудь – Макса Ольховского отдачу.

Нужно сказать, в какой-то момент Макс попытался Аленку притормозить, но она нетерпеливо дернула плечом, лишь ускоряя движения ртом. Он довел её до конца, и она доведет...

– Боже, Санни...

Теплое солоноватое вязкое семя ударило в небо, на краткий миг затмевая своим специфичным вкусом все прочие ощущения. Аленка глянула на Макса снизу вверх, чудом не улыбаясь. Ей понравилось заставлять его кончать. Как бы этим не увлечься. Язык Аленки скользнул по губам, облизывая их.

– Зараза. – Выдохнул Макс и, прихватив одной рукой джинсы, натянул их заново – хотя лучше бы снял, понятно же, что долго на нем не удержатся. После этого Макс прихватил Аленку за плечи и дернул вверх, поднимая в колени. Вжал в стену, снова – в соседнем номере, наверное, охреневали уже. Хотя им сегодня предстояло охренеть еще больше.

Жадные до невозможности губы впились в Аленкин рот. Это был настолько агрессивный поцелуй, что у Аленки в животе голод выкрутился в какой-то невозможно плотный и бо-

лезненный комок. Ей-богу, будто сожрать хотел заживо, и плевать, что во рту у Аленки все еще оставался его, Макса, привкус. И даже этот поцелуй заставлял хныкать в предвкушении. Ей смертельно хотелось, чтобы он ей засадил. Вот этот вот его член – который, к удивлению Аленки, уже воспрял и упирался ей в живот, заставляя внутри него растекаться все большему количеству раскаленного жара.

– Макс, ну трахни уже меня, – выстонала Аленка, вырываясь из жадного плена его рта. Терпеть сил не осталось.

– Ох, с удовольствием, – прорычал Макс, подхватывая Аленку под задницу и заставляя её вцепиться в его плечи, пользуясь случаем, еще и уткнуться в его шею носом, втянуть в себя его запах. Какой-то горьковатый парфюм, который Аленка теперь могла зафиксировать в памяти как запах Макса.

– Ох, – Макс Аленку на кровать практически швырнул. Швырнул, навис над ней с угрожающей улыбкой.

– Ну что, продолжим, сладкая моя?

Ой, Ольховский, напугай меня еще!

– Давай, котенок, ложись на бочок...

Аленка чуть не захихикала от этих ласковых интонаций, но потом только спохватилась, что это вообще было не смешно, а очень клево – то, что Макс с ней так нежен. Что, было бы лучше, если бы он обкладывал её матом, без особой причины называл шлюхой – потому что ему нравилось во время секса оскорблять партнершу, и вообще никак не цере-

монился? Не-е-ет, этот мужчина брал вкрадчивым штурмом обходительности, водопада ласковых слов и нежных комплиментов, обаятельной как у чеширского кота улыбкой, и своими бесстыжими лапами, которые уже и нашли, и расстегнули молнию сарафана на Аленкиной спине, и даже содрали с Аленки абсолютно всю одежду, которая на ней была. И все было бы нормально, если бы при этом Макс не оставался одетым. В какой-то момент Аленка заметила, что он будто нарочно уворачивается от её рук, тянущихся к пуговицам рубашки. Свинтус. То есть Аленка тут перед ним валялась голышом, а он её баловать видом собственного тела не собирался? Ух, как жаль, что она этого с полчаса назад не знала – ух откусила бы этому скрытнику кое-что...

Впрочем, совесть у Макса была. Потому что, даже не выдавая Аленке своих секретов (что у него там, пузико, что ли, намечалось?), он все равно беспокоится о её удовольствии, тиская Аленкино тело ровно столько времени, чтобы у Аленки перед глазами сложилась из цветных пятен целая палитра. Алёнка уже не знала, как ей умолять, чтобы Макс наконец перестал оттягивать, хотя все в его ласках было прекрасно. И то, как покрывал поцелуями чувствительную кожу груди, как втягивал в рот Аленкины соски – это было чуть болезненнее, чем поцелуи, и гораздо нежнее, чем укусы, и Аленка от этой непривычной ласки слегка сходила с ума. Все, что делал Макс – было охренительно. Вот только чего он, блин, ждал, трех оргазмов от одних только прелюдий? Даже сей-

час, когда Аленка уже лежала рядом голышом, а в её ягодичу упирался твердый мужской член, Макс все еще медлил, все еще оттягивал, все еще плясал пальцами по Аленкиному лобку, по половым губам. Аленка от этого перегрева могла взорваться с минуты на минуту. С секунды на секунду.

– Рассветет скоро, – насмешливо заметила Аленка, – а мы еще даже не приступили.

– Женщина, не порти мне наш первый раз, – фыркнул Макс, – и не преувеличивай, еще даже закат не отгорел.

– Рассвет, закат, какая разница, давай уже, – Аленка вильнула бедрами, прижимаясь к члену плотнее, заставляя Макса чуть вздрогнуть.

– А скажи «пожалуйста», – мурлыкнул Макс Аленке на ухо, сжимая пальцами бусинку клитора. Аленке не хотелось говорить, Аленке хотело уже хныкать – она уже дышать не могла, в легких клубился раскаленный пар от её перевозбуждения.

– Пожалуйста, Макс... – через силу выстонала. Ладонь Макса же скользнула по её бедру, заставляя Аленку слегка приподнять правую ногу.

– Люблю послушных девочек, – шепнул Макс, осторожно касаясь головкой члена чувствительного входа в лоно.

– Ах, какой же облом, я-то непослушная, – хихикнула Аленка, и именно в этот момент Макс толкнулся членом внутрь неё... Аленка же захлебнулась воздухом от этого сладкого взрыва. Все... Слов не было. Остались одни стоны.

Нечленораздельные глухие стоны и искры, которые очень хотели посыпаться из глаз и ушей.

Боже, Аленке казалось, что этого момента она ждала не один лишь сегодняшней день, и даже не пару месяцев превращения встречи с Максом. Этого момента, этого удовольствия она, кажется, ждала всю свою жизнь. Потому что ни с кем... Никогда... Вот так – не было!

В чем было дело?

В члене ли? О нет, это вряд ли. Не член доводил Аленку сегодня, не член возбуждал её медленно, упорно, не торопясь... Макс вообще к этому траху двигался не спеша, как удав к своей жертве. Казалось, можно было убежать, но жертва почему-то оказывалась неподвижной, загнипнотизированной. И неизбежно становилась жертвой.

Макс не спешил, двигаясь очень плавно, раскаляя Аленку на медленном огне. И каждый его толчок внутрь её девичьей щели был равен волне, сладостной волне практически невыносимого удовольствия, обрушивающей сейчас все существо Аленки навзничь.

– Макс...

– Ты охренительная, – выдохнул Макс ей на ухо, и эмоционально это было практически то же, что засадить этим потрясающим членом в самое нутро души. Эмоционально – Аленка снова почти кончала. Да ей сроду ничего подобного не говорили, обычно комплименты были как-то поскромнее, а их отпускающие – были гораздо менее фееричны и инте-

ресны Аленке, чем был Максим. Не говоря уже о том, что спустя некоторое время от начала отношений мужчина вдруг начинал ворчать. На набранные за зиму пару килограммов, на укороченные на десять сантиметров сеченых концов волосы, на слишком откровенный или слишком несексуальный наряд. Поэтому Аленка и давала этим отношениям две недели. Она не хотела разочаровываться в Максе, как разочаровывалась во всех других. Макс был охренительный, и его стоило запомнить именно таким. А не поскучевшим, уткнувшимся в WOT индивидом в растянутых трениках. И Аленка хотела запомнить и думать о Максе только так, как сейчас – как о спонсоре всего этого восторга, что раздирал её на части, в прямом смысле этого слова – переполнял!

– Макс...

6. Ненасытные

– Что тебе, мало?

Пальцы Макса легли на клитор Аленки, нежно его натирая. Аленка чудом не взбрыкнула – ощущений оказалось, внезапно, слишком много. Удовольствие от стимуляции клитора и от медленно проникавшего внутрь Аленкиного лона члена были такими разными, такими контрастными, что Аленка могла сорвать голос, вскрикивая так, как сейчас. Громко, надсадно, так, чтобы соседи за стенкой вымерли от зависти эффективнее, чем тараканы от дихлофоса.

– Макс... Макс... – рвалось с губ, измученное, умоляющее. И нет, мольба там была вовсе не о снисхождении, на-

против – лишь бы не вздумал остановиться. Хотя раз уж начал, передумает вряд ли. Оставалось только сгорать, стонать, прикусывать губы, сжимать собственные пальцы на запястье Макса, да нетерпеливо двигать бедрами, вынуждая мужчину чуть ускорить ритм. Стало еще горячее, будто Аленку уже жарили на раскаленной сковороде.

Как-то раз, когда речь зашла о том, что Аленкин сексуальный аппетит как-то обычно оказывается неудовлетворен, и что она всерьез предполагает в себе нимфоманию, Макс лишь посмеялся, заявив, что сколько «нимфоманок» на его пути ни попадалось, все к исходу ночи обычно становились всего лишь усталыми затраханнами женщинами. И Аленке казалось, что это он хорохорится, но блин, если Макс натягивал всякую, кто попадал к нему в постель... То Аленка отчаянно всем тем «затраханным» завидовала.

– Сладкая моя... Солнечная... – хрипло выдохнул Макс и даже парой этих вот слов заставил сердце Аленки облиться медом. Даже сейчас он трахал Аленку – Санни, Солнечную, как порой звал её в личке именно Макс, не кого-то еще, и ни о ком другом он не думал. Боже, как это было охренительно. Хотелось скулить и довести этого несносного мужика до оргазма. Хотя Макс-то точно должен был довести Аленку раньше. У неё не было шансов сопротивляться. Макс выжимал Аленку досуха, до дна, она действительно ощущала ту феерию, которую обычно описывали в женских романах, всегда описывая секс. А Аленка еще закатывала глаза, читая про те

многочисленные оргазмы женщины. Не верила. А зря...

Что там говорила та же Камасутра про совпадение «признаков»? Аленка могла поверить, что вот сейчас у неё с Максом случилось то самое-самое лучшее совпадение, которое только могло быть из всех возможных. Интересно, так ли хорошо Макс? Для удовлетворения этого любопытства пришлось заставить себя слушать – а то ведь уши от количества впечатлений забило плотной ватой. Макс тоже стонал. Тихонько – со всяким толчком внутрь Аленки, но так, что никакого сомнения в том, что ему было хорошо, в Аленкиной душе не осталось. И от этого все изнемогающее от удовольствия Аленкино существо будто покалывало иголочками в подушечки пальцев. Пусть эти отношения не надолго, пусть ей придется потом разжать руки, нацепить на лицо улыбку пошире и оторвать себя от Макса, хотя даже сейчас, уже сейчас, Аленка, кажется, всей душой к Максиму прильнула, практически приросла. Это будет больно. Но... Больно – это как раз привычно. Больно от расставания лучше, чем тоскливо от разочарования. И вообще, Яковлева, с какого хрена ты опять потекла мыслями не в ту сторону, тебе что, сейчас заняться нечем? Кончай тогда, ты уже вот-вот!

Внутренний голос был прав, оргазм подступал к Аленке быстрым маршем, и все сильнее Аленка забывалась, все яростней елозила задницей, насаживаясь на член Макса, все сильнее гудело в ушах, все острее становилась эта сладкая мука.

– Ма-а-акс... – выдохнула уже из последних сил, когда на тело навалилась слабость, когда и ноги, и руки вдруг резко «поватнели», когда удовольствие от очередного толчка впи-лось в тело особенно безжалостно, выкручивая из Аленки остатки сил. Уткнулась лицом в подушку, ощущая, как тихонько подрагивают ноги, как потихоньку между ног теряет-ся чувствительность. Кожа была влажной от пота. Давненько Аленку прям вот так не загоняли, хотя что там – не очень активно и подмахивала, вот если сверху – вот там «пропо-теть» и вымотаться удавалось сильнее.

Макс лежал, не выпуская Аленку из теплой хватки, и неумоимо продолжал тихонечко в неё толкаться. Вопреки ожиданиям Аленки – он не ускорялся, чтобы кончить по-быстрее.

– А ты? – тихо выдохнула Аленка, и Макс фыркнул, сколь-зя пальцами по животу Аленки, вырисовывая на ней неведо-мые буквы, и вслед за его пальцами по коже Аленки будто бежали крохотные искорки.

– Можно подумать, мне обязательно куда-то спешить, – усмехнулся он, – я тебе обещал, дорогая, что отделаю тебя так, что ты обкончаешься?

Упс...

– Решил сдержать слово? – ухмыльнулась Аленка, чуть выгибаясь и выпячивая задницу, так, чтобы Максиму обост-рить ощущения.

– Как будто я собирался от этого как-то уклониться, – ла-

доть Макса, его губы скользили по телу Аленки, по чувствительной кожи груди, по голым плечам, по шее легко, ласково, нежно, заставляя Аленку напрячься, снова пробуждая в ней голодное тепло. Телу Аленки не нужно было долго объяснять, что от него хотят, оно довольно быстро отходило после оргазма. И пяти минут не прошло, как голова снова начала слегка кружиться.

– Хорошо же, – Аленка улыбнулась, а затем самым свинским образом отодвинулась от Макса, оставаясь собственно без члена внутри себя. Это было сложно, это было практически болезненно, но все-таки.

– Сейчас позу выберу я, не возражаешь? – улыбнулась Аленка, поворачиваясь к Максусу и глядя на него сквозь слегка прищуренные ресницы.

– Дерзай, – показалось ли Аленке, или в сумраке, сгустившимся в её номере, глаза Макса заинтересованно блеснули?

Вообще, показать мужику свою любимую позу в сексе было равносильно тому, чтобы вскрыть перед ним если не все свои карты, то, по крайней мере, часть. Умный мужик бы сразу сделал выводы, не только об уровне твоей активности в постели, но и о ряде черт характера. Это вроде как был вполне отчетливый намек. Правда, как это часто оказывалось, намеки понимали не все. И даже не «не все мужики», никакого сексизма. Намеки, в принципе, плохо понимало большинство людей. Так что, что уж там Макс поймет – его дело. Аленка же отважно его бедра седлала «задом наперед».

«Перевернутая наездница» была отличной позицией. Во многих смыслах. Аленка кайфовала от того как легко могла контролировать проникновения в свое тело, подстраиваясь так, чтобы член задевал самые чувствительные точки, чтобы конвульсии удовольствия, растекавшиеся по телу, были совершенно беспощадны. Чтобы слабость от всякого движения бедрами была более сильной. Чувствовать себя слабой от удовольствия – что могло быть лучше?

– Ты хороша с любой стороны, да? – с осязаемой улыбкой в голосе поинтересовался Макс, пока Аленка, осторожно приподняв бедра, направляла член в положенное для него место.

У позы была удобная сторона и для мужчины. Ну скажите, какой мужчина не находит привлекательной женскую задницу? А если в качестве бонуса к этому прилагался и вид на женское естество, на тесную щель, в которую проникал член самого мужика? Инстинкт завоевателя в них в эти минуты корчился в судорогах удовольствия. В общем, не поза то была, а джокер, и ничем она не уступала пресловутой «доггистайл».

Быстро двигаться у Аленки не получалось. Всякий раз, когда она опускалась на член Макса, – у неё из ушей хотела вылиться раскаленная радуга. Так охренительно еще не было ни с кем, это Аленка уже за этот вечер поняла. Никогда еще она не заводилась на второй раз так быстро, да и вообще в принципе обычно Аленке для настройки было нужно куда

больше прелюдий. А сегодня она готова была на Макса напрыгнуть чуть ли не после поцелуев посреди Сухого фонтана. И голова кружилась, и трусы казались невыносимо раскаленными. Наверное, она еще никогда не влюблялась так глубоко, не была очарована всем мужиком, всем его несносным существом, а не только лишь глазами или кубиками пресса.

Сейчас – все было именно так. Именно поэтому всякий вскрик Макса, сорванный с его губ, заставлял сердце в груди ликующе подпрыгивать. Ему было с Аленкой хорошо. Настолько хорошо, что он сам забывал про свое желание оттянуть собственный оргазм и, стиснув ладонями бедра девушки, натягивал её на свой член. Заставлял её кричать от этого раскаленного удовольствия, с каждой секундой все сильнее, все откровеннее.

О, наконец-то постучали в стенку. Звукоизоляция в гостинице было дерьмовая, хотя иного Аленка и не ожидала – сама гостиница была не класса «люкс». На что хватило сбережений провинциальной программистки, то и оплатила.

В отместку стучащим, Аленка начала двигаться резче – и орать еще громче. Завидуйте молча, хреновы зануды: ночью, в своем номере – отдыхаю как хочу и сколько хочу. И с кем хочу – раз уж удача решила улыбнуться.

Ей-богу, вот правду писали всякие горе-психолухи, сколь бы ни подтачивала уверенность в себе паскудная самооценка, наглость действительно была вторым счастьем. Сделай первый шаг к интересующему тебя мужику, покажи, что ты

совсем не против, чтоб он тебя завоевал – хотя бы на эту ночь. С тебя не убудет, и время проведешь с пользой. С большой такой пользой. Ох-х... с какой большой пользой. Все-таки «не в размерах счастье» придумали какие-нибудь закомплексованные балбесы. Нет, наверняка удовольствие можно было получить практически в любом случае, но вот такого фееричного совпадения, как сейчас у Аленки, еще не было. И нет, не было больно – как если бы вдруг оказалось «слишком много». Все было как раз. Тютелька, мать её, в тютельку. Так, как и надо, чтобы не уговаривать себя кончить в течение минут, этак, сорока, отнюдь. Аленка ухайдокалась минут за восемь, и это она еще долго продержалась. Кончать сверху было оглушительно кайфово, внутри груди будто лопнула и растеклась по всему телу, в каждый маленький капилляр сконцентрированная, раскаленная как пески пустыни жара. Аленка, чуть-чуть умирающая, хныкающая от переизбытка удовольствия, ощутила себя инфузорией – без ручек, без ножек, одной лишь бессильной студенистой массой, стремящейся от усталости растечься по простыне. Ах, кто бы ей дал еще растечься...

Макс своей хватки на Аленкиных бедрах не ослабил. Даже сместил ладони выше, на талию и начал двигаться в скором, слишком скором для находящегося снизу мужика ритме. Продолжая подталкивать тело Аленки к себе. Аленка скулила – всякий толчок его члена внутри неё даже при теряющейся чувствительности все равно чувствовался острым,

плотным, заставляющим ощущать каждую клеточку, каждую точку Аленкиного тела. И это было ужасно приятно, хотя бы даже эмоционально, потому что сейчас Макс явно находился на грани. Этот обаятельный, классный мужик – безумно заводящий Аленку одним лишь выражением глаз, – трахал её и готов был кончить вот-вот. И кончил, с хриплым глухим стоном, лишь одним толчком члена выбив из Аленки последний вдох. Позволил, наконец, ей рухнуть на простыню рядом с собой, чтобы здесь она, охреневающая от происходящего, таращась в потолок и пытаясь пересчитать точки, кружащиеся перед глазами, услышала.

– Два-один в мою пользу...

7. Сосед

Аленка проснулась от стука в дверь. Проснулась, не открывая глаз, прислушалась к ощущениям. Не сказать, что на кровати в одиночном номере было очень удобно спать вдвоем. Хотя с учетом, что рядом с Аленкой сейчас дрых Макс и это его теплая тяжелая рука лежала у Аленки на талии, и это он тепло дышал ей в шею, Аленка была согласна поспать и с меньшим комфортом. Скажем – на полу.

Стук не прекращался. Кто-то конкретно озадачился достать Аленку из постели. Может, случилось какое ЧП? Или сосед настучал администратору? Интересно, чем Аленке чревато «громкое» поведение ночью? Выселят? Ага, сейчас, в уставе гостиницы не было ни слова про то, что постояльцы не могут ни с кем заниматься сексом, вот и пускай выкусят.

Или деньги возвращают. Или... Или в номер для новобраных переселяют... Какие там еще методы маркетинга были? В какую сторону обнаглевший, разбуженный в хренову рань (а девять утра для отпуска и почти бессонной ночи были реально несусветной ранью) потребитель мог раскатать свою губищу?

– Стучат, – проворчал Макс, недовольно шевелясь.

– Не вставай, я к ним выйду, – Аленка тоскливо вздохнула (номер-то все-таки был её, ей и нужно было разбираться) и нехотя выползла из-под одеяла и из-под руки Макса. Нашла белый махровый халат, сунула ноги в тапочки, поползла к двери. По пути зацепила взглядом зеркало в шкафу и прикрыла глаза, чтобы разведеть состояние волос. Матушка-природа и так-то наградила пышной, ужасно жаркой гривой мягких вьющихся локонов, а сейчас, после ночной «трепки», на голове Аленки было форменное воронье гнездо. Только вороны и не хватало в центре этого безобразия, и можно было лететь на шабаш. Впрочем, пофиг было, в каком виде Аленку увидит администратор, или кого там еще принесло?

Об этом своем решении Аленка быстро передумала. Вот прямо как открыла дверь – так сразу и передумала. И не столько потому, что Аленку хотел видеть какой-то мужик – незнакомый мужик, хрен бы с ним, не его дело, как Аленка выглядит, сам виноват – сам приперся. Просто взгляд у мужика был такой красноречиво убийственный, что стало

неловко за все – и за гнездо на голове, и за халат и тапочки, и за нечищенные зубы – даже за прыщик, спрятанный за челкой, хотя уж его-то априори никто не должен был увидеть.

Мужик был не очень опасный на самом деле. Высокий, широкоплечий, но не шкафчик. В очках и классическом костюме, в белоснежной рубашке, даже при галстукке. Просто Аленка была вне весовой категории любого мужика, поэтому не очень любила вот таких вот взглядов с мужской стороны.

– В-вам чего? – растерянно поинтересовалась Аленка.

– Мне бы тишины по ночам, – угрожающе улыбнулся мужик. Все-таки сосед. Лично приперся, решил не беспокоить администратора.

– Я только вернулся из командировки, сутки был в поезде. В душном, мать его, поезде, раздери РЖД чем-нибудь неанатомической формы, – голодной гиеной оскалился собеседник, – соседи там были придурки. Дома ничуть не лучшие придурки затеяли ремонт. Сегодня конференция. Думал, отосплюсь в номере. Так и тут же соседи оказались не лучше. Всю ночь орали так, что в поезде, кажется, было тише. Я уж думал к вам третьим присоединиться, авось – не так обидно было бы.

– И-извините, – пролепетала Аленка.

– Мужик, лесом сходи, авось бабу себе найдешь, будет чем заняться... – раздался за плечом голос Макса. Аленка инстинктивно дернулась, оборачиваясь. Макс в одних джинсах уже, скрестив руки на груди, стоял за Аленкиной спиной.

– Тебе, может, снотворного надо, что ты девке спать не даешь всю ночь? – «командировочный» смерил Макса оценивающим взглядом.

– Себе виагры купи, раз завидуешь нормальной потенции, – хладнокровно улыбнулся Макс, и сосед аж лицом закаменел, явно желая съездить Максиму по лицу. На лице прямо было написано, сколько язвительных комментариев сосед сглотнул и не озвучил.

Пару секунд оба «самца» играли в гляделки, и у Аленки было ощущение, что они мысленно, если не дуэль на шпагах затеяли, то членами померялись однозначно. Им-то было хорошо. А Аленка ощущала себя слегка лишней.

– Сегодня тоже будете... шуметь? – с гримасой, выражающей глубочайшую степень отвращения, поинтересовался мужик.

– Обязательно, – спокойно усмехнулся Макс, – прямо сейчас начнем, только тебя, дорогой, проводим...

В многозначительно недосказанном окончании предложения явственно слышалось «на тот свет».

– Тогда держите, пригодится, – мужик вытащил из кармана пиджака кляп, – вам нужнее.

Черненький кляп из сексшопа, новенький, даже с бирочкой, сосед пихнул Аленке в руки, и она от неожиданности его так удержала. Дождаться ответа сосед не стал, развернулся и быстро зашагал... нахрен. Ну а куда он еще мог зашагать? Ну, может, вниз, в кафешку за завтраком, но Аленка

надеялась, что мужик уже позавтракал. А то если она сейчас спустится – ей что, жрать, не поднимая от тарелки красного, смущенного лица? Ну ладно, сама виновата – ночью реально могла бы и заткнуться, но... Но пошли же все недовольные нахрен ночью, вот и сейчас пускай идут. Аленка закрыла дверь и рассмеялась, разворачиваясь к Максy лицом. Ей-богу, вот тут ей было на что обратить внимание, а не занимать себя разговорами со всякими дятлами.

– Ты без рубашки, – хищно улыбнулась Аленка, любуясь плавным мышечным рельефом. Ей-богу, Аполлон бы тут, комплексуя, завистливо слюной покапал. Какие плечи, какой пресс. А грудные мышцы... Вах! Хоть прямо сейчас на обложку PlayGirl. А Аленка-то подозревала бесформенность. Аж стыдно стало слегка. Макс в деланном испуге округлил глаза.

– Да ты что, правда, что ли? – изобразил на лице панику, завертел головой, кажется, в поисках рубашки, а затем, качнувшись вперед, просто прижал собственным телом Аленку к двери.

– Эй, дай хоть душ принять, – фыркнула Аленка. Она искренне сомневалась, что с гнездом на голове является воплощением эротической фантазии.

– Я обещал, что мы сейчас продолжим, – улыбнулся Макс Аленке в губы, – а я всегда держу свое слово.

– О, я уже поняла, – тихонько выдохнула Аленка, вспоминая про обещанное когда «отдеру так, что задолбаешься»

кончать».

Узел на поясе халата капитулировал перед пальцами Макса, и, уступая его же ладоням, скользнувшим по плечам Аленки, сам халат тут же оказался на полу.

– Ну, тогда пойдем уже продолжать! – опустив теплую ладонь на лобок Аленки, тоном заправского змея-искусителя произнес Макс.

Ох, зря Аленка не швырнула в соседа его «подарочком», ох зря. Потому что все могло обойтись боле-менее мирно, простым сексом, ну, может, с какими-нибудь вариациями. Это были бы легкие вариации, на тему того, кто сверху или кто к кому задом, а кто передом, но...

Аленка кляп вслед соседу не швырнула. Она эту хрень даже из рук почему-то не выпустила, а Макс, обнаружив в сжатых Аленкиных пальцах кожаный шарик, будто чего-то принял.

– Поиграем? – в его лукавых глазах цвета корицы Аленка узрела такой вызов, что сразу поняла – если согласится – будет ведомой лохушкой. Еще какой ведомой лохушкой. Макс хотел над Аленкой поизмываться, отомстить за все её дразнящие, заводящие реплики, за которые сам Макс Аленку сравнивал не с кем-нибудь, а с Эрато, что Аленке безумно льстило. И соглашаться было очень опасно, но...

– А давай, – улыбнулась Аленка и по зловещей улыбке Макса поняла две вещи. Первая заключалась в том, что она была на диво предсказуемой и никакого другого ответа Макс

от неё не ждал. Вторая же – Аленка, судя по всему, недооценивала степень того, что ей предстоит вынести.

Но блин. Скучный секс... Да нахрен бы его вместе с невыспавшимся соседом. Уж чего-чего, а этого добра Аленка в своей жизни наелась. А вот Макс, который упоминал, что в постели вполне найдет применение для вибратора, Макс с его несносными пальцами, Макс, от которого кружилась голова... Да нахрен бы унылый секс в миссионерской позе, Аленка жаждала приключений... Интимных приключений, да. Ну, не оргии, конечно, вот на это бы Аленки точно не хватило, и даже на групповичок – нет, не пошла бы. Но... что сейчас Макс мог сделать ужасного? Да нихрена. Аленка интуитивно ощущала, что жесткача, реального жесткача Макс не приемлет и сам. Ну, короче говоря, раз задница неприятностей не ощущала, значит – можно было рискнуть. Своей заднице... тьфу, то есть интуиции, Аленка вполне доверяла.

Как Макс утанцевал Аленку в сторону кровати – хрен же его поймет. Это была высшая магия и чародейство, от двери до кровати было не меньше семи шагов – заткнуть рот Аленки своими губами и поднять в ней такую сильную волну желания, что она даже и не заметила, что её ведут к кровати. Уже постфактум, когда её собственно на эту кровать завалили. Только пискнуть и успела. Хотя... Протеста в том пiske не было ни грамма, лишь удивление.

О боже, какие у Макса были красивые плечи. Вот дал бы волю губам – облизала бы всего, каждый миллиметр этих

бицепсов, лишь бы распробовать его на вкус, да вот нет уж, Яковлева, страдай. И обходись руками. Косись взглядом на незамеченного вчера охрентительно графичного, черного, выющегося вдоль по всему левому предплечью аж от запястья восточного дракона. Татуировка была очень качественной, завораживающей, хищной. Даже грозной. На неё хотелось любоваться. Да, Максу она подходила... У него были ужасно хищные повадки. Ей-богу, такого мужика и самцом было назвать не грех, до того он был неумолим и инстинктивен.

В первую пару минут казалось, что Макс и думать забыл о своем «Поиграем?». И положение тел вообще намекало на миссионерскую позицию, и не то чтобы Аленка была против – Максу она бы дала в любом положении тела. Только ему – ему было не жалко дать таким банальным образом. Ну, зря, что ли, сохла по нему столько времени – глупо, бессмысленно и заочно? Вот теперь они встретились «очно», и у неё не было времени оттягивать. Один из четырнадцати дней уже закончился, еще тринадцать пройдут гораздо быстрее, чем ей бы хотелось. Только глазом моргни – и не останется уже ни дня, ни часа, и все, что останется – лелеять в груди воспоминания. И надежду, что для Макса этот их бурный роман значит чуточку больше, чем просто секс, от которого грех отказаться.

Аленка сомневалась, что влюбится еще раз – так же глубоко, так же неумолимо, как будто в семнадцать лет. В кон-

це концов, когда до тридцати лет вдруг остается всего год-два – так охренительно удивительно, что ты все еще веришь в любовь с первого взгляда, любовь по интернету, любовь на расстоянии и прочие краснокнижные виды любви, что практически не встречались вне мелодрам и женских романов. И нет, ты пыжишься, пытаешься прикинуться ванильной, смотришь каждый мультик Уолта Диснея, лопаешь мороженое и крутишь на башке хвосты как у школьницы, но сама себе ты уже не веришь. И когда вдруг на тебя наваливается это, такое все из себя наивное, глубокое, всепоглощающее, когда ты взрослая, циничная тетя, как шестнадцатилетняя дурачишься, шлешь идиотские стикеры незнакомому тебе мужику, просто потому что он дает тебе в голову как пузырьки от шампанского... Тебе ничего не остается. Лишь подыграть. Уступить. Ты взрослая девочка, ты знаешь цену эмоций, ты знаешь, как нескоро тебе удастся снова вот так оглушительно влюбиться. До сорока – без шансов. После – и вообще забудь. Так не бывает. У людей есть недостатки. И это в семнадцать можно их не замечать, после того как нахлебаешься – начинаешь дуть на воду. Именно поэтому Аленка и забила на мнение всего своего круга знакомых. У них просто такого не было. Чтоб вот как сейчас, жадно прижиматься к горячему мужскому телу, лихорадочно скользя ладонями по его спине, постанывая от нарастающего в груди возбуждения. Чтобы разочарованно захныкать лишь от того, что губы, терзающие рот, взяли и бросили Аленку без своего

восхитительного вкуса, без такого жадного, пьянящего языка.

– Пожалуй, пора начинать, – тоном, от которого по коже побежали волнительные мурашки, произнес Макс.

8. Мальчик, который всегда ведет

Макс перевернул Аленку на живот. Вот прямо взял за плечи и перевернул. Провел пальцами вдоль по голой спине, выписывая на ней змейку. Аленка тихонько втянула носом воздух – потому что сейчас казалось, что пальцы Макса оставляют на её коже раскаленный след. Хотелось замереть и прислушаться только к этим ощущениям.

– Солнечная моя, – выдохнул хрипло Макс с оттяжкой гласных звуков, – какая ж ты охренительная, трахал бы и трахал, пока не словлю инфаркт.

– Ну так не тормози, – хихикнула Аленка, нетерпеливо качнув бедрами, – грешно заставлять Эрато ждать. А то она тебе сладкие песни петь перестанет.

Вообще-то сладкие песни сейчас пел Аленке Макс. И говорил он так убедительно, что ему ужасно хотелось верить, забыть про те недостатки, которые Аленка совершенно точно у себя наблюдала. Правда, стоп, на этом стоило остановиться. Как бы, утвердившись в самооценке, не раскатать губу и не затребовать какие-то на Макса права, не сознаться ему в дурацком влюбленном неостановимом влечении, не захотеть взаимности... Нет уж. Этого было допускать нельзя.

– Я тебе перестану, – угрожающе шепнул Макс, на крат-

кий миг накрывая Аленку своим телом и прижимаясь губами к её шее, под левым ухом. Прикусывая кожу на ней так, будто реально был голодным хищником. Вырывая из губ Аленки тихий вскрик. Прикусил – поставил отгиск своих зубов как клеймо на её коже и отстранился. Звякнул пряжкой ремня на джинсах.

– Руки за спину, котенок, – его ласковый тон и нежные слова были явно приманкой в ловушке. И это работало – ему хотелось угодить. В его ловушку хотелось попасться. Аленка примерно представляла, чего ей ждать, и поэтому свела запястья сзади.

– Ну вот, а говоришь, что непослушная, – фыркнул Макс, и на запястьях стянулась плотная кожаная петля. Аленка чуть дернула было руки в стороны – но... Кажется, Макс с ремнем управлялся не впервой. Завернул вокруг запястий Аленки ремень таким образом, что он не разъехался. В кожу ремень не врезался, но было все-таки довольно туго, и запястья было не высвободить.

Непослушная. Да, для любого другого мужчины Аленка таковой и была. Всем тем, чьи недостатки Аленку раздражали, подыгрывать не хотелось. У них таковой власти над Аленкой не было. У Макса была – причем было не понятно, откуда и что являлось причиной такой Аленкиной слабости. То ли Макс был чертовым совершенством, то ли попросту его недостатки были поданы так, что Аленка принимала их за достоинства.

– Не больно? – мягко поинтересовался Макс.

– Нет.

– Хорошо. А теперь открой рот, зайка.

Шарик кляпа был тугим. И честно говоря, заткнул рот Аленке нахорошо. Завязки у кляпа были мягкие, текстильные, никаких тебе кожаных ремней и кнопок, и это оказалось тактильно приятно. Судя по всему, Макс на затылке у Аленки даже бант завязал, а не просто узел. Эстет, блин.

– Встань-ка, зайка, – Макс мягко потянул Аленку за плечи и, подхватив её ладонью под живот, помог подняться. Встать на кровати на коленях. Гольшом. В одном лишь ремне, стягивающем руки, и кляпе.

И все-таки Макс был эстет, потому что с минуту он на Аленку просто смотрел со спины, осторожно оправляя её волосы, поправляя бант на затылке, затем опустил ладони на её плечи, мягко провел вдоль по рукам, согревая её кожу и заставляя сфокусироваться на ощущениях.

– Ужасно эротичное зрелище, – произнес он и слез с кровати, обогнул Аленку и уставился на неё теперь уже спереди, и сверху вниз. Аленка глядела на него насмешливо. Хотя, честно говоря, от этого жадного взгляда душа принималась трепещать. Ей нравилось, как Макс сейчас на Аленку смотрел – голодным, практически алчным взглядом. И это было всего лишь влияние кляпа и ремня? Интересно... Интересно, что Макс может захотеть еще?

Вообще, в нынешней беспомощности Аленка находила

свою прелесть – несмотря на четкое ощущение, что Макс ей вреда не причинит, все равно адреналин покалывал кожу будто бы сладкими иголочками. И сердце билось чаще. Она не знала, чего ей ждать и сколько придется терпеть. Сейчас только Макс определял, что с Аленкой будет в ближайшее время. Захочет – и оставит вот так вот голышом, на коленях, а сам будет на Аленку просто смотреть. Захочет – и засадит без особых прелюдий. Хотя сейчас прелюдии Аленке уже были не особо и нужны...

Теплые пальцы Макса скользнули по подбородку Аленки, и он склонился к ней ближе, сокращая расстояние между ними. Между его глазами и глазами Аленки было всего ничего – меньше десяти сантиметров.

По губам Аленки, обхватывающим шарик кляпа, пробежал неторопливый, влажный язык. Макс её поцеловал, прямо поверх кляпа, и было в этом поцелуе что-то трепетное, будто Максу казалось, что он целует мираж.

А потом был «прыжок». Макс качнулся вперед, вновь вставая на кровать коленями и снова роняя Аленку на него. Никакого трепета, никаких лишних вопросов о разрешении. Хищник просто игрался со своей жертвой, потому что ему так хотелось – и потому что жертва не была против. Просто снова перевернул на живот, раздвинул Аленкины бедра.

– Ноги не сводить, – шепнул на ухо, – сведешь – вечером привяжу к кровати уже и за руки, и за ноги. Поняла?

Макс, таким нельзя угрожать. Это звучит слишком заман-

чиво. Хотя Аленка принципиально хотела «выиграть», не хотела сдаваться вот так просто. А вот побороться и проиграть – можно.

Аленка кивнула, и пальцы Макса скользнули вдоль по её бедру, к уже влажным половым губам.

– Ну, тогда приступим, – тоном заправского гурмана произнес Макс. – Приступим...

Боже, как замерло у Аленки сердечко. Вот вроде понимала, что бояться нечего, но внутри все затрепыхалось – от страха и от предвкушения.

– Хочешь, – удовлетворенно заметил Макс, запуская руку между Аленкиных бедер. Это было слабо сказано. Аленка и сама не очень понимала, что её так заводит, то ли чувство новизны от связанных рук и кляпа во рту, то ли сам Ольховский – этот голодный хищный дикий кот, которому невозможно было отказать ни в чем. Или это просто Аленка была лохушка? Да ладно, лохушки не получают удовольствия, а Аленка, кажется, кончить могла от одного только прикосновения Макса. Ну – эмоционально, по крайней мере, точно. Хотя сейчас – сейчас уже и обычный оргазм мерещился на горизонте.

Макс терзал Аленкин клитор. Прищипывал, теребил, заставлял Аленку жмуриться и сдавленно мычать. Кляп ужасно обострял ощущения. Он лишал возможности выпускать пар через рот, и энергия, не выпущенная из тела, оставалась тут. Разогревала сильнее. Еще сильнее, чем обычно. Если

раньше Аленке казалось, что от перевозбуждения у неё может пойти пар из ушей, то сейчас из ушей вот-вот могло вырваться пламя.

А ведь нужно было держаться. Ну, хотя бы сколько-нибудь. Никакого жульничества – Аленка абсолютно искренне хотела свести бедра, зажать пальцы Макса, остановить эту сладкую пытку, дать себе хоть чуточку отдышаться.

Держалась. Пока. Несмотря на то, что внутри у Аленки все уже пылало алым заревом, и чтобы затушить тот пожар, нужно было бы спрятать Аленку в сердце какого-нибудь ледника...

– А если так? – пальцы Макса – сразу два – толкнулись вглубь Аленкиного лона. Медленно, плавно, вкрадчиво. Там пальцы задевали внутренние стенки, от прикосновения к одной из точек Аленка на краткий миг будто ослепла. В обычных условиях она бы ахнула, сейчас же её стон поглотил кляп. Аленка дернулась, попыталась увернуться от этих глубоких плавных движений, неумолимо задевающих чувствительную точку, да куда там. Свободная тяжелая ладонь опустилась на Аленкину талию, прижимая её к простыне. Аленку от неминуемого и скорого оргазма спасала лишь неторопливость Макса. И от этой неторопливости всякое проникновение его пальцев внутрь Аленки заставляло выгибаться. Хотелось орать и извиваться, хотелось беспорядочно сучить ногами и умолять уже перейти от аперитива к основному блюду. Но... Сегодня Аленка должна была терпеть.

Это было не все. То ли Аленка, к удивлению Макса, слишком стойко держалась – ну да, пару минут продержалась, молодец какая. То ли просто это были лишь «присказки».

«Сказка» началась, когда Макс большим пальцем коснулся дырочки заднего прохода. Вот этого Аленка не ожидала. При всем прочем, да, пару раз анальный секс в её жизни имел место быть, но привычен ни разу не был. Что Макс хочет? Сейчас? Большой палец Макса толкнулся глубже, осторожно лаская внутренние стеночки ануса. У Аленки перед глазами заплясали звезды. Это была такая странная ласка, непривычная, стоящая на грани. От неё звенело в ушах, от неё громыхало, и все, что хотелось – чтоб мир немедленно замер, пока ты тут хочешь, но не можешь захныкать, запротестовать... И попросить еще...

Аленка пыталась не елозить бедрами, пыталась держаться, но всякое движение – либо добавляло глубину проникновения фингеринга, либо снова и снова подталкивало пальцы Макса к точке джи. А что это была она – Аленка уже не сомневалась. Надо же, и Аленка не думала что существование этой точки – не выдумки, но нет – это была правда. И все рассказы об удовольствии от прикосновения к ней тоже не ввали.

– Тебе хорошо, зайка?

Аленка, увы, ответить не могла. Вот чего было не отнять у этих ощущений, так это их остроты, их восхитительности. По отдельности они несли всякая свое удовольствие, но вме-

сте – казалось, что вытерпеть их и уйти живой просто невозможно. И никак Аленка не могла себя спасти от этого сокрушительного удовольствия, руки были связаны, рот был заткнут кляпом. А в голове, как в полном улье, гудело от ощущений – сильных, странных, восхитительных – и таких острых ощущений, и гул становился все сильнее... сильнее... сильнее.

Она кончила, сама подмахивая Максу. Сама насаживалась на его пальцы то той, то другой дырочкой. И от всякого проникновения готова была задохнуться.

Кончила – и это был самый странный, самый сильный оргазм из всех, что она переживала. Нет, конечно, всякий оргазм – особенное удовольствие, но этот даже сравнить ни с чем было нельзя. Связанные руки... Кляп... Нужно будет сказать соседу спасибо, ну или просто... прибегнуть к помощи его подарка ночью.

Аленка кончила – и проиграла, потому что бедра все-таки сжались, инстинктивно. Макс же злорадствовать совсем не стал, лишь прижался губами к шее Аленки, будто радуясь её удовольствию, сокрушительному и такому потрясающему.

Кажется, в этой игре счет всегда будет за Максом... Но... Разрыв в счете Аленка постарается минимизировать.

9. Солнечная кошка

Санни. Его – Макса Ольховского – солнечная, страстная кошка лежала сейчас в его руках и пыталась отдышаться. Кляп Макс снимать не спешил, да и руки освободить тоже.

Он выиграл – да. Ну, кто бы сомневался, что он в этом раунде выиграет... Вообще, Аленка продержалась даже меньше, чем Макс ожидал. И это было охренительно – доводить девушку до оргазма всегда было охренительно приятно. Что могло быть прекраснее ощущения, когда женщина в твоих руках корчилась, кричала от наслаждения? Что еще лучше докажет тебе, что ты можешь заставить свою женщину испытать это удовольствие. Это ли было не лучшим доказательством мужской интимной состоятельности? Не отсюда ли росла гнилая манера – не кончать, так имитировать? Чтобы подмахивать самолюбию всяких ленивых кретинов.

Нет, Макс Аленку в имитации не подозревал, тут реакция была такая – ни с чем не спутать. И враз ослабшее тело, и инстинктивно сжатые бедра... Она бы орала – если бы он ей это разрешил. Но он не разрешил – и она кончила даже так, связанная, с кляпом во рту. Макс сейчас себя ощущал как никогда отлично – хозяином положением, её хозяином – этой вот связанной сладкой девицы, от которой не хотелось отрываться.

Пальцы скользили по голой коже нежного животика.

– Красивая моя... – шепнул Макс, и девушка – явно польщенная – чуть шевельнулась, выгибаясь, прижимаясь задницей к его паху. Сладкая. Её снова хотелось отодрать. Без повода. Не отрывая рук от этих мягких грудей. Еще бы отнять губы от этой открытой шеи. Гладкой шеи, пропахшей чем-то сладким, будто каким-то печеньем – очень подходя-

ций, кстати, это был запах. Нет, никак не вышло оторвать губы – получилось лишь спуститься ниже – на спину, от лопаток спускаясь к талии. Девушка от его поцелуев слегка вздрагивала, чуть подергала запястья. Как же хорошо это было – ощущать её в своей власти. Молодец Макс, что вчера взял отгул на работе. Знал же, что так и будет! Еще бы завтра отодраться от нее. Невозможно же. Она вот так, сходу, позволила себе связать руки, согласилась взять в рот кляп... Что она могла еще Максу позволить? Могла ли пойти на большее? Впрочем, об этом было слегка несвоевременно думать. Сейчас думать надо было о том, чтобы и самому получить удовольствие перед завтраком.

Ну что, готова ли? Макс скользнул пальцами к девичьему треугольнику – влажному, жаркому. Аленка же, как нарочно, снова вильнула задницей. Такой аппетитной задницей... К которой хотелось прикасаться губами... и не только губами...

Макс прикусил свою страстную нахалку за ягодицу. Девушка вздрогнула от этой слабой боли, сжала ножки – ну все, терпеть не осталось никакой мочи.

Макс не стал переворачивать Аленку на спину, он всего лишь потянул бедра девушки чуть вверх. Приподнятая попка девушки выглядела очень аппетитно. Отличный «завтрак». Ладонь Макса заставила Аленку чуть-чуть раздвинуть ноги, и он наконец-то засадил... Мир аж вскипел от этого удовольствия. И Санни – его сладкая малышка – снова сжа-

ла ножки, и в тесном лоне стало еще уже. Господи, какой же это был кайф...

Макс любил эту позу – он вообще находил женское тело ужасно эстетичным, а вот сейчас все изгибы были выставлены в самом выгодном ракурсе. Макс любил и зашкаливающую тесноту девичьей щели – от неё и вовсе хотелось полыхнуть – ярко, безумно, выжигаяще. Чтобы дотла выжечь эту невозможную женщину, которая так легко поддавалась Макссу. Чтобы больше она никогда и ни о ком не думала. Только о Макссе...

И все-таки что это? Почему Макс сейчас будто пытался взорваться с каждым толчком в нежное, бархатистое девичье нутро? Почему будто в раскаленных вспышках на темных небесах его души сейчас вспыхивали новые и умирали старые звезды? Ведь не мальчик же уже, далеко не мальчик. И это не первый его секс, и не первая женщина – почему же именно с ней настолько хорошо, что ни в коем случае не хочется останавливаться?

Макс чувствовал себя сейчас подростком, ему казалось, что он может кончить в любой момент, шевельнись лишь Аленка, вильни она лишний раз бедрами, ощути Макс еще больше отдачи. Он и так-то понял, что Аленке он нравится – иначе с чего бы позволила это все, еще капля взаимности – и удовольствие стало бы практически нереальным. Макс бы поверил, что он Аленке нравился, не просто как любовник для псевдокурортного романа.

Ничего не было для мужика упоительней, чем женская взаимность. Чем осознание, что вот это вот, сказочное, сексуальное, яркое, обаятельное создание хочет не кого-нибудь – а тебя. Ничего так страстно не желал Макс, как заставить эту горячую, почти до неприличия раскрепощенную девицу остаться здесь, в Москве, рядом с собой. Стать для неё единственным, раз и навсегда, чтоб ни помыслom, ни движением она больше нигде удовлетворения своим потребностям не искала. Только Макс – уж он-то бы постарался, чтобы Аленка никогда не была «голодной». Он бы трахал её ночами, до изнеможения – а утром добавлял бы, в качестве «аперитива» к завтраку.

Господи, ну как же хорошо. Какая ж охренительная девица... Как же приятно было, сжав ладонями её бока, насаживать её на собственный член. Ощущать, как она вздрагивает, сжимается вокруг его плоти. Каждая секунда – сладкая как мед, и в этот мед хотелось влипнуть раз – и навсегда.

Санни... Санни... Санни...

В душ Аленка и Макс пошли вместе. Не чтобы тут перепихнуться, как в какой-нибудь мелодраме, а чтобы целоваться под «дождем» теплых водных струй. Нужно было насытиться Аленкой хоть малую толику. Взять от неё тот максимум, что был возможен. Потому что завтра Максy предстояло от Аленки оторваться как минимум на рабочий день.

Ох, Ольховский, ты вообще представлял, что так потеря-

ешь голову? Просто – как сопливый малолетка. В твои-то чудные тридцать три. При том, что ты вроде как Санни по-настоящему-то и не знал, лишь только в теории... Ну, вот и была задачка на эти две недели. Сравнить теоретическую Аленку с практической, и если примерно совпадут образы – добиться от неё взаимности. Чтобы она сама не захотела уезжать.

Было жарко. Было чертовски жарко. И чертовски сложно было остановиться, оторваться от этих сладких губок, но ради того, чтобы лишний раз рассмотреть Санни, Макс превозмог инстинктивный порыв. В конце концов, он реально собирался дать Аленке передышку. Небольшую такую передышку.

– Ты дашь мне хоть голову вымыть или нет? – хихикнула Аленка, и Макс понял, что уже уткнулся губами в её плечо и ловит языком сбегаящие по коже капли.

– Нет, а что я, по-твоему, делать буду в это время? – усмехнулся Макс, а потом протянул руку к тюбику шампуня и выдавил порцию этой хрени себе на ладонь.

Нет, если за собой не следить, если не занять себе руки, то все-таки Макс Аленку снова нахлобучит. Прямо тут и довольно скоро. И он, конечно бы, и рад дать себе еще одну разрядку, но таким манером и до смерти можно ж было затрахать... Наверное...

Идея оказалась хороша. Девушка аж замерла, когда Макс начал вспенивать шампунь на её волосах. И сам Макс мог и

полюбоваться ею, и занять свои руки, которые так и порывались к лобку, покрытому влажными темными кудрями. А чего Макс не хотел – так это спугнуть девушку своими «аппетитами». Тем более что в отношении её, казалось, что аппетит утраивался.

Алена была красивая. На самом деле. У неё была на редкость красивая улыбка, изящные тонкие губы, выразительные глаза... Лицо у неё было очень открытое, эмоциональное. Такая девушка в принципе не должна была уметь врать. И это было чрезвычайно ценно.

Аленка не шевелилась не долго, потянулась за гелем для душа, и уже скоро её скользкие от геля ладони заскользили по телу Макса. Намыливала, поглаживала, а сама смотрела внимательными глазищами в лицо Максусу, выискивая реакцию. Будто боялась, что он сочтет это нарушением личного пространства. Дурища. Вот здесь, сейчас, когда они друг к дружке прижимаются – голые, мокрые, скользкие, – между ними было столь мало, что беспокоиться о каких-то там непрошенных прикосновениях было немного странно. Нет, правду она говорила – опыт отношений у неё был чрезвычайно долбанутый, раз она такими вещами парилась. Интересно, что там за парень был такой, настолько обкуренный? В личном общении Санни обычно отделялась ужасно невнятными отговорками, и было ясно только, что да – отношения длились несколько лет, а потом внезапно прекратились. И с той поры – причем уже года два как – Аленка

жила в режиме «только для себя», одними лишь недолгими связями. И вот это Макс и предстояло перебороть. Эту её боязнь. А с учетом того, что у Макса и у самого был не один скелет в шкафу, и Аленку еще как-то с ними надо было познакомить – это была и непростая задача, и еще не пойми – нужная ли кому-то кроме Макса. Он по-прежнему для Аленки был только в выборке «любовник, от которого грех отказаться». Да, сам себе в осознании привлекательности и интимных достоинств Макс не отказывал, но с чего бы Санны вдруг им увлеклась на полном серьезе? Да – общие интересы в виде писательства, да – схожие взгляды на жизнь и отношение к тому же сексу, но и... Все, блин. Было, честно говоря, не очень ясно, какая она в жизни, обычной, обыденной, чего от неё ждать, на что рассчитывать, а чего избегать. Впрочем, это ж никогда не было ясно, когда речь шла об отношениях. Нужно было просто начать делать что-то кроме того, чтобы Аленку нахлобучивать. Что-нибудь, что могло заинтересовать женщину. Хоть это самого Макса и не очень интересовало... Но оно того стоило. Как стоило и касаться невесомо, нежно, трепетно по Аленкиной коже сейчас, размазывая по ней мыльную пену. А Аленка глядела на него, явно ужасно удивляясь, что Макс дальше петтинга не заходит. И губы Макса сами разъезжались в довольной улыбке. То-то и оно, милая, что у меня есть не только член, и ценю я не только моменты, когда в тебя засаживаю. Тем более, что уж засадить я тебе за две недели еще успею не один раз, и

даже не по одному разу за день. Буду трахать без расчета на то, что ты решишь остаться. Возьму от тебя все, что смогу. И дам – тоже все, что смогу дать. А там... А там – посмотрим.

Именно в результате этих двух недель Макс Ольховский, в некоторой среде известный как прожженный Казанова, уверен не был. Очаровать какую-нибудь дуреху было несложно. Улыбнись, подари какую-нибудь цацку, своди в дорогой ресторан, прокати на машине – кожаный салон и престижная марка творили чудеса. Вот только примени этот набор приемов – а потом отведи к себе, сними рубашку, поиграй грудными мышцами, и все... Девочка будет готова. Вот только если подкатить вот так к Аленке... То в её глазах он непременно скатится до уровня пафосного мажорящего идиота. А хотелось оставаться собой – не кубиками пресса, не владельцем крутой тачки – а собой. Потому вроде, как и хотелось... не торопиться выпендриваться.

– Тебе дать время помыться? Или со мной выйдешь? – улыбнулась Аленка, смыв с головы шампунь.

– Да нет, пожалуй, подожди минут десять, – улыбнулся Макс. С Аленкой было тепло, но она выскользнула из его объятий и отдернула шторку душевой. Укутала голову в полотенце, завернулась во второе и выскользнула из санузла. Сбежала. Ну, ничего, это ненадолго...

10. Что нам помешает?

Когда Макс вышел из душа, Аленка уже упаковала свою задницу в джинсы, спрятала грудь за обычной белой май-

кой-алкоголичкой и устроилась на постели, скрестив ноги и уставившись в планшет. Хорошенькая же. Может, она хотела выглядеть не женственной или не сексуальной, но тщетно. Даже мальчишеская майка с яркой надписью на груди отлично справлялась с демонстрацией всех... кхм, козырей третьего размера.

Ну, а джинсы на симпатичных ножках были, конечно, хуже чем юбки, но не столь уж многим, на самом деле. Если джинсы снять – там уже и пофиг станет, что было на девушке до этого.

– Ну как у нас дела? – фыркнул Макс, падая рядом.

Да, она сидела на «Писателе» – портале для авторов самиздата, который помогал быстрее найти коннект с читателями.

– Булдаков опять накатал на меня рецензию, – Аленка сморщила нос, – караулил, что ли, пока я в отпуск уеду и не смогу его нахрен послать.

– Вот ему неймется, – Макс аж глаза закатил, – ты его почему еще от своих текстов не забанила?

– Интересно же, – Аленка лукаво глянула на Макса, – что он там новое накатает. Вон какая фантазия, какой изощренный сарказм.

Антон Булдаков Аленку хейтил. Орал на всех углах, что, мол, нехрен женщине делать на поприще космофантастики, и тем более, что романтическая фантастика – это вообще выкидыш от «настоящей фантастики». Хейтил, орал – и читал

всякую Аленкину историю. Общаться ему было не с кем. И завидовал он ужасно. Подписчиков у парниши было всего чуть больше сотни, за три года. А Аленка за полгода насобираала свои восемь сотен. У Санни была отличная фантазия и легкий, удивительно красочный язык. Макс с удивлением понял в какой-то момент, что читает женский любовный роман в фантастическом сеттинге, причем уже почти дошел до финала – и ему нравится. Действительно нравится. Это была победа вообще-то, потому что внутренний читатель Макса был на редкость зажавшимся мудаком.

После этого и написал Санни, после этого и она пришла в его фантастику – с приключениями и эпичностью, ну и с любовью, конечно, чего героев счастья в личной жизни-то лишать. И началась тогда история о том, как «кукушка хвалит петуха» – искренне хвалит, чтоб вы понимали.

Что было ценно – на поле литературы Макс и Аленка действительно могли доверять оценке друг дружки. Потому что они друг дружке в те еще времена были – ни мамы, ни папы, ни даже друзья – никто, лишь читатели. И только такой оценке, лишенной личной приязни, и можно было доверять. А то был у Макса опыт... Печальный. Вроде – поначалу читала, нравилось, а потом вот предъявила Макс, что, мол, девушки в его произведениях «не такие» – на «печальный опыт» совсем не похожие. И может, это Макс так налево лыжи вострит?

– Как с конкурсом дела? – мурлыкнул Макс, утыкаясь в

Аленкино плечо. Она беспокожно завозилась. То ли от планшета не хотела отрываться, то ли не знала, не будет ли этот «отрыв» чересчур.

– Обзоры на работу хорошие. Но, хрен же знает, понимаешь, – Аленка прикусила губу, – жюри-то квалифицированное. Они видят мои косяки.

– Детка, они видят, что ты отлично пишешь, – Макс чуть прикусил кожу на голом плечике, заставляя и девушку, и самого себя содрогнуться. Её – от неожиданности, себя – от того, что его снова ужасно вело. Ему снова хотелось Аленку завалить в постель, чтобы не упускать ни одной чертовой секундочки, потому что кто её знает, может, она уже завтра решит, что это все ей чересчур и сбежит. А он ею не насытится. Вот и прилиvalo... А ведь собирался дать себе и ей хотя бы позавтракать, потом, может, вывести куда-нибудь погулять, благо в Москве всегда было куда погулять, с красивой архитектурой, фонтанами и выпендражными граффити, например.

Месяц назад Макс убедил Аленку отправить работу на издательский конкурс космофантастики. Призом была гонорарная публикация. Ужасно много для начинающего писателя – знать, что его творчество достойно издания в бумаге. Аленка ужасно переживала, но уговаривать её долго не пришлось. То ли она восприняла предложение Макса как своеобразный глас судьбы, то ли очень доверяла его мнению – что самому Максусу ужасно льстило. Потому что что у Сан-

ни было, так это талант. Она умела держать читателя в напряжении даже любовной историей. И мнение такого автора дорого стоило. Уж Макс-то знал, сколько надо было прочитать книг, чтобы непрофессионалу от литературы, обычной девушке-програмистке писать так проникновенно и продуманно, как писала Санни.

И Макс был прав – работа Санни упорно висела в тройке лидеров конкурса, упрямо бодаясь даже с топовыми старожилками и жанра, и сайта.

Губы категорически не хотелось отрывать от кожи Аленки. Её хотелось ласкать и ласкать, можно даже без секса – ну, по крайней мере, поначалу без него. Хотелось растопить в ней все, раскалить её до предела, чтобы снова просила её поймать...

– Может, поедим сначала, – тихонько поинтересовалась Аленка, поворачивая к Максиму лицо, касаясь губами мочки его уха.

– Поедим – да, сначала, – с сожалением возвращаясь к реальности – и к собственному бьющемуся в голодной истерике желудку, вздохнул Макс. Жаль гостиница не предполагает доставки еды в номер, чего взять с этого эконом-класса. Так-то – могли бы завтракать, не вылезая из постели и не отрываясь друг от дружки.

– А потом? – Аленка глянула на Максима с провокацией. – Калории будем тратить?

Нет, она была неисправима...

– А нам что-то помешает? – усмехнулся Макс.

Завтрак протекал мирно. Аленка, войдя в зал, пару секунд озиралась, видимо, опасалась встретиться с придурком, который приперся утром (хотя Максу надо будет сказать тому придурку спасибо, кляп очень даже приперчил сегодняшнее утро).

Яичница с горошком, порция овсянки, кофе и круассан с шоколадной начинкой. Сейчас – после такой насыщенной ночи Макс мог сожрать слона или вареный ботинок, посыпанный перцем. Решил не мелочиться и взял себе тупо два завтрака. Аленка – один, но попросила себе еще один круассан к кофе. Смотрела на него взглядом мученицы, одержимой дьяволом. Но не выдержала, сдалась, притянула к себе вилку с ножиком и начала медитативно пилить несчастное пирожное.

– Планы на день есть? – спросил Макс, наблюдая за расчленением круассана и в уме представляя, как написал бы по этой сцене стебный рассказик «типа-триллер».

– Эротические, – невозмутимо откликнулась Аленка, – эротических планов у меня даже больше, чем я потяну, наверное. Но... Пока ты тут, я с тебя не слезу.

– Многообещающе, – Макс усмехнулся, разглядывая яичницу. Кажется, она глядела на Макса с укоризной. В чем она его укоряла, а? В том, что он снова начинал отношения с секса? Ну здравствуйте, а год общения за предварительное сближение уже не считается? Дорогая совесть, не могла бы

ты заткнуться и не видеть намеки судьбы даже в яичнице. Если ты прям такая тупая, и слова про двадцать первый век на дворе для тебя уже не обоснование. Тем более, еще не ясно – отношения ли это вообще? И может ли Макс рассчитывать на серьезное отношение со стороны Аленки?

– Кстати, ты почему тут, а? – с интересом поинтересовалась Аленка, бросая на Макса пыливый взгляд. – Вторник же. Рабочий день, вся фигня, или нет?

– Я вчера отгул взял, – Макс пожал плечами и неожиданно зевнул, – не хотел от тебя отрываться на всякие глупости типа работы.

Нет, все-таки спать ночью нужно было капельку больше. Ну ладно, одна такая ночь – это вполне ничего. В гробу если что, говорят, неплохо отсыпается.

– Отгул? – Аленка с еще большим любопытством уставилась на Макса. – То есть ты сразу хотел меня поймать?

– Детка, я тебя поймать хотел с того самого момента, как первый раз тебе об этом написал. И что должно было измениться? – насмешливо уточнил Макс.

На губах Аленки расцвела слегка самодовольная улыбка. Комплимент, конечно, был весьма своеобразен, но главное же, что объект доволен, так?

– Хочешь в кино? – мирно поинтересовался Макс, когда девушка занялась яичницей, а от первой порции завтрака Макса остался только кофе. В кинотеатрах шли два триллера, какая-то супергеройская хрень и пара романтических ко-

медий. И Макс, в принципе, готов был пойти на жертвы и глянуть какую-нибудь комедию. Ради Санни – и не на такие жертвы. Ради неё можно было даже на супергеройский шлак сходить, хотя вот его-то Макс вообще на дух не переваривал.

– Что? – Макс аж в кофе фыркнул, потому что Аленка на него глянула такими круглыми глазами, что их хотелось сравнить не с каким-нибудь банальным пятакон, а, ну скажем, с античной монетой в двадцать статеров. Да, отличное сравнение.

– Ольховский, это так напоминает предложение сходить на свидание, что я себя будто снова семнадцатилетней ощутила.

– А что, тебе больше? – лукаво улыбнулся Макс.

– Ты бы хоть порепетировал, – приснула Аленка, – ужасно неправдоподобно прозвучало.

– А может, я думал, что совращаю несовершеннолетнюю, – Макс аж залюбовался этой улыбкой на лице Аленки. Ох, как же глубоко он влип... Очнись, Ольховский, на сиськи смотри, на сиськи. На улыбки любят влюбленные идиоты... А ты же еще не настолько безнадежен, да?

– Эй, это я тут тебя совращаю, – возмутилась Аленка.

– Не смей, дорогая, – Макс самодовольно улыбнулся и, дразня, легонько щелкнул Аленку по носу, – ты вчера вообще думала в номер одна уйти.

– Я пыталась соблюсти приличия, – Аленка надула губы, – а то вдруг бы ты решил, что я не «не такая»?

Не «не такая» – звучало витиевато, и Макс пару секунд, вопреки своему богатому словарному запасу, втыкал, что это вообще значит.

– Ну, то есть драть мне в метро, – это нормально, – Макс насмешливо прищурился, – а в номер позвать – так сразу «я не такая»?

– Фу на тебя, Ольховский, – Аленка бросила в Макса смятой бумажной салфеткой, – я тебе шанс сбежать давала, между прочим.

– Нет, ну ты точно хочешь, чтобы я тебе устроил трепку, – фыркнул Макс, – какой нафиг «сбежать»? Ты меня за кого принимаешь? За девственника, который боится вида голой женщины?

На щеках Аленки проступил румянец. Кажется, Максуду удалось её подловить.

– Я этого не говорила, – смущенно пробормотала она, опуская глазки. Смешная.

– И не говори, – улыбнулся Макс, – так что насчет кино?

Ответить Аленка не успела – в кармане у Макса завибрировал смартфон. Макс дернул телефон на свет и чудом не чертыхнулся. Звонила Валентина.

– Извини, я на минутку, – быстро сказал Макс и, встав из-за стола, быстрым шагом вышел из зала кафе.

11. Кот, который гуляет сам по себе

На телефоне было семнадцать пропущенных. Два от Артема, девять от мамы, остальные – от сестры и девчонок с

работы. Наверное, не стоило особо распространяться, куда она едет и к кому. Может, тогда внимания к её личной жизни уделялось бы существенно меньше.

Пока Макса не было, и мысли Аленки были относительно никем не заняты, она все-таки позвонила Артему. Все-таки интересно, как там прошло его собеседование мечты, о котором он Аленке прожужжал все уши.

– Скажи мне, что «тебе перезвонят» и ты спиваешься, – насмешливо произнесла Аленка вместо «Привет». В конце концов, Артем – Темыч – был её другом едва ли не с песочницы, и даже после того, как её бесил, все равно оставался другом. В конце концов, даже на программистов они в свое время учились вместе. К слову, если уж так вспомнить, именно Темыч и убедил Аленку в свое время поступить на факультет прикладной информатики. А так пошла бы, как мама советовала... в пед... И работала бы кассиром в Пятёрочке, потому что в пед ходили в их мелком городишке все, кому не лень, а места в школе с такой скоростью не обновлялись.

– Обломись, Ленюк, я сегодня первый день на испыталке, – самодовольно сообщил Артем.

– Поди, сидишь в кафешке и думаешь, в какой Макдак устроиться, чтобы в наши провинциальные дебри не возвращаться.

Темыч сбросил, а через секунду мессенджер пискнул, принося фотку Артема на фоне незнакомого офиса и мони-

тора с монструозной диагональю, на котором уже ровными линейками лежал и пугал программный код.

– В цикле ошибка, – написала Аленка, чуть приглядевшись к проге. К наброску проги, если быть честным, потому что ни на что серьезное эта хрень на пол-листа не тянула.

Телефон завибрировал.

– Выпендривайся, выпендривайся, – дружелюбно и слегка самодовольно пробурчал Артем, когда Аленка взяла трубку, – смотри, будешь выпендриваться – и через год я тебе сюда рекомендаций не дам.

– Ой, а ты прямо за год взлетишь на вершину карьерной лестницы и выбьешься в ведущие программисты, да?

– А иначе нахрена? – удивился Артем. Да, вот в этом он и был. Отчаянный, до самоубийственности. Полтора года рассылал свои резюме по крутым московским фирмам. По очень крутым московским фирмам, и вот одна-таки повелась на его наглость. К счастью, наглость Темыча соответствовала его таланту.

И ведь стартанул же – арендовав по интернету какую-то мелкую квартиру на окраине Мытищ. Другой бы побоялся мошенников, но нет, Темыч не боялся. У него было чутье. Такой мог и доллар по двадцать восемь в свое время купить, если бы он в это время еще воробьев из рогатки не расстреливал. Собственно, Темыч единственный Аленку и поддержал с идеей поездки. Ну, в своеобразной манере поддержал, приперчив поддержку целой кучей циничных замечаний и

ворчания, но просто Темыч так по-своему Аленку ревновал, хотя, между прочим, в свое время это именно он её отшил своим «ты мне только как сестра, Ленок».

– Как у тебя-то успехи? – ворчливо поинтересовался Артем. – Признавайся, у тебя уже отняли паспорт и везут в Турцию, чтобы там отдать тебя в проститутки?

– Мимо, – хмыкнула Аленка и глотнула кофе.

– А, ты, наверное, увидела лысенького дядечку в плаще эксгибициониста, разочаровалась в мужчинах, перенесла психологическую травму и теперь просишь в метро милостыню? На какой станции?

– Не волнуйся, не на твоей, – хихикнула Аленка. Кофе кончился. Но вообще, настроение с утра было обкуренно прекрасным. Повод, разумеется, был. Макс пробудет с ней весь день. С Аленкой! Ни с кем другим.

– Ленок, серьезно, как дела? – мягко спросил Артем, и вот теперь в его голосе послышалось искреннее, не омраченное юмором беспокойство.

– Мне сделать селфи на фоне чего? – весело отозвалась Аленка. – На фоне Макса?

– Ну, было б неплохо, – откликнулся Артем, – будет что ментам предъявить, если ты бесследно исчезнешь.

– Он вышел сейчас, – Аленка оглянулась на дверь кафе, – но окей, сделаю селфи, чтобы ты там понял, что у тебя отныне нету шансов.

– Можно подумать, они у меня были, – рассмеялся Ар-

тем, – не рассказывай мне сказок, сестренка, ты ж мне рыдала в рубашку, когда Вадик свалил.

Даже напоминание о Вадиме сегодня не испортило Аленке настроения.

– Он такой классный, – выдохнула она шепотом, прикрывая рот рукой, – Темка, он безумно классный, я даже не могла себе его таким представить. Сотка по десятибальной шкале.

– Переспали? – насмешливо поинтересовался Артем.

– А что, тянуть нужно было? – хмыкнула Аленка.

– Солнце, куда тебе тянуть? Ты полгода без мужика, – Артем вздохнул, – блин, аж отлегло, правда. Я боялся, что там будет какой-нибудь задрот, которого ты не захочешь. Но ты смотри, поаккуратнее, чтоб не как...

– Сама аккуратность, – Аленка вздохнула, – не волнуйся.

– Ну как за тебя не волноваться, дурында, – Артем вздохнул, – тебя оставь без пригляда – хрен знает, во что ты умудишься вляпаться.

– Сам дурак, – беззлобно огрызнулась Аленка, снова обернулась к двери, увидела шагающего к ней Макса и быстро добавила: – Ну все пока, позже созвонимся.

Сбросила, улыбнулась Максусу, встретила его какой-то странный взгляд.

– Что-то случилось? – обеспокоенно уточнила Аленка.

Макс пожал плечами.

– Мне ужасно жаль, Сан, но мне нужно отъехать.

Вот тебе, блин, и счастье на целый день...

«Обиделась, котенок?»

«Нет».

Мессенджер не спрашивал за правду, которую через него отправляешь. Поэтому можно было и соврать. На самом деле Аленка обиделась. Потому что вроде как была уверена, что сегодняшний день проведет с Максом. Что у неё будет возможность утомиться с ним до изнеможения. Но... Но ведь этого ей и не обещали. И даже если бы обещали, то это были Аленкины проблемы, что она по какой-то причине бы от Макса ожидала большего, чем то, на что она могла рассчитывать. Кто она такая? Жена? Девушка? Нет. Друг. Любовница – причем практически бесправная любовница.

И на что обижаться умному рациональному человеку? Макс же хотел провести день с Аленкой? Хотел. И это на самом деле Аленку согревало. Ну уехал он, ну аврал у него по работе внезапно нарисовался. С кем не бывает? Он же обещал, что вечером придет. Это было уже хорошо, очень обнадеживало.

Вот только где умный рациональный человек, а где Аленка? Потому что она, добравшись до номера, рухнула лицом в подушку и оторвалась от неё с уже красным от обиженных слез лицом. Ей было безумно обидно – не столько на Макса, сколько на idiotские выкрутасы судьбы, так обломавшие ей этот первый день с Ольховским. Их у нее в принципе пред-

полагалось немного.

«Врушка», – пронизательно изобличил Аленку мессенджер сообщением, набитым Максом.

– Сам такой, – сглотнула Аленка и вместо этого набила: «Я продю пишу вообще-то».

Вообще-то Аленка доверяла своей интуиции. Вопреки тому, что в её жизни случались очень неприятные эпизоды – на самом деле и тогда Аленка точно знала, что интуитивно она ощущала подвох. Просто повелась на мнение большинства, утверждавших, что зря она загоняется, что нет, никакой Вадим не подозрительный, и нет, это нормально для мужика делать замечания по поводу твоего внешнего вида. Видит же, значит! Вот если бы не видел – вот это был бы маркер отсутствия внимания и чувств, так ведь? Это потом уже Аленка, наученная горьким опытом, дала себе зарок больше никого в жизни не слушать, кроме своей интуиции.

Так вот, интуиция сейчас параноидально намекала, что говоря про «аврал на работе», Макс Аленке врал. Куда как вероятнее, что Макса куда-то сдернула жена. Возможно, внезапно откуда-то вернулась, и её нужно встретить и спровадить снова – раз вечером Макс собирался приехать. Ну, это если он реально приедет, а не удастся избавиться от жены – и аврал наверняка продлится.

И это можно было бы списать на паранойю, на мнительность, если бы у Аленки не было другого аргумента для укрепления своих подозрений.

Макс с ней селфиться отказался. Вот как вчера на фоне всяких достопримечательностей селфилась одна Аленка, а Макс угорал, но к ней не присоединился, так и сегодня – только сегодня он это свое нежелание вполне четко обозначил.

– Извини, но не сегодня, – уклончиво произнес он, после того как Аленка его попросила о совместной фотке. И это «не сегодня» прозвучало как «никогда». А что такого было в Аленкиной просьбе? Разве они не друзья, разве не могут вместе сфоткаться? Объяснение было только одно, Макс не хотел случайно спалиться. Вдруг Аленка выложит фотку в Инсту? Да еще и геолокацию включит? И ну как кто-нибудь да донесет его жене, где и с кем её супруг зажигает?

Вообще... Аленка по этому поводу заморачивалась даже меньше, чем должна была порядочная женщина. В конце концов, это было всего на две недели. Никакой сохранности семьи Макса Аленка не была угрозой. Да если она Макса на улице увидела бы с женой – даже не поздоровалась бы, прошла мимо.

Про жену, к слову, это была неожиданная гипотеза, в конце концов, раньше Аленка вообще предполагала, что Макс закоренелый любвеобильный холостяк, но... Но «такой мужик не может быть свободен, иначе с ним что-то не так» – эту фразу мог за собой закопирйтить Артем Солопов. И Аленка, вообще-то, была к этому готова еще вчера, почему её внезапно это задело?

Кто-то раскатал губешку? Ну так закатай уже обратно, Яковлева. Ну да, печально. Ужасно печально. Внутренняя ванилька сейчас рыдала навзрыд. Но она вообще была дурой – та ванилька. Верила в любовь с первого взгляда и с первого секса. Аленка эту сторону своего характера подозревала в ужасно зашкаливающем инфантилизме – и идиотизме. И в обычной жизни, как и сейчас, на все истерики внутренней капризной девчонки не особенно обращала внимание.

«Все в порядке, мой лорд», – отбила в мессенджер Макс, а затем, секундочку подумав, добавила: – «Смеет ли наложница надеяться на то, что её господин сегодня её навестит?»

Она часто так изображала «рабыню». Как с первого раза заметила, что Макс ей в этой ролевой игре с удовольствием «подмахивает», так и изображала.

«Надейся и молись, несчастная, тогда боги будут к тебе благосклонны», – милостиво и уклончиво, как заправский шейх, возвестил Макс.

«Так прямо и скажи, чтоб встречала тебя, стоя на коленях», – набирая это сообщение, Аленка уже улыбалась. Вот. Стоило выбросить из головы хрень, как сразу появилось вдохновение на кокетство.

«Только на коленях? И это все, на что ты готова ради своего господина?»

«И в одних трусиках. Таких черных кружевных... С вырезом в стратегически важном месте...»

Были у Аленки такие стринги в коллекции эротического

белья. Даже не трусы совсем, так, две кружевные полоски спереди, две сзади, две тонких ляпочки спереди – сходящиеся с одной на заднице, где-то в промежности.

«Гр-р-р-р», – прилетело от Макса. И куча красных от гнева стикеров. Возбуждился... Ох, Ольховский, так легко тебя вывести из равновесия, но вот вообще – никаких сложностей.

«Не забудь их надеть в кино», – пришло от Макса, и Аленка усмехнулась. Ну, и в этом пожелании он тоже оказался предсказуем. Зато не уклоняется от ответа и явно намерен в кино с Аленкой сходить. Что ж. Ладно. Пусть сейчас Макс уехал к жене, но все равно от жены он вечером приедет к Аленке. И там еще посмотрим, чьи карты козырные.

12. Возвращение мартовского кота

Макс вернулся к вечеру. В новой клетчатой рубашке, на этот раз голубоватых оттенков, джинсы были то ли те же, то ли просто аналогичной модели. Глянув на эти джинсы, Алёнка вспомнила, как однажды с Темычем заходила в магазин и там с ним выбирала джинсы. Короче говоря, перемеряли кучу моделей, Артем на все недовольно морщил нос: это ему слишком облегало, вон то было слишком драно, вон то – чересчур светло, и... наконец понравившуюся ему модель джинс Артем купил аж четыре пары – все, что были его размера в наличии. Чтобы потом подольше не искать новые. Скажем, года два.

Аленка на это все угорела – и сделала выводы о том, как

упорото мужики ходят в магазины. Это хорошо, если действительно ходят, Вадик, например, в магазины терпеть не мог ходить, зато жутко выносил Аленке мозг, что она ему одежду не покупает. Она же охреневала от того, что взрослый мужчина не знает своего размера одежды и не может пойти и купить себе футболку или трусы. За него это должен был кто-то другой сделать...

Усилием воли Аленка выкинула Вадима из головы. Ей-богу, он туда влезал совершенно беспардонно, не имея на то особых оснований и каких-то прав. У Аленки сейчас было кем занять голову, к примеру, тем самым улыбающимся как Чеширский Кот крайне симпатичным мужчиной, ожидающим её внизу, у самых нижних ступенек гостиничного крыльца. С цветами, блин, с цветами! Это реально напоминало свидание настолько, что Аленка чудом не забыла о своей гипотезе. Ну, той самой, в которой фигурировала гипотетическая леди Ольховская. Это все было не важно. Сейчас, глядя на Макса, наблюдая в его лице удовольствие, Аленка чувствовала себя птицей, парящей где-то под облаками.

– Ну как дела? – спархивая с крыльца, поинтересовалась Аленка.

– Все лучше и лучше, – Макс улыбнулся и опустил букет Аленке на руки, – это тебе.

Аленка восхищенно замерла, разглядывая цветы. Букет был небольшой, аккуратный, и нет – никаких кичливых роз, которые Аленка так не любила. Нежно-розовые тюльпаны.

Темные фиолетовые хрупкие ирисы. Такие красивые, аж горло перехватило.

– Я угадал? – мягко поинтересовался Макс, и Аленка глянула на него из-под ресниц.

– Более чем, – отозвалась она, прижимая к себе букет и осторожно дыша ароматом цветов.

– И я прощен? – усмехнулся Макс. Аленка же глянула на него поверх цветов и недоуменно прищурилась. Вообще, идея извиняться цветами или подарками была весьма своеобразной, но... Но о чем он вообще? Она и не думала обижаться на него всерьез. Капризы внутренней дурочки особого значения не имели. Сама по себе Аленка обижаться на Макса не собиралась.

Видимо, взгляд «Ну и дурак же ты, Ольховский» у Аленки вышел очень красноречивый, потому что Макс улыбнулся опять, на этот раз как-то гораздо открытее.

– Сан, – пробормотал он, как будто бы с легким вздохом, констатирующим какой-то диагноз, шагнул к Аленке, притянул к себе, прижался губами к шее – со спины, скользнул ладонями на живот. И все, мира не стало, его весь затопило теплом, будто Аленка была мороженым, всей душой ненавидящей холод, и бросившейся в жаркие объятия солнца.

– Цветы в номере оставим? – тихо шепнула она, прикрывая глаза. Ей вообще ничего не хотелось ощущать, только Макса – спиной, шеей, всем телом.

– Да, давай оставим, – откликнулся Макс и, чуть отстра-

няясь, шагнул вверх по ступенькам.

То ли сосед все-таки наябедничал, то ли персонал был в курсе сам по себе, то ли Аленке показалось – но как-то странно глянула на неё и Максима девушка на ресепшене. И знай Аленка эту девушку, она бы, пожалуй, увидела бы в этом взгляде свидетельства какой-то связи с Максом. Но Макс сам на девушку не среагировал, просто и равнодушно мазнул по ней взглядом. Ладно. Может, Аленке показалось, а может, девушка-администратор попросту позавидовала Аленкиному букету. Фиг же её знает.

Ваза в номере была. Пустая, простая, стеклянная, без лишних пафосных украшений – она стояла на подоконнике. И Макс терпеливо ждал Аленку, пока она наполняла эту вазу водой, пока опускала в неё букет.

Лишь потом, когда Аленка, освободив руки, шагнула к двери – притянул девушку к себе, снова. Теперь уже будучи лицом к лицу с ней. Притянул, опустил тяжелую руку на талию, прижался лбом к Аленкиному лбу, минимизируя расстояние между губами.

– Забыл предупредить: если мы зайдем в номер – выйдем мы оттуда не сразу, – хмыкнул Макс, невесомо коснувшись губами щеки. Аж иголочками закололо и кожу, и все восприятие. Хотелось большего, гораздо большего.

– На то и расчет, – фыркнула Аленка, прижимаясь к Максиму крепче. Честно говоря, не так уж ей хотелось в кино. Почти целый день не видела Макса... Ей хотелось сейчас це-

ловаться – как глупой дурочке, лет этак четырнадцать. Целоваться, пока душа, расслабившись, качалась в волнах чувственного прибое. А потом – потом забыться... Как хорошо, что Макс явно и сам не особенно рвался куда-то еще, но хотел сдержать слово.

– Хороший расчет, – в этом тихом замечании Макса явно прозвучало голодное исступление.

Если вчера Макс упорно оттягивал момент соития, то сегодня – сегодня он содрал с Аленки её майку, стоило только к нему подойти. Так быстро, будто боялся, что изображенный на куске трикотажа Микки Маус оживет и вызовет полицию нравов. Впрочем, на этом Макс будто слегка притормозил, гуляя своими широкими ладонями по спине Аленке, лишь только подбираясь к застёжке лифчика и под его ляпочки, но не торопясь его с Аленки снимать. К кровати Макс её подталкивать не спешил, всего лишь торопливо целовал – в губы, в плечи, в шею, спускаясь к груди.

Впрочем, нет, это не очень-то напоминало поцелуи, на деле – Макс впивался в Аленку жадными, голодными губами, будто был намерен откусить от неё кусочек. И руки, его крепкие, сильные руки, прижимавшие Аленку к телу Макса так, будто не было на свете никого дороже, никого того, кого сейчас хотел бы больше. Он был будто раздосадован и вцеплялся в Аленку, как в якорь собственного самоконтроля. А Аленке хотелось пищать и рассыпаться в пыль, потому что эта его жадность, такая грубая, бескомпромисс-

ная, заводила сильнее, чем что-либо другое. Никаких сомнений сейчас не было – Макс хотел именно Аленку. Ту самую несовершенно Аленку, с её неуклюжим носом картошкой и вечно-растрепанными кудрями, которые даже в парикмахерской в причёску укладывались довольно плохо. При том, что наверняка у него были варианты и более модельных, и более фигуристых девушек. С его-то внешностью завязатого плейбоя.

– Что-то случилось? – выдохнула Аленка, на краткий миг отодравшись от губ Макса. Просто для проформы, её устраивало его настроение, даже более чем устраивало. Ванили сегодня не хотелось. Проведя с ним всю вчерашнюю ночь, сегодня без него один день показался каким-то невыносимым. Черт, Аленка только понадеялась, что эту одержимость удастся как-то скорректировать. Иначе как она вообще сможет уехать.

– Ты, Сан, со мной случилась ты, – фыркнул Макс, и тон был такой, будто это объясняло абсолютно все.

Его слова ни о чем не говорили, ничего не объясняли, но... Но хрен с ним – с объяснением. Эти его слова просто шибанули в голову таким лихорадочным удовольствием, от которого исчезала всякая необходимость в долгих прелюдиях. Будто фейерверком озарило темные своды Аленкиной души.

Все-таки секс начинался с эмоций. С чувств. Не только от того, что где-то кому-то локально приспичило получить

удовольствие. И если кто-то, безумно вам дорогой, вот так захлебываясь воздухом, жадно выдохнет, что сейчас лишь только вы для него имеете значение – это подхлестнет вашу интимную жажду гораздо эффективнее, чем любое прикосновение. Ничего нет упоительнее взаимной потребности друг в друге.

Аленка не думала ни о чем. Даже о том, что Макс может к ней чувствовать. Сейчас – он её хотел. Сейчас только она для него имела значение. Он и приехал потому, что хотел с ней увидеться. Сегодня. Еще раз. Это и было самым важным, ничто больше значения не имело.

Ладони Макса скользнули Аленке под джинсы, сжимаясь на ягодицах. И снова так жадно, что было почти что больно. И это скрутило в животе настолько болезненный, настолько мучительно сладкий в своей крепкости узел, что Аленка не сдержалась – сжала зубами губу Макса. И это вызвало немедленную реакцию – Макс прижал бедра Аленки к своим, как будто она и без этого не ощущала, что у него член уже дыбом стоит. И это через двойную джинсу, да. Хотя, что там за джинса у летних-то брючек. Тоненькая. Так что это было совсем не удивительно. Куда уж удивительней Аленке казалось происходящее. Но париться на эту тему она не собиралась. Макс её хочет? Все. Больше ничего не важно. Если бы он хотел кого-то с длинными ногами – он бы нашел именно такой вариант. С его обаянием и настойчивостью – у него бы это однозначно получилось.

– Макс... Макс... – им хотелось дышать, от него не хотелось отрываться. Чего хотелось? Хотелось, чтобы эти вот глаза цвета корицы всегда смотрели только на Аленку с этой жадной страстью. Хотелось, чтоб он не разжимал рук. Никогда-никогда-никогда.

– Да, солнце мое, я тут, – Макс глянул прямо в глаза Аленки, сверкнул зубами в довольной улыбке.

– Чего ты смеешься, – возмущенно выдохнула Аленка.

– Просто, – Макс пожал плечами, – я рад, что сейчас с тобой, это плохо?

– А что, были другие варианты? – ревниво поинтересовалась Аленка.

– А если были? – лукаво прищурился Макс. – Что, выгонишь меня?

Вот это он размечтался.

– Нет уж, – Аленка прижалась к нему крепче, хищно облизнула губы, – скорей задам тебе трепку, дорогой мой.

За эту насмешку в глазах Аленке смертельно хотелось его искушать. Оставить как минимум один засос на шее, на каком-нибудь месте, чтобы скрыть отметину на котором обязательно бы пришлось наглухо застегивать воротник рубашки. Исполосовать спину царапинами, так, чтобы он не смел спать ни с кем еще – особенно с женой, как минимум несколько дней, пока заживают следы бурной ночи с Аленкой. И чтобы всякое его движение отдавалось слабой болью, чтобы он вспоминал об этой ночи – и о девушке, с которой кувыркали-

ся. Об Аленке. Желательно, чтобы больше никого в его мыслях не появлялось.

– Вызов принят, сладкая, – Макс вдруг присел и, резко подхватив Аленку, закинул её на плечо, – это мы еще посмотрим, кто получит трепку.

13. Сосед. Ответный удар

Это напоминало какое-то помешательство. Макс себя ощущал шаром, попавшим в свою личную лузу. Как будто так и надо было.

– Моя Сан, моя... – вышептывал, снова и снова принимал к нежным полураскрытым губам, снова и снова пытался насытиться ею, зная о тщетности этих попыток. Он не ошибался. В принципе – никогда не ошибался, и еще ни разу с женщиной у него не было вот так, как сейчас. Это была всего вторая ночь. А он будто уже несколько лет знал эту девушку, много месяцев был влюблен в неё по уши и сейчас, добравшись с ней до постели, наконец наслаждался всякой секундой. Хотя... Отчасти, так оно и было, на самом-то деле.

Блин, надо было все-таки удержаться. Нужно было утащить её в кино. Все-таки если Макс продолжит в том же духе, Аленка не успеет им увлечься – все так и останется на уровне «секса по дружбе». Нет. Макс безумно хотел большего, куда большего. Хотел уже поговорить нормально, по душам, вскрыться – и получить по заправке за количество припрятанных тайн. Но блин, он так устал за этот чертов день без Аленки... Он же безумно хотел, чтобы весь этот

день был полон этого удовольствия, этой близости и сладости. Но не вышло так, вышло по-другому. Поэтому сдержаться было просто невозможно. Но нужно, нужно хотя бы завтра поднять-таки задницу и выйти куда-нибудь, что действительно могло бы стать свиданием. В конце концов, у Макса был план. И в этом плане галочки должны были стоять не только напротив пунктов «нахлобучить Сан в N-й раз».

Боже, но какая крышесносная девица... Она безумно заводила, сейчас, когда покусывала его губы и кожу на подбородке. Кажется, она изнемогала от голода, и Макс ощущал в себе нечто резонирующее.

Он не мог ей насытиться. Лишь на краткий миг, на пару часов – но не навсегда, точно не навсегда. Вот и сейчас целовал нежный животик. Девушка его боязливо втягивала – как будто там было что втягивать. Этот жест Макса больше забавлял, чем удивлял. Девушки в принципе много тряслись над вопросом фигуры. Макс же был довольно толерантен к вопросу веса женщины. В конце концов, пара лишних килошек гораздо лучше, чем задвиг на деньгах, пустая голова и фальшивая сущность.

Аленка заводила Макса не столько какими-то охренительными внешними данными. В конце концов, что такое женщина – две руки, две ноги, посредине сиськи. Принципиальную разницу составляло лишь содержимое головы. И если циничных стерв было – пруд пруди, то девушек, которые при взгляде на тебя не оценивали состояние денег на твоей кар-

точке, а тебя самого – без тачки, без каких-то шикарных подкатов – не так уж и много.

Ну что такое – один букет, а у девчонки уже загорелись глаза. Макс даже загадал, что если будет морщить носик и ворчать, что мог бы и розы подарить, то тогда от Аленки он отстанет. Но нет, не заворчала. Ей понравились тюльпаны и ирисы. Небалованная была Аленка, неиспорченная... Она видела ценность в том, кто ей дарил. Ради такой не жалко было даже почку продать, такую девчонку хотелось баловать во всю силу.

И Макс баловал. Прямо сейчас. Как мог, исходя из собой очерченных условий для этих отношений. Скользя языком по влажным половым губам. Вдыхая нежный ореховый запах женского желания. Снова и снова безжалостно терзая языком чувствительный, уже набухший клитор. Заставляя свою Сан, свою Солнечную Кошку постанывать от удовольствия. Сначала тихонько – но с каждой секундой все откровенней и откровенней. И она слабела, уже не могла брыкаться, уже не впивалась ногтями в кожу Макса, а пальцами – в его волосы. Нет, размякала от неги, от удовольствия. Макс поневоле чувствовал себя укротителем строптивых девиц, и это было отличное ощущение.

Прости, солнышко, что приходится секретничать и недоговаривать. Прости, что Макс никак не может тебе довериться, ты не виновата, ты замечательная, но однажды уже Макс на своих чувствах обжегся, и тогда пострадал не только он.

Поэтому сейчас он торопиться с собственным разоблачением не будет. Ему будет, чем компенсировать Аленке собственное «плохое» поведение, в конце концов.

Всему будет время – и раскрытию секретов тоже. Но это может подождать. А сегодняшняя ночь подождать не может.

Господи, какая же она была вкусная. Везде – а в области девичьего треугольничка особенно. Её хотелось вытрахать вот так – языком, до изнеможения, до измученных воплей.

«Моя, моя», – это уже даже не шепталось. Это слово билось в мыслях, словно уж на раскаленной сковородке. Никому Макс Аленку не отдаст. И никуда он её не отпустит. Это уже решено.

– Макс, пожалуйста...

На самом деле Макс с большим трудом оторвался от нежных складок – ему нравилось так мучить Аленку. Но оторвался, глянул в лицо Аленки – истомленное, будто задурманенное.

– Иди ко мне, – умоляюще шепнула девушка, и этой просьбе не было никакой мочи отказывать. Макс подался вперед, скользя языком по губам, смакуя её вкус. Ничего, не последний раз он пробует Аленку таким образом. Будут еще разы. А сейчас – сейчас не хотелось ни о чем думать, только лишь расслабиться и забыться в этой удивительной девушке.

Потянулся было, чтобы уже засадить, но застрял на «полпути». Вот чертова Сан, ставшая чертовым помешательством. Все-таки насколько же много значило то, что она не

была пустышкой. Что за этим вот гибким телом было что-то еще... Хотя... Нахрен что-то еще. Макс все никак не мог оторваться от груди Аленки, такой красивой груди... А девушка млела под его губами, под его телом – и от его пальцев, сейчас ласкающих нежный чувствительный вход в её тело. Млела, извивалась, впивалась пальцами в волосы, в плечи – лишний раз показывая, как захлебывается от желания. И от этого её хотелось отделать еще сильнее, отплатить ей сполна, воплотить все самые дерзкие её желания, все несбыточные ожидания, которые она могла адресовать этой ночи.

– Сладкая моя, Санни, – выдохнул и снова впился губами в шоколадный крупный сосок. Посасывая, прикусывая, с трудом себя останавливая, чтобы не дать волю глубинной жадности, которая прямо требовала, чтобы Макс укусил Аленку посильнее, оставив на этой нежной коже отметину. Клеймо принадлежности ему – Максиму Ольховскому. Потому что эта страстная, чувственная женщина могла быть только его. Никому другому Макс Аленку уступать не собирался. Потому что при одной только мысли, что эти тонкие пальцы, что сжимают сейчас его член, могут прикоснуться с желанием к другому телу, хотелось убивать.

Нет, нет, она не прикоснется. Она не изменит. Не предаст. Не бросит. И сейчас – он, пожалуй, поработает над тем, чтобы этого ей не захотелось.

Макс только примерился, чтобы уже проникнуть членом куда нужно – как за стеной вскрикнула женщина. И это очень

сильно сбило. И Макс, и Аленка аж замерли, прислушиваясь. Аленка аж на локтях приподнялась, недоуменно косясь на стену. Жаль, никто из них не был с Криптона, и ни у кого не было рентгеновского зрения.

Женщина вскрикнула еще раз. Надсадно. Громко. Проникновенно. Даже сладко!

Охо-хо, что, утренний придурок решил вернуть долг сторицей – решил сегодня не дать поспать Аленке с Максом? Или его так задел выпад Макса в сторону его мужских возможностей? Макс даже захотелось зловеще расхохотаться. А за стеной невидимая незнакомка застонала еще разок.

– Звукоизоляция – дерьмо, – фыркнул Макс, – напиши это в отзыве на гостиницу.

– Её там убивают? – шепотом поинтересовалась Аленка. И Макс не удержался, сдавленно хмыкнул, пытаясь не расхохотаться, а потом чуть двинул бедрами, и Аленка охнула, когда в её тесное лоно ворвался мужской член. Макс с трудом представлял, что может испытывать она, а он сам себе казался балансирующим на тонком лезвии. Упадешь – и взорвешься. И мира привычного тебе больше не будет.

– О да-а-а, – протянул Макс, – её там убивают. И я тебя сейчас так же убью, Дездемона. Заколю. Насмерть.

– Лучше до оргазма «заколи», – со сдавленным стоном выдохнула Аленка. И почему это со сдавленным? Что, Макс жарил её хуже, чем жарил в соседнем номере свою бабу утренний придурок? Вот это вот было обидно. Ну, ладно же, Яко-

влева, держись!

Макс дернул из-под головы Аленки подушку и заставил её приподнять бедра, чтобы устроить подушку как раз под этой аппетитной задницей. И пусть звукоизоляция в отеле была дерьмовая, а вот подушки были отличные, плотные, объемные.

Макс победил – может, не соседа, но Сан – точно, потому что с первым же толчком вот так, когда ее бедра оказались приподняты, она вскрикнула сильнее, импульсивнее. Ой не ввали про точку джи сексологи, ой не ввали... Хотя Ольховский и так это знал. И знал, насколько будут оглушительны ощущения и для него самого. Но... Вообще-то он ошибался. Потому что ощущения сейчас были гораздо сильнее, чем все эксперименты «до». Играла увлеченность Аленкой, ужасно сильно играла. И все в ней было хорошо, и сама она была охренительная – а внутри узкая, скользкая, сладкая... Раз прижмешься к этим губам, к этому телу, раз проникнешь внутрь девичьей щели – и все, уже не захочешь отрываться. И как она до сих пор оставалась одна, а? Впрочем, это хорошо, это как раз замечательно. Раз никого у неё нет – значит, и отбивать не надо будет. А выпускать эту девушку из своих рук Макс не собирался. Она была его, настолько глубоко, что Макс осознал это едва ли не с первой встречи.

Блин, да она текла так, как никто от Макса не тек, ни одна не хотела его настолько сильно. И Макс пытался себя убедить, что нет, что дело на самом деле не в нем, что для Ален-

ки это значит меньше, чем ему кажется, но... Не получалось в это верить. Он её знал. Она ему говорила, что если фокусируется на одном мужчине – то видит только его. Интересно только – хотела ли она так же хоть кого-то, на ком «фокусировалась» раньше.

Эта мысль будто подстегнула в груди Макса ревнивого зверя. Он не хотел, чтобы Сан – его Сан – думала о ком-то еще. Вспоминала кого-то еще. Макс хотел стать лучшим её мужчиной, он смертельно хотел, чтобы она сама захотела с ним остаться.

Макс жадно сжал пальцами ягодицы девушки – ты же любишь пожестче, так ведь, Сан? И она оценила, заскулила, завозилась под ним, отчаянно Максу подмахивая, будто сходя с ума от желания быть насаженной на его член. Ох, сладкая, да хоть вообще никогда не слезай... С тобой же никаких стимуляторов Максу не надо будет даже лет в восемьдесят...

Чуть ускорил темп собственного движения внутри неё. И понял, что весь мир вокруг вдруг резко перестал иметь значение.

И плевать, как там орала баба под Аленкиным соседом. Сама Аленка стонала под Максом. Задыхалась от удовольствия. Содрогалась от накатывающего на её тело оргазма. И только это имело значение.

Ох, Ольховский, и как ты в это влип, ты хоть сам понял?

14. Сосед. Капитуляция

– Вы сегодня одна, сударыня?

Галантность соседу шла больше, чем хамство. Аленка оторвалась от омлета, в котором без особого аппетита ковырялась, и подняла взгляд. Да, точно, тот же самый мужик, только сейчас – с насмешливой улыбкой на губах, и вместо выглаженного делового костюма – простая белая рубашка с расстегнутым воротом и джинсы. Да, кажется, сегодня он ни на какую конференцию не собирался.

– Вам чего? – кисло поинтересовалась Аленка, а сосед, проигнорировав её тон, сел за столик Аленки. Вообще он был симпатичный – даже при том, что сердце Аленки было глубоко и прочно занято одной улыбочивой и крайне настойчивой личностью, все равно она нашла сидящего напротив неё мужика симпатичным.

– Не напрягайтесь, сударыня, – насмешливо усмехнулся сосед, – мне, честно говоря, нечем заняться, до вечера я домой вернуться не могу, а ехать на работу мне не хочется – и не обязательно.

– Что за работа такая? – без особого интереса уточнила Аленка. Вот бы у Макса была такая – чтобы можно было исходить из собственных хотелок, а не из жесткого графика. Чтобы как сегодня – он не выбирался из кровати – пусть и чертовы сорок минут, с поцелуями, с ласками, так, что весь мир не до конца проснувшейся Аленки затапливало его теплом, но все-таки – Макс ушел. Обещал, что вечером обязательно до неё доберется, но до вечера было еще столько времени – что не понятно, как его было вообще прожить.

– В отпуске любая работа такая, – рассмеялся сосед, – просто у меня так выходит, что я даже в отпуске на работу заглядываю. Но в середине августа мне в университете делать особо нечего.

Чуда не произошло. Рецепта счастья не существовало. Аленка лишь вздохнула.

– Студентку, что ли, вчера... – Аленка чуть поиграла бровями, договаривая недосказанное. Собеседник красноречиво скривился.

– Я не могу себе представить такую студентку, ради которой я поступлюсь преподавательской этикой, – скептически заметил он, – есть же какие-то понятия о приличиях. И моим запросам соответствовать довольно не просто, всякие юные и впечатлительные попросту не смогут.

Спрашивать про те запросы Аленка не стала. Потому что это могло быть понято как интерес к собеседнику. А Аленке по самые уши сейчас хватало Макса. Нет, вот если бы она просто так тут отдыхала... А так, нет уж, извините, мужчина, но вакантное место занято, и Аленка не могла себе представить мужика, который мог бы подвинуть из её сердца Макса. Шизанулась она на нем будто бы.

– Ну что, объездили мой подарочек? – сосед все никак не отставал, хотя ну видно же было, что общаться сейчас Аленка не особенно была настроена. И все же отвечать не нужно было – оказалось достаточно лишь подавиться омлетом от внезапно нахлынувшего смущения. Щеки весьма предска-

зуюмо запылали. – Обьездили, – удовлетворенно кивнул сосед, – молодцы, зря времени не теряете.

– Откуда у вас кляп утром вообще оказался? – полузадушено произнесла Аленка, пытаясь откашляться.

Самыми примечательными у соседа были его синие, как чертово море, глаза. Пронзительные, ехидные. И вот сейчас он уставился на Аленку этими синими глазищами, сверкнув непроницаемой улыбкой.

– Сувенирчик из командировки, – усмехнулся он наконец, – кто-то магнителики привозит, а у меня – коллекция кляпов.

– Только кляпов? – нахально поинтересовалась Аленка, надеясь, что от её хамства сосед отстанет, но куда там. Кажется, закалка университетского преподавателя напрочь проигнорировала Аленкину дерзость, сочтя её слабоватой.

– Могу лично показать, что у меня в моей коллекции, – усмешка на губах собеседника стала еще более насмешливой, – чего рассказывать-то? Хотите, сударыня?

– Да идите вы... – Аленка аж головой потрясла, пытаясь избавиться от разыгравшегося воображения, – от «показать» слишком близко до «перейти к практике».

– Это точно, – рассмеялся сосед и, минуту помолчав, разглядывая Аленку, добавил, – я пошутил, не волнуйтесь так уж. Чужими женщинами я не интересуюсь.

– Не волнуюсь я, – огрызнулась Аленка, – я, если что, орать и звать на помощь умею громко.

С одной стороны, хорошо, что вот этому мужику она «чужая женщина», потому что хоть не придется его отшивать, с другой – блин, у неё что, на лбу написано, что она в Макса... по уши? А ведь хотелось думать, что у неё все не так безнадежно...

– Разумный навыв, – фыркнул сосед, а затем, с любопытством разглядывая Аленку, переплел пальцы и, чуть подавшись вперед, поинтересовался: – Ну и как вам с кляпом? Понравилось?

– Идите вы еще раз, – смущенно буркнула Аленка. Она не готова была сейчас обсуждать с кем попало свою интимную жизнь и впечатления от неё. Пусть даже и с левым мужиком, который об интимной жизни Аленки уже знал – как о частоте, так и о некотором разнообразии.

– Да бросьте, – сосед аж глаза закатил, – я про вас ничего не знаю, даже имя. Вы про меня тоже. Мы просто болтаем, а сегодня я съеду и исчезну из вашей жизни к чертовой матери.

– И напоследок решили побыть для меня кем? Сэнсеем в мире эротического разнообразия? – Аленка прищурилась, разглядывая мужчину. Нет, все-таки он был какой-то подозрительный.

– А почему нет? – собеседник вздернул брови. – Так что, понравилось?

Кажется, этому конкретному мужику было смертельно скучно. С кем бы он вчера ни развлекался, но, кажется, это

не была женщина для серьезных отношений, чтобы ему хотелось провести свое время с ней. Раз уж даже с «чужой женщиной» ему было болтать интереснее. Ну, вгонять в краску – так точно было в кайф.

– Понравилось, понравилось! – огрызнулась Аленка тоном «да отвалите вы уже». Впрочем, экземпляр ей попался наглухо непрошибаемый. Лишь фыркнул, прищурился и на счастливую секунду замолчал. – Вообще нам это не обязательно, – буркнула Аленка, – с Максом хорошо и без всего этого.

– Это, конечно, хорошо, – сосед кивнул, пребывая в какой-то задумчивости, – но поверьте, некоторым вещам лучше уступать в малом, не доводя их до крайностей.

– То есть?

– Ну... – сосед непонятно махнул рукой, – поверьте, если у вас есть потребность в том, чтобы вам заткнули рот или связали – лучше это понять сразу, чем потом – когда вас зациклит на том, что вы в чем-то там виноваты, раз вам подсознательно этого хочется.

Сказанное Аленка осознавала несколько секунд. И все равно не до конца поняла.

– То есть?

– Вы комплексуете, сударыня, – откликнулся сосед, откидываясь на спинку стула, – кого вы пытаетесь убедить, что вам это «необязательно»? Меня? Или себя? Что из ощущений было сильнее – с кляпом или без него, а?

В мужика хотелось кинуть чем-то тяжелым. Тоже, блин, сексолог нашелся. Может, у него личный сексшоп, и он хочет отомстить – и разорить Аленку дотла своей продукцией.

И все же... Аленка прижала ладони к щекам. Все же... Это «все же» её и забеспокоило. Что-то было в словах соседа, что подмахивало некой темной стороне Аленкиной души. Потому что... Потому что, правда – почему-то тот раз с кляпом запомнился гораздо сильнее прочих... Потому что... ей понравилось чувствовать себя всецело в руках Макса, это будто бы соответствовало степени её внутренней помешанности на нем.

– Это просто из-за новизны, – буркнула Аленка, – я никогда раньше так не пробовала.

– Ох, – собеседник вздохнул, – неужели и я такой упертый был, а?

– Упертый в чем? – Аленка подняла брови. – Кто соблазнял вас начать коллекционировать кляпы?

– Ну, не только коллекционировать, и не только кляпы, – сосед фыркнул, складывая ладони вместе. Кажется, он тоже слегка волновался из-за собственной откровенности не пойми с кем – хотя вроде как не особо много и сказал. Хотя слово «не только» очень зацепило Аленкину фантазию. Что могло таиться за этими словами? Этот чувак любил оргии? Групповички? Садо-мазо? Бр-р-р!

– Но, отвечая на ваш вопрос, ко мне тоже когда-то подошел один человек – девушка, – и начала задавать всякие раз-

ные вопросы. И я тоже брыкался, что «я не такой» и «могу без этого», – отрешенно произнес сосед, глядя Аленке в лицо, – правда, потом понял, что не так уж и могу «без»...

– Та девушка... Что с ней стало? – с любопытством поинтересовалась Аленка.

– Стала моей первой нижней, если вам действительно интересно, – сосед усмехнулся, – самые долгие отношения, как у верхнего и нижней, у меня были с ней. Потом мы расстались. Дальнейшую судьбу я не отслеживал.

– Вы хотите стать моим... верхним? – выдавила Аленка, по инерции проводя параллель и охреневая от неё.

– Господи, как плоско вы мыслите, – вздохнул сосед, – хотел бы – стал бы, вы реально думаете, что вас так сложно у вашего Макса отбить?

– Да! – резко отрезала Аленка. – Меня – сложно.

В глазах соседа что-то плеснулось, Аленка по его прищуре поняла, что сосед на секунду воспринял эти слова как вызов, лишь потом выдохнул и глянул в сторону, будто напоминая себе свои же слова про «чужих женщин».

– Вот за это, пожалуйста, простите, – медленно произнес сосед, – это я зря сказал.

– Что вам нужно? – хмуро поинтересовалась Аленка, разглядывая соседа. – Вы в секту любителей кляпа вербуете?

– Я вообще – за вчерашнее хамство извиниться хотел, – сосед потер лоб, – ну и...

Он вытянул из заднего кармана джинс два разноцветных

прямоугольничка. Билеты на фотовыставку.

– Приглашаете? – с подозрением поинтересовалась Аленка, когда он пододвинул билеты к ней.

– О нет, – сосед рассмеялся, – девушка, ну я же вам сказал, что к вам приставать не буду, что ж вы так параноите? Сходите с вашим... Максом.

– Вы точно не Дед Мороз? – Аленка прищурилась. – А то одни подарки от вас.

Собеседник беззвучно заржал, утыкаясь в раскрытые ладони.

– Это как плохо вы себя вели, раз Дедушка Мороз вам кляп дарит? – выдавил он и глянул на Аленку искрящимися от веселья глазами. – Я сам не смогу пойти просто. Мне завтра нужно уехать из города. Увы, у меня бывают спонтанные поездки по второй работе. А билеты вроде как жалко. Ну, а раз меня с вами судьба столкнула – значит, отдам вам. Пофиг, в общем-то, все равно бесплатно мне их дали. Легко пришло – пускай легко и уходит.

– Спасибо, – Аленка покосилась на билеты в задумчивости. Нет, это все, конечно, выглядело жутко подозрительно, но... мужик реально выглядел доброжелательно, и... интуиция благополучно дрыхла. А ей Аленка все-таки доверяла.

– А к чему были эти ваши разговоры? – спохватилась Аленка, разглядывая билеты. Они не походили на билеты в шикарное место, просто два черных прямоугольника с россыпью цветных пятен по краям, и белое название выставки

«Свет и тело». На обороте – дата и время открытия, адрес галереи.

– Поймете, к чему, – таинственно улыбнулся сосед, – и если я прав – поймете вы не только это, сударыня.

15. Слишком много подарков

Что делать со свалившимися билетами – Аленка решила сразу не решать. В конце концов, выставка была завтра – а не сегодня. Сегодня же... Пустой день до вечера. А что можно делать в пустой день в Москве? Если ты ни разу в жизни не была в ней «нормально», а не проездом по учебе, на полденечка. Ну, конечно же, в номере валяться! Ага, сейчас!

Раз уж главный организатор «культурной и бескультурной программы» смылся по рабочим делам, Аленка решила развлечь себя самостоятельно. Порылась по сайтам турагентств, покосилась мечтательно на экскурсию по станциям метро и по «булгаковской Москве». Но для начала выбрала себе ни много ни мало – четырехчасовую обзорную экскурсию. Нет, Аленка бы предпочла эту экскурсию пройти пешком, в компании Макса и можно не за один день, но... раз уж так не выходило...

Телефон зазвонил как раз во время того, как Аленка собиралась на послеобеденный автобус и искала чистый топ к джинсам, потому что в лучших традициях самой себя умудрилась опрокинуть на себя кофе за полчаса до выхода. Трубку брать Аленка вроде изначально не хотела, номер был неопознанный, а звонков из банков или «центров бесплат-

ной медицины» ей хватало. Но... Телефон верещал, не унимаясь, кто-то упорно прозванивался и прозванивался, раз за разом.

Оценив такое упорство, Аленка – уже стоя у раковины и подставив одну из ладоней с майкой под струю холодной воды, – таки ткнула в кнопку приема вызова. Ну, раз такие настойчивые – надо послать их лично. Зря старались, что ли?

– Да! – сказала, переключаясь на громкую связь.

– Здравствуйте, – голос девушки на той стороне телефона звучал... профессионально и почти что высокомерно.

– Здравсьте, здравсьте, – скептически откликнулась Аленка, наблюдая, как кофе сдается под гнетом тугой водной струи. Только бы не осталось пятна – эта майка самая любимая из всех привезенных в Москву.

– Вам несказанно повезло, вы стали победителем в промо-лотерее – и выиграли бьюти-комплекс услуг по преобразению вашего образа...

– И мне, конечно, нужно будет доплатить за этот чудный выигрыш, не подскажете – сколько денежек? – продолжила Аленка, перебивая собеседницу. Та на секунду замолчала, потом вздохнула – она, кажется, ожидала именно такой реакции.

– Ничего вам доплачивать не нужно будет, – сообщила девушка, – мы вас снимем для рекламного буклета «до» и «после». Ну, только вы подпишете соглашение на использование вашего лица в качестве рекламы для нашего сайта и разда-

точных материалов.

– Вы ж не знаете, как я выгляжу, – произнесла Аленка, – может, я страшная как Хиросима.

– Чем страшнее – тем лучше, – ехидно возразила собеседница, – наши стилисты обожают сложные задачи. Вдохновите их – и вам бесплатно не только волосы обработают и уложат, но и макияж сделают, и маникюр, а если будете себя хорошо вести – и массаж тоже.

– А потом мне сообщат, что без продажи почки я из вашего салона не выйду?

– Чего вы мелочитесь, девушка, – судя по тону, администратор салона тоже пыталась не заржать, – обеих почек, у нас приличное заведение.

– Я так и поняла, – фыркнула Аленка.

– Так вы придете? – мягко поинтересовалась собеседница. – Можете предупредить всю родню, где вас искать, и сфоткаться со мной на ресепшене, чтоб все точно знали, кто виноват в вашем исчезновении.

– Ой, ну вы прям не успокоили моего внутреннего параноика, – Аленка задумалась. С одной стороны – это все жутко напоминало лохотрон. С другой – кто-то же велся на все эти лохотроны. И вроде как звучало это все как действительно рекламный ход, и, кажется, Аленка где-то слышала, что некоторые салоны красоты так делают.

– Можете прислать адрес СМС-кой?

– Разумеется, – в голосе собеседницы засквозило неожиданно.

данное облегчение, – когда вам удобно прийти?

– После шести нормально?

Если салон был недалеко от центра Москвы, то часа должно было хватить, чтобы добраться до нужной станции метро и даже потупить в карты и найти искомую точку отсчета.

– Да, отлично, мы до десяти работаем, – обрадовалась администратор, – ну, значит до встречи. Как вас зовут?

– Алена. Алена Яковлева.

– Хорошо. Я вас записала. Будем вас ждать. Адрес в СМС-ке.

Дождаться СМС Аленка не стала – если не дошлют, ну, значит, судьба просто решила посмеяться. Зато покосилась на часы и едва не подпрыгнула. Из-за всей этой болтовни за пятнадцать минут до выхода она, чтобы не позорить свой писательский статус, подбирала литературные выражения всем матерным выражениям, торопливо полоскала в раковине любимую футболку, вымывая из ткани последние следы встречи с капучино. А за пять минут до выхода – вышвырнула все из чемодана и, схватившись за два топа сразу, попыталась сходу решить, какой из них на ней сидит лучше. Выбрала обычный, в бело-синюю полоску, с ярко-красным сердцем из пайеток на груди.

Покосилась на кучу одежды на кровати, плюнула, пообещала себе, что обязательно перед встречей с Максом забежит в номер и сложит одежду в чемодан нормально – пихать, как попало, наспех, вроде как не хотелось. Сунула ноги в ба-

летки, подхватила сумочку – и дала деру из номера, чтобы не опоздать на автобус.

Москва была большой и яркой. Для провинциалки из захолустного городка с численностью в полсотни тысяч человек Москва была ослепительно разнообразной. Такой, что рука уставала селфиться на фоне самых разных храмов, памятников – и просто таких разных, но таких красивых улочек и зданий. А ведь еще надо было пытаться впитать это все глазами, и услышать ушами, что вещал экскурсовод. А рассказывал он не только общеизвестные байки, например, про то, как Иван Грозный ослепил зодчих храма Василия Блаженного. Нет, мужик знал свое дело и травил очень много баек – обоснованных и не очень. Про некоторые памятники архитектуры рассказал такие «слухи», что стало ясно – что помимо экскурсоводства, он еще на РЕН-ТВ работает и придумывает всякие истории про заговоры и инопланетян.

Про салон Аленка бы забыла, наверное, если бы без десяти пять ей не пискнула СМС-ка «Подтвердите ваше посещение салона». По пути сбросила СМС-ку Максиму, но он написал, что до восьми все еще занят – но обязательно сегодня до Аленки доберется, если она, конечно, не против того, чтобы он остался у неё на ночь. Аленка против не была.

«Bellezza Fatale» – оказалось не просто «приличным местом», а вполне себе роскошным – в пяти минутах от «Арбатской», по его фасаду Аленка вдруг поняла, что у неё джинсы стоят дешевле, чем одна только дверная ручка сало-

на. И вошла, честно говоря, не очень-то решительно, подзревая, что сейчас повторится сцена из фильма «Красотка», в котором главную героиню просто выперли из заведения такого класса.

Однако девушка у стойки администратора – господи, да она была настолько стильной, что было странно, что Аленка не видела её в главной роли ни в одном из современных популярных сериалов (ну а где еще могли заработать русские актеры телевидения?)

– Вы – Алена, да?

Да, вряд ли к ним толпами ходили такие нищелюбы, так что... Да, наверное, ей легко было догадаться.

– Ага, – растерянно кивнула Аленка, разглядывая... все. Тут все было такое охренительно стильное, дорогое, что руки хотелось спрятать в карманы, потому что ногти там были неухоженные и с заусенцами... Не дай бог что-то тронуть и испачкать.

– Ну вот, а говорили «страшная, страшная», – девушка лукаво улыбнулась, – наш стилист уже все ногти съел от нетерпения доказать этому миру, что не бывает некрасивых женщин, а вы его так обломаете.

– Извините, – Аленка виновато улыбнулась.

– Ничего, он переживет, – администратор Аленке подмигнула, а потом повела её к зеркалам. Здесь уже, от нечего делать смахивающая с кресла несуществующую пыль, поджидала Аленку улыбающаяся девушка, с именем на бейджике

«Алина». Почти тезка – ну по крайней мере в школьное время знакомая Алина говорила именно так.

– Глазки мы вам закроем, это сюрприз, – таинственно улыбнулась Алина.

– Только сильно не стригите, – умоляюще попросила Аленка. Стричься она не хотела. Женственный образ ей нравился.

– Ладно-ладно.

А потом на глаза Аленке легла плотная ткань мягкой «слепой» полумаски, и начались почти два часа балдежа. Честно говоря, ради этих двух часов можно было и правда почку продать.

К парикмахеру Аленка, в принципе, ходить любила – всякий раз ощущала, как на самом деле устает кожа головы под тяжестью волос, потому что прикосновения чужих рук всегда – особенно в самом начале процедур – оказывали эффект легкого шока. И вот парикмахер мыла Аленке голову, что-то втирала в волосы и просто массировала кожу голову, в салоне играла легкая музыка, и Аленка едва не уснула нафиг. Видимо, работницы салона заметили руки Аленки и решили, пока она не может сопротивляться – поиздеваться и над ними, потому что пальцы тоже и в ванночке в какой-то искупали и истязали чем-то – безболезненно, но подозрительно.

В общем, когда Аленку допустили до зеркала – её даже слегка потряхивало от раздирающих на клочья ожиданий. И... Они, конечно, оправдались. Эффект был – как в днев-

никах принцессы, когда Мия Термополис из девушки с непослушной, неухоженных гривой афро-кудрей, превратилась в этакую конфетку с гладкими волосами. Нет, Аленке волосы выпрямлять не стали, но... Кудри до этого практически всегда, сколько ни возись с брашингом, находящиеся в состоянии «необузданной дикости», теперь вдруг «покорились» и лежали красивыми блестящими волнами. Ну, и без сеченых концов им было гораздо лучше, честно скажем. И челку Аленке оформили красивую. Она, в принципе, не очень их любила – их приходилось регулярно стричь, но сейчас не могла не отметить, что челка придает ей какой-то слегка озорной вид. Ну... И сбрасывает пару лет, точно. Маникюр... Ну, стилисты, конечно, постарались – потому что Аленка была уверена, что на её срезанных практически под корень ногтях ничего толкового не сделаешь, но оказывается – даже френч на них вполне себе получался. Тоненький такой, элегантный... И макияж... Вот кстати – казалось, что макияжа на Аленке нет вовсе. Просто тон кожи вдруг стал ровнее, цвет губ – чуть насыщенней, а глаза – будто больше и глубже.

– Ну, и где у вас тут почки вырезают? – поинтересовалась Аленка, поворачиваясь к администратору – Ольге, кстати, надо уже запомнить.

– Никаких почек, – фыркнула она, – потом от крови пол не отмоешь. Встаньте к стеночке, мы вас сфотографируем, подпись черкнете, что согласны на рекламу – и вы свободны.

А, отзыв нам напишите на сайте, будем очень благодарны.

В принципе, вот после такого результата Аленка была не против, если ей в фотошопе на фотографии «До» еще и прыщей нарисуют. Потому что она себе безумно нравилась. И иррационально хотелось уже, чтобы и Макс оценил такое её преобразование.

Вот только встреча с Максом произошла гораздо быстрее, чем Аленка ожидала. И радостной она не оказалась. Потому что, подписав все бумажки и едва ли не подпрыгивая от радости, Аленка выскочила из салона и практически налетела – на Макса, да. С шестилетней девчонкой на плечах. И с крайне симпатичной блондинкой, шагающей рядом...

16. Дочь чеширского кота

Блин, судьба, вот нахрена тебе это было нужно? Вот чтобы прямиком из розовых мечтательных небес – в ледяную грязь носом! Ну, Аленка же и так догадывалась про семью Макса, ну зачем, зачем, зачем?

И что, что, что вот прямо сейчас делать? Она слишком спалилась – замерла столбом, глядя на Макса чуть ли не с паникой, да и он остановился и молчит, разглядывая её. Палево-палево-палево. Под кого косить перед женой? Под школьную подругу? О, точно, одиннадцать лет после школы не виделись и тут ка-а-а-ак встретились, как, спрашивается, не охренеть? Мда, версия хреновая, но точно же лучше, чем: «Ой, здрасьте, девушка, вы понимаете, я тут уже два дня с вашим мужем сплю. И не только сплю... Ой, только по ли-

цу не бейте, макияж салонный жалко – я на такой денег не найду».

Макс же ссадил девочку с плеч, улыбнулся ей, а потом сверкнул своей голливудской улыбкой и Аленке.

– Где бы не встретиться, да, Сан?

Он, кажется, съехал с катушек. Потому что если девочка интонаций глуховатого папиного голоса понять не могла, то блондиночка-жена, кажется, все распознала с первых же секунд и раздраженно нахмурилась. У них что, в норме вещей, что Макс налево ходит? Свингеры, что ли?

– П-привет, – наконец сообразила выдать Аленка. С объяснениями она решила не спешить. Пусть Макс теперь сам выкручивается, раз ему так хочется спалиться.

– Ну, раз мы встретились, значит, так надо, – Макс потер лоб, а затем сжал плечо девочки, чуть подталкивая её вперед, – знакомься, Сан, это женщина номер один во всей моей жизни. Императрица Елизавета Ольховская, первая и единственная. Лиза, а это Алена. Мой хороший друг.

Сцена была странная. Ужасно странная. Девочка, глядевшая на Аленку исподлобья, блондинка, пытавшаяся взглядом прожарить Аленку до румяной корочки, и Макс – безмятежный спокойный Макс, по лицу которого вообще нельзя было сказать, что он сейчас в присутствии жены знакомит любовницу с дочерью. Так... Нельзя было сказать? Ну... Макс же не идиот? Да – не идиот. Значит, блондинка не жена? Ну охренеть тогда, а с какого хрена она тут взгляд васи-

листка репетирует? Хотя хрен с ней – по-моему, директором этого кастинга была совсем другая женщина, что сейчас тоже смотрела на Аленку отнюдь не дружелюбно.

Аленка присела на корточки, заглядывая девочке в лицо. Девочка казалась какой-то напуганной, встревоженной... Те мелкие, что Аленка видела у подруг, в принципе, были гораздо открытее, и вообще были редкостные болтушки.

– Здравствуйте, ваша светлость, – улыбнулась Аленка и протянула вперед ладонь. Не то чтобы она ожидала, что девочка тут же бросится ей на шею, но все-таки – не того, что Лиза попытается, прижимаясь к Максусу. Ладонь повисла в воздухе. Аленка же вздохнула и, выпрямившись, виновато глянула на Максуса, взглядом извиняясь за свой провал.

– Все нормально, – Макс подмигнул, – я же говорю, мадам-муазель – императрица. В её фаворитах только я. Ну... И Валя еще, – Макс бросил взгляд на блондинку, – кстати, Сан, это Валентина, фрейлина моей императрицы.

– Няня, – скупо улыбнулась Валентина. Вот она Аленке не понравилась, даже несмотря на вежливую улыбку, замершую на губах. Реакция Лизы, в принципе, была хотя бы искренней. А эта фифа... Вот на неё Аленкина интуиция сработала как кот, нюхавший мышшь. Что-то в этой девице было фальшивое, и это вкупе с общей враждебностью выражения её лица смотрелось целой кучей недостатков.

– Так, – Макс прищурился, что-то прикидывая, – мы уже возвращались домой, но скажи-ка мне, Сан, ты голодная?

– Ну, вообще – да, – Аленка смущенно потупилась. Толком она сегодня и не ела, из нормальных приемов пищи был только завтрак в гостинице, а потом были только пара яблок, брошенных в сумку перед выходом, да чашка кофе после экскурсии.

– Я домой хочу, – запротестовала было Лиза, но Макс рассмеялся, опуская ей ладонь на затылок.

– И мороженого ты совсем не хочешь, да, ваша светлость? – широко улыбнулся он. С пару секунд Лиза взвешивала «за» и «против», явно сомневаясь, что компания Аленки может быть реабилитирована мороженым, но... Но все-таки решила пойти на уступку и кивнула.

– Валь, я вас безбожно задержал уже, – Макс глянул на часы, и Аленка даже залюбовалась его широким запястьем – впрочем, она тайком любовалась каждым миллиметром тела Макса, что уж там, он весь был хорош, с головы до пят, – езжайте домой и завтра отдохните.

– Да ерунда, – запротестовала Валентина, мигом из ледяной королевы оттаивая в смущенную снегурочку, – мне же в радость проводить время с Лизой, я вам говорила.

Ой-ой. Кажется, не одна Аленка была пленницей этой широкой улыбки и насмешливых карих глазищ. Кажется, кто-то в детстве фильмов про няню, выскакивающих замуж за отца своих подопечных, пересмотрел. Хотя это нужно было поиметь в виду. Если у Вали на Макса виды – она ж может и повставлять Аленке палки в колеса. Хотя... За полторы-то

недели – много ли она успеет? Впрочем, при мысли о полутора неделях – Аленка едва не скорчила недовольную гримасу. Думать об отъезде не хотелось. Но... Разве может она заинтересовать Макса надолго, а? Он даже сейчас с дочерью её знакомит из-за случайного столкновения. А так – ни словом не обмолвился.

– И все же, Валя, езжайте домой. Эксплуатировать людей не в моих привычках, – настойчиво улыбнулся Макс, и Валентина, бросив на Аленку молчаливый и довольно завистливый взгляд, кивнула, что-то прощальное прошептала накуксившейся Лизе и зашагала в сторону метро. Кажется, спорить с работодателем она не смела, даже с учетом того, что он ей ужасно нравился.

– Ну вот теперь пойдёмте, – Макс снова прихватил Лизу в охапку, и девочка радостно завизжала и забарахталась. Впрочем, снова оказавшись на отцовских плечах, притихла, обнимая отца за шею.

Аленка же, глядя на это все, вспоминала, как катал её вот так же её отец. Даже дольше, чем до пяти лет, даже с учетом того, что мать жутко ругалась на это баловство. И Аленка – такая же тоненькая, будто ласточка, как и Лиза сейчас, обожала эти моменты, обожала скользить ладошками по отцовскому колючему подбородку. Эти моменты было невозможно вытереть из памяти никакими средствами. В эти минуты Аленка чувствовала себя жутко счастливой, потому что папа катал её на плечах – и в мире оставались только они вдвоем.

Вопреки «императорским замашкам» Лиза впечатления «принцессы» не производила. То ли сказывалась мужская рука в воспитании, то ли что – но девочка была в обычных маечке и джинсах. И маечка была даже не розовая, а желтая – и без девчоночьих стразики, с безумно классной совой на груди. Хотя на ножках были надеты туфельки-балетки, вот там как раз были и бантики, и стразики, но, в общем, девочка выглядела не совсем как девочка. Хотя это, наверное, было хорошо. Куда больше вопросов у Аленки вызывали девочки, наряженные в пышные платья просто чуть что – даже без повода. Да и девочки в белых брючках тоже вызывали вопросы. На детских площадках такие не знали, куда им сесть и как покататься с горки. Однажды Аленка даже была свидетельницей скандала, где разъяренная испачканными белыми шортиками мамаша устроила дочери целый разнос. Будто она могла быть матерью только чистенькой принцессы, а не этого вот грязного гадкого утенка.

– Ты удивлена, Сан? – Макс подтолкнул Аленку локтем, и ей пришлось отвлечься от размышлений.

– Да не очень, – вздохнула Аленка честно. Честно говоря, рассказывать про собственные домыслы про жену Макса было как-то не очень... Особенно при Лизе. А потом – можно будет и признаться.

– Госпожа императрица, вы представляете – мы не удивили госпожу Солнцеликую, кажется, мы плохо постарались, – задорно бросил Макс, и Аленка поймала взгляд Лизы. И на

долю секунды ей показалась какая-то излишняя серьезность в голубых глазках девочки. Впрочем, в чем излишество. Яковлева, призадумайся на секунду – где может быть Лизина мама? Бросила ребенка отцу? Погибла? Как ни крути, а вряд ли это не отложилось в памяти, даже если девочка не запомнила все детально, то эмоциональный след был оставлен точно.

Макс притащил Аленку и Лизу в приятный ресторанчик, со смешным (ну по крайней мере для Аленки) названием «Руккола». И здесь было чудно, Аленка почти влюбилась в это место с первого взгляда, лишний раз ощутив, насколько же она влюбчивая. Но все же в шикарном ресторане она не знала бы, куда деть руки, пусть сейчас это и были руки с красивым маникюром. А здесь было мило и очаровательно – да еще и любимая цветовая гамма, построенная на светлых коричневых тонах с энергичными цветными акцентами. И Аленка запала на эти клетчатые шторы. При случае нужно будет поискать аналогичные – для её домашней спальни такие, только синие, подошли бы идеально.

Аленка не отвлекала Макса от Лизы, в конце концов, было ясно, что здесь и сейчас – девочка сама себя развлечь не может, и ей было скучно ждать. Хотя мороженое ей принесли быстро, это Аленке её салат и фондан предстояло ждать. Но все же до мороженого не сразу и дошло – потому что Макс и Лиза строили из зубочисток вигвам и не захотели отвлекаться. Хихикали, толкались лбами и потрошили стаканчик с зубочистками.

– На салфетке стройте, – не удержалась Аленка, когда у этих балбесов шалашик снова развалился – и немудрено, на гладкой поверхности стола. Лиза дернулась, оборачиваясь к Аленке, неловко махнула рукой, и... вазочка с мороженым полетела со стола. Аленка дернулась, перехватывая вазочку – в уме отпечаталось, что в любом ресторане жутко драконовские расценки за бой посуды. Два шарика мороженого же приземлились на Аленкины джинсы.

– Ну, Лиза-а-авета, – тихонько простонал Макс, прикрывая глаза ладонью – кажется, такая неловкость была в порядке вещей. А у девочки же глаза стали жутко несчастными, будто она ужасно не хотела расстраивать отца. Аленка поморщилась – все-таки мороженое было холодным, и ощущать его сквозь джинсы было не очень-то приятно, но хрен с ним. Спокойно подхватила шарик мороженого с собственного бедра, бросила его в вазочку, поставила её на стол, а затем лизнула пальцы. М-м-м, карамельное...

– Мне такое же закажешь? – безмятежно глянула на Макса и, получив его утвердительный кивок, встала из-за стола. Джинсы нужно было хотя бы замыть. На это много времени не нужно было.

Кожа под джинсами была липковатая, сахар все-таки пропитался сквозь ткань, но это можно было пережить, главное вечером добраться до душа.

Когда за спиной хлопнула дверь туалета – Аленка особого значения не придавала. В конце концов, ресторанчик был не

пустой, в нем были люди, мало ли кому приспичило? Лишь потом, когда после хлопка двери последовала только тишина, Аленка отвернулась от раковины, стряхивая с ладоней воду.

А у двери, набычившись и надувшись, сунув ладошки в кармашки джинсов, стояла Лиза.

17. Госпожа императрица

– Тебя папа извиниться послал? – мягко поинтересовалась Аленка, и Лиза недовольно пфыкнула. Мда. Вот даже вслух не надо было говорить, что Аленка ей никак не нравилась. Ну ладно. Это можно было пережить.

– Вот еще, – тихо буркнула она. – Не буду я перед тобой извиняться.

Ох-хо, юная амазонка защищала свою территорию. Никаких левых теток – у нас есть Валя, а? Мда, сложный кастинг, ничего не скажешь. И режиссер какой попался придирчивый...

– Да и не надо, – Аленка сунула руки в сушилку под тугие струи сжатого воздуха. – Руки только перед едой помойте, ваша светлость.

– Ты мне никто, – возмущенно вскинулась девочка, – не буду я тебя слушаться.

Говорила она нахально, наверняка хотела вывести из себя. Вот только она не на ту напала. У Аленки иммунитет к подобным выкрутасам был с семи лет, с того самого момента как мама притащила из роддома копошащийся розо-

вый кулек с Анютой внутри. Более того, Аленка удержалась и не фыркнула, хотя выражение лица у девочки было ужасно потешное – боевое, будто Лиза стояла напротив Гитлера и собиралась героически сгинуть в неравной борьбе. По себе Аленка помнила – ничего не мог сделать взрослый более оскорбительного, чем заржать, пока ты на него злился. Детей следовало воспринимать серьезно, особенно если ты им приходился хреном с горы. Потому что они-то себя точно воспринимали очень-очень серьезно. Это папе можно было видеть в Лизе принцессу, маленькую императрицу – да хоть черта лысого. Папа – это папа. А левая тетка, прояви она неуважение, стала бы лютым врагом надолго, возможно, даже навсегда и без права апелляции к приговору.

– Не помоешь руки – живот заболит, – практично вздохнула Аленка. – Особенно, если вы с папой хорошо гуляли. Но это не приказ, ваша светлость. Ты же знаешь, что это просто правило. И, наверное, папа тебе о нем тоже напоминает.

Лиза набычилась, молча глядя на Аленку. Ну, ясно. Папа, разумеется, напоминает, но «врагу спину не подставляй и позиций при враге не сдавай». Аленка нейтрально кивнула девочке и, осторожно протиснувшись мимо нее, вышла из туалета, возвращаясь за столик.

Макс успел достать планшет из сумки и что-то колдовал над ним. Заметив Аленку – отключил экран и отодвинул планшет, вопросительно взглянул на девушку.

– Лиза моет руки, – улыбнулась Аленка. – При мне не ста-

ла. Я ей не понравилась, кажется.

Макс поморщился. Кажется, это была не самая свежая новость. Видимо, императрицей её Макс звал не зря, и кастинг у Лизы пройти было действительно сложно.

– Не переживай, – он мягко улыбнулся. – Она адаптируется. Привыкнет к тебе. Ты же замечательная, Сан.

– Ты обкурился. Нафига ребенку привыкать к тетке, которая свалит через десять дней? – Аленка округлила глаза, стараясь не растечься в радужную лужицу от комплимента. Боже, Яковлева, отключи уже внутренний генератор ванили, тебя слишком легко можно заставить поплыть.

– Сан, и это все твои вопросы? – Макс едва ли не рассмеялся. – Я тут тебе вскрылся, что у меня дочь есть, а тебя это вообще не волнует?

Аленка непонимающе моргнула. Ну, есть у Макса дочь, и что с того? А что тут могло волновать? Надо было что – в обморок упасть, лицо расцарапать за то, что сразу не сказал, или в истерике убежать? Аленку детьми было не напугать, если честно.

– Знаешь, я бы удивилась, если бы у тебя при твоей озабоченности детей не оказалось.

– Что такое «озабоченность»? – как это всегда бывает – ребенок к столику подрулил в самый неподходящий момент и выцепил из фразы самое неподходящее слово. Лиза рассматривала Аленку с вызовом, мол: «Что ты тут с папой делала, обижала?» А у Аленки вспыхнули щеки – потому что

она не знала, какой ответ дать на вопрос девочки.

– Озабоченный – это когда безумно любят обниматься, – Макс выкрутился с виртуозной легкостью. Он, кажется, был привычный к таким вопросам.

– И от этого дети появляются? – с недоверием поинтересовалась Лиза.

– У взрослых дядь и тетя – случается и такое. Если они очень крепко и часто обнимаются, – говоря это, Макс своими бесстыжими смеющимися глазами глядел прямо в глаза Аленке. Будто намекая, что очень не прочь с ней пообниматься. И щеки пылали все сильнее и сильнее.

– Так вы извинились, ваша светлость? – Макс глянул на Лизу пристально. Кажется, он неплохо знал свою дочь и её упрямство. Девочка набычилась и засопела. Хотя даже в таком виде она была эдаким симпатичным ангелочком. Надувшимся, симпатичным ангелочком. Ох, Яковлева, стоп, хватит западать на чужих детей.

– За случайности не извиняются, – осторожно вклинилась Аленка, тут же замечая, как раздосадовано вздрагивают брови Макса на её вмешательство в воспитательный процесс.

– Дело не в случайности, Сан, – ровно произнес он, не спуская с Лизы пристального взгляда. – Дело в привычке отвечать за свои поступки. Например, за то, что пачкаешь чужую одежду.

Ох, и суров же был господин Ольховский – с пятилетней девчонки спрашивать за сознательность.

– Это не страшно, – Аленка осторожно глянула на хмурую Лизу. – Это всего лишь джинсы.

– Какая разница, джинсы или дизайнерское платье? – скептически поинтересовался Макс.

– Какая гениальная женщина наденет в кафе с ребенком дизайнерское платье? – уточнила Аленка. – Вот раз надела – значит – сама дура. А джинсы – леший с ними. Отстираются.

Макс закатил глаза.

– Эта ваша женская солидарность, – пробормотал он, а затем притянул к себе дочь и усадил на колени, невесомо коснулся губами девчоночьего виска. Вот от этого Лиза повеселела, заулыбалась и даже потихонечку начала болтать ногами.

Аленка не самообманывалась. Вряд ли её заступничество дало ей хоть какой-то бонус доверия Лизы. Наоборот – скорей всего. Девочка наверняка решила, что к ней подлизываются. Но просто Аленка действительно на неё даже не обиделась, за что там было извиняться-то? Пара пятен на джинсах – но это были самые дешевые джинсы какого-то самого бюджетного бренда. Хрен бы с ними, даже если им пришел окончательный швах. А устраивать ребенку неприятные минуты выдавливания унижительных, да и неискренних извинений... Фу. Пусть лучше лопают свое мороженое и улыбаются.

На улыбающуюся довольную Лизу смотреть было приятно. И в том, как Макс с ней болтал, с каким удовольствием на

неё смотрел, и вообще – довольно часто ласково трепал Лизу по белобрысому затылку, со стянутыми над ушами хвостиками – было заметно, что Ольховский абсолютно не врал – Лиза действительно для него ужасно важна.

Интересно, какой была мама Лизы? Вот такой же кудрявой, белокожей, голубоглазой блондинкой? Картинка рисовалась красивая – особенно на контрасте с кареглазым шатеном – отцом семейства Ольховских. Аленка даже мечтательно вздохнула, потому что сама-то вот такой вот яркостью, как нарисованная в воображении мама Лизы, точно не отличалась. И что в ней нашел Макс, что все-таки соблазнился – было вообще не понятно.

– Ты к Лизе уехал вчера, да? – поинтересовалась Аленка, а Макс вздохнул и кивнул.

– Вообще, моя светлость гостила у бабушки, – произнес он, – но бабушка возьми и заболей. Нужно было её забрать и свозить к врачу – чтобы точно выяснить, что не приболела и Лиза. Так что...

– Все в порядке, – Аленка улыбнулась. – Это ж святое – иначе было нельзя.

Макс благодарно блеснул глазами – и это вот, пожалуй, было самое важное. От этого аж душа вздрогнула. Аленке было даже не жаль, что сейчас при Лизе они с Максом даже за руки не подержались. Вот в таком вот обмене взглядами таилось ничуть не меньшее таинство, и от этого она ощущала себя влюбленной даже сильнее, чем раньше.

Оставшийся ужин прошел довольно мирно, хотя Аленка жевала без особой размеренности – ей не пришлось приглядываться, чтобы увидеть какие осоловевшие у Лизы глаза – хоть она на Аленку и поглядывала по-прежнему колючим, напряженным взглядом. Будто боялась, что она сейчас уснет, а злая незнакомая тетка папу похитит и сожрет.

Макс тоже торопливо прикончил свою тальятту, поэтому можно сказать, что ужин прошел «без проволочек». Правда, пару минут Аленка с Максом попрепирались из-за счета, потому что этот обкуренный «патриархал» – как он сам себя назвал, когда Аленка потянулась было к счету, чтобы пихнуть в него свою долю, набычился так – что стало ясно, у кого Лиза берет мастер-классы.

– Не позорь меня, женщина, – с шутливой мрачностью заявил Макс, – ты что, хочешь сказать, что я конченный нищелюб и не смогу оплатить твой несчастный салат и мороженое?

– У меня еще фондан был, – педантично заметила Аленка, а Макс поморщился, всем видом показывая, что это все тлен и суета.

– Сотней больше, сотней меньше – все равно по миру пойду, – фыркнул он и отодвинул счет на самый дальний край стола, так, чтобы Аленка до него точно не дотянулась. Вот и хочешь быть современной, не хочешь отягощать никого собственной прожорливостью – осталось только понять, кому это еще нужно, кроме собственного самолюбия, которое сей-

час раздраженно бурчало, что вообще-то тот же фондан отнюдь не сотню стоил. Но спорить с этим мужчиной, кажется, было совсем бесполезно – да и блин, ну какие споры, тут ребенок отрубался прямо в кресле.

Нет, нищевродом Макс не казался. Простой парень с нормальным достатком. Без особых заморочек, без пристрастия к брендовым рубашкам или дизайнерским галстукам. Хотя, честно говоря, Аленка в этом совершенно не разбиралась. И она бы с двух шагов никак бы не отличила дизайнерских джинс от штанов из какого-нибудь Ооджи. Разве что кто-нибудь ей подписал бы дизайнерский вариант.

– Прыгай назад, – велел Аленке Макс, когда она топталась у подъехавшей к Максусу машины такси и не знала, как бы ей ухитриться Макса хоть поцеловать на прощанье. Моральные терзания «не при ребенке» давили, конечно, но блин... Аленка же соскучилась по Максусу, ужасно соскучилась.

– Я же в гостиницу, – пискнула Аленка непонимающе, а Макс поудобнее перехватил дремлющую у него на руках Лизку и едва ли не яростно уставился на девушку.

– Ты едешь ко мне, – сердито и безапелляционно заявил он, – какая к черту, гостиница? Я сегодня не смогу Лизку одну дома оставить. Валю-то я отпустил.

– Ты точно обкурился, – простонала Аленка, но руки уже открывали дверцу машины. Не так уж нужны были те уговоры, Аленке смертельно не хотелось расходиться с Максусом.

И в темноте на заднем сиденье такси – когда усевшийся

рядом Макс отпустил ноги Лизы и нашарил наощупь Аленкину ладонь, – девушка, истосковавшаяся по нему, по его прикосновениям, замерла, боясь спугнуть момент. Но нет, Макс руку не убирал, так и поглаживал осторожно её пальцы, отрешенно глядя на дорогу. И здесь, сейчас – казалось, что у них все гораздо серьезнее, чем просто легкий роман. Это была смелая гипотеза. И в неё Аленке было верить ужасно страшно. Да и рано. Сейчас размечаешься, а потом – больнее приземляться носом об землю. Но все же... Все же как же сладко вздрагивало в груди сердце все это время. Как же хотелось потянуться к Макс, уткнуться в его плечо носом, вдохнуть его запах и зажмуриться от вспышки чувств.

Казалось бы – сейчас Макс был так близко, но почему он сейчас казался еще более нереальным, чем все то время – через интернет. Почему от него так кружилась голова? Почему каждая секунда казалась чертовым сном, в котором хотелось провести чертову вечность? Предложи Макс – и Аленка без малейших сомнений осталась бы тут, хоть даже променяв место программиста на место кассира в Макдональдсе. Если бы по вечерам снова встречаться с ним, хотя бы для того, чтоб гулять с Лизой, – и вот так вот держаться с Ольховским за руки – оно того стоило.

И даже тишина, в которой они ехали, шли до дома, поднимались в лифте – лишь бы не побеспокоить спящую Лизу, не портила. Даже напротив. Эта тишина Аленке нравилась. В ней было что-то доверительное, почти что семейное. Так,

стоп, это была опасная мысль, Яковлева. Не зарывайся. Не начинай претендовать на место члена этой семьи. У тебя на это нет ни прав, ни повода. Ты здесь «хороший друг» – и в этом все.

Но все-таки осторожно стащив с ножек Лизы туфельки, разувшись – и тихонько замерев в прихожей, дожидаясь, пока Макс уложит девочку в её постель, Аленка как-то глупо улыбалась. Все-таки парочка «дочка и отец» из Ольховских была очаровательная. Они действительно смотрелись настоящей семьей. И Макс – явно был хорошим папой. Дочка его любила – раз уж пыталась оборонять его от всяких непонятных теток. И было неожиданно приятно оказаться рядом с этой семьей хотя бы на правах друга. Было тепло.

Макс вернулся – и без лишних слов сгрэб Аленку в клещи своих объятий, прижал к себе – уткнулся губами в волосы над ухом.

– Спасибо, что выдержала вредность Лизаветы, – шепнул он, – и прости, что я на тебя это все вывалил вот так. Надо было как-то... По-другому.

– Сам сказал – судьба такая, – фыркнула Аленка, всей душой замирая. В объятиях Макса она могла провести ужасно много времени. Пару вечностей – если бы они у неё завалились.

– Ох, Сан, – Макс это практически мурлыкнул, лишний раз подчеркивая собственное сходство с котом – хищным, опасным, но таким мягким, вкрадчивым, что его чарам бы-

ло невозможно сопротивляться. И в его плену было так тепло, душа в предвкушении обмирала и наслаждалась всяким мгновением со своим пленителем, всяким его словом, всяким действием. А Макс чуть отстранился, вглядываясь в лицо Аленки, скользя пальцами по уложенным локонам.

– Во всей этой беготне я даже не успел тебе сказать, как охренительно ты выглядишь, – задумчиво пробормотал он, – ты ведь меня простишь за мою невнимательность, а, Сан?

– Ох, и дурак же ты, Ольховский, – тихо выдохнула Аленка и потянулась к его губам. Потому что ждать еще – уже мочи не было. Еще пара минут без его губ – и она точно могла бы умереть от тоски. И... Судя по ладоням, крепко прижавшимся к её спине, – это у них с Максом было взаимно.

18. Уязвимое место

Макс чуть сам с себя не угорал. Вот, казалось бы, чего ждать – Лизка спит, девушка так и ластится к рукам – давай, мачо, показывай девушке, где в твоей квартире располагается кровать, и начинай зажигать на её небе звезды, да поглубже, тьфу ты, поярче.

Не-е-е-ет, это – слишком просто, слишком быстро, в конце концов, в целях был не только секс. В целях было приручить эту женщину, заставить её выбраться из панциря. Потому что сейчас – да, все было неплохо. Пока был секс, и не было обязательств. Но подними сейчас Макс разговор об отношениях – и скорей всего Аленка бы взбрыкнула. Да и с чего ей об этом думать? Она приехала в Москву развлечься

и отдохнуть. А получила – уже знакомство с Лизой, причем довольно беспощадное знакомство, и Макс себя чувствовал слегка виноватым за это – но просто этот секрет хранить было нельзя ни в коем случае. Так как он хотел отношений – эту невыгодную карту в собственном веере козырей следовало выложить на стол самой первой. Потому что, ну какие нахрен отношения, если Макс не договорит о таком? Ага, год Лизку прятать по углам и у бабушки – а потом на свадьбе позвать нести кольца. Сюрприз, дорогая, знакомься, это вот мое приданное, ты не волнуйся, она не кусается. Ага, Лиза была бы в высшей степени «восторга».

Нет. Лизу Макс прятать не хотел. Он слишком любил свою дочь, чтобы так с ней поступать. И да – острые углы надо было сглаживать с самого начала, а не ждать, пока выплывет айсберг в отношениях. Нет. Хотелось бы, чтобы Лиза с Аленкой сошлись характерами. В конце концов, Макс знал их обеих, и они вообще-то обе были замечательные, каждая по-своему. Просто повода познакомиться у них не было, но это как раз исправимо. Очень легко исправимо.

Вообще... Вообще-то Аленка Макса сегодня в хорошем смысле удивила.

Она была какая-то нереальная.

Чем больше Макс выковыривал её из панциря, тем больше охреневал от того, какой она оказывалась. Нет, радоваться было рано – в конце концов, ездили, знаем, первое знакомство с Лизой пережила даже не одна кандидатка на место...

хорошего друга. Обычно забраковывались они несколько позже, отваливались сами, причем заявляя, что Макс растит маленькое избалованное чудовище.

Лиза избалованной не была. Лиза была раненой. В маленьком сердечке уже сейчас зияла дыра, и малышка попросту не хотела доверять кому попало, особенно – всяким тетям, которые порываются стать «мамой». Что поделать – печальный опыт общения с «мамой» уже был в наличии. И может, в мире теоретических женских фантазий отцы-одиночки и имеют какой-то бонус симпатии, вот только, как показала практика, девушки довольно слабо представляют, что им может предстоять при общении и сближении с чужой дочерью.

Особенно это проявлялось, если девушка до этого с детьми на регулярной основе не общалась – от «ой, какая прелесть» до «Макс, почему она не успокаивается» было не такое уж и далекое расстояние. Буквально пара дней в компании Лизы. Нет, конечно, как-то раз Макс встречался с матерью-одиночкой, но тут тоже было сложно – и подводных камней оказалось больше. И девушка в приоритет ставила собственного сына, почему-то предполагая, что и Макс будет это делать, да и мальчик с Лизой жутко конфликтовал.

Честно говоря, Макс уже отчаялся, уже хотел было окончательно развести эти две линии своей жизни, касающиеся дочери и женщины для «личной жизни», но... Решил рискнуть в последний раз. Если не выйдет с этой вот женщиной,

которая кажется настолько глубоко своей, самой что ни на есть подходящей – значит, не получится ни с кем. Значит, будут отдельно друг от друга одноразовые любовницы и Лиза – она-то как раз навсегда.

Сегодня Аленка оказалась на высоте. То ли закаленная после возни с сестрой, то ли что – но ей удалось провести вечер рядом с Максом и Лизой и даже не испытать дискомфорта. А Макс представлял, насколько обделенной вниманием может чувствовать себя увлеченная женщина, если на свидании с ней ты был сосредоточен на ком-то другом. Пусть даже и на ребенке. Нет. Эта умница даже не подумала ревновать. И Лиза – даже во время ужина поглядывала на Аленку и выглядела слегка сбитой с толку. Фиг знает, что у них там произошло в дамской комнате, но чем-то Сан Лизавету удивила. Волшебница, черт возьми.

Блин, ну как... Как вообще сейчас отстраниться? Это реально походило на магию – Макс одновременно и не хотел сводить все к сексу прямо сейчас, и никак не мог от Аленки сейчас губы-то оторвать, не то что руки, уже забравшиеся к девушке под майку – но пока что ласкающую только кожу спины. И даже этого ей было достаточно, чтобы тихонечко, едва слышно постанывать и прижиматься к Максиму сильнее, и будоражить его с каждой секундой все больше и больше.

В груди переливалось что-то тяжелое, крепкое, пьянящее. Такое пьянящее – что не имейся в голове парочка предохранителей, то сейчас Макс мог вполне залезть Аленке в джин-

сы прямо тут, в прихожей, никуда не отходя. Но, во-первых, так уже было. В самый первый их раз. А во вторых – в отличие от спальни – у прихожей не было двери с защелкой. И да – если госпожа императрица вдруг изволит проснуться – объяснить ей тут, что папа с «хорошим другом» делают – будет несколько проблематичней, чем про «озабоченность».

К тому же Максу хотелось оттянуть удовольствие, снова. Вопреки всему – хотелось перед тем, как кувырнуться в постель, еще слегка поболтать. В конце концов, времени сегодня на это совсем не было, практически целиком внимание Макса поглотила Лиза – в конце концов, он опасался, что дочь вывезет что-нибудь... эдакое. Она могла. С дури в течение года сначала притащил троих кандидаток на роль «потенциальной мамы». Потом только дошло до идиота, что вообще-то девочка от всякого появления новой женщины в её жизни уходит в себя все глубже. У неё никак не получалось отпустить самую первую «маму», которая и разбила маленькое девчоночье сердечко. Тогда – вроде опомнился, дал Лизе перерыв – да и себе тоже.

– Ты кофе будешь? – через силу отдираясь от Аленкиных губ шепнул Макс. Отодаться получилось – а вот отстраниться нет. Так и стоял, невесомо касаясь её носа своим и ощущая, как девушка обмирает от его прикосновений. Ох, Санни, солнечная девчонка, такая теплая, что без неё – с каждым днем становится все холоднее и холоднее. Вот и сейчас всей чертовой душой тянулся к ней. И это душа, а

не эго Макса, сейчас касалась ладонью нежной девичьей щеки, она обводила полураскрытые, голодные до поцелуев губы большим пальцем. И все-таки какая красивая форма губ. Такая заманчивая, что кажется, отрываться от них – едва ли не самый страшный из всех семи смертных грехов.

– Хочу, – тихонько пискнула девушка, и Макс едва не рассмеялся от этих её интонаций, до того она была смешная и трогательная.

Вообще от Аленки, острой на язык, Макс вполне ожидал какой-нибудь подколки, но она сегодня выглядела ужасно растерянной – и в кафе, и в момент первой встречи. Все-таки для неё это все оказалось сильной встряской. И... Вообще, Макс мог понять. Поэтому сейчас и медлил, будто опасаясь спугнуть встревоженную лань. Поэтому и просто целовал, пытаюсь выпить из её души сомнения, тревоги, смятение – они были, Аленке даже не надо было об этом говорить. Все было написано на растерянном личике. Но она была тут – сидела сейчас на кухне квартиры Макса, на его коленях и елозила по ним задницей, будто пытаюсь раскалить его до предела. Как будто для этого ей нужны были какие-то усилия. Нет, Аленка могла показать пальчик – и Макс уже «встал бы в стойку», потому что... Ну, потому что вот так вот он реагировал на эту девушку.

– Ну как тебе Лиза, – осторожно спросил Макс, выкроив все-таки минутку, заставив себя оторваться от нежных губ, утыкаясь носом в худое плечико. Ох, в грудь бы зарылся ли-

цом, да неудобно это с точки зрения позы...

– Вы замечательные, – тихонько шепнула Аленка и улыбнулась: легко, спокойно. И все-таки «вы»... Блин, вот до чего все-таки проблематично понять, что вообще в этой голове и как работает. Почему она дистанцируется? Максу не хотелось, чтобы она чувствовала себя чужой. Честно говоря, страшно хотелось, чтобы Аленка хотела сблизиться с Лизой. И... Чтобы у неё это получилось. Тогда бы... Тогда бы все это было не зря.

Девушка осторожно пробежалась пальцами по скуле Макса. От этой ласки хотелось зажмуриться. Макс поймал её ладонь и прижал её к щеке. Блин, как дурак, право слово. Дотла растворялся в ней, забывался до пустоты. И как – как снова не искать её губы, как обходиться без них? Ей хочется запастись впрок, потому что все равно же круглосуточно находиться с ней рядом не получилось бы даже в самом лучшем случае.

– Макс... – её голос заставил Макса опомниться. Оказывается, поддавшись мыслям, – он себя контролировать прекратил. Настолько, что успел пересадить Аленку со своих колен на стол перед собой и все-таки расстегнул у её джинс молнию, сейчас танцуя пальцами по поддрагивающему нежному животику. А на варочную панель с шипением извергался из турки кофе, возмущенный таким невниманием к своей персоне.

– Нет, нахрен, пошли в спальню, – сопротивляться соб-

ственным желанием смысла уже не было. Строишь из себя не пойми кого, не пойми зачем – ведь все известно, и что Макс Аленку хочет, и что она его – тоже... И чего время тратить? Хотя Макс ни об одной «попусту» потраченной минуте не жалел. И еще бы не отказался.

– Пойде-е-ем, – протянула Аленка, спрыгнувшая со стола, пока Макс отключал панель, – а то я уж начала бояться, что мне сегодня ночью только кофе поспать и не даст.

Зараза... Хотя ладно, самое время показывать, где в этой квартире располагается кровать, и начинать зажигать на её небе звезды, да поглубже, тьфу ты, поярче.

И все-таки... Все-таки как же сложно это все было.

Сейчас – да, все было неплохо. Пока был секс, и не было обязательств. Но подними сейчас Макс разговор об отношениях – и скорей всего Аленка бы взбрыкнула. Да и с чего ей об этом думать? Она приехала в Москву развлечься и отдохнуть. А получила – уже знакомство с Лизой, причем довольно беспощадное знакомство, и Макс себя чувствовал слегка виноватым за это – но просто этот секрет хранить было нельзя ни в коем случае. Так как он хотел отношений – эту невыгодную карту в собственном веере козырей следовало выложить на стол самой первой. Потому что, ну какие нахрен отношения, если Макс не договорит о таком? Ага, год Лизку прятать по углам и у бабушки – а потом на свадьбе позвать нести кольца. Сюрприз, дорогая, знакомься, это вот мое приданное, ты не волнуйся, она не кусается. Ага, Лиза

была бы в высшей степени «восторга».

Нет. Лизу Макс прятать не хотел. Он слишком любил свою дочь, чтобы так с ней поступать. И да – острые углы надо было сглаживать с самого начала, а не ждать, пока выплывет айсберг в отношениях. Нет. Хотелось бы, чтобы Лиза с Аленкой сошлись характерами. В конце концов, Макс знал их обеих, и они вообще-то обе были замечательные, каждая по-своему. Просто повода познакомиться у них не было, но это как раз исправимо. Очень легко исправимо.

Осталось только понять, как посвятить Аленку и в другие тайны Максима Ольховского. К которым она не факт, что готова...

Но это все потом. Самое важное – Лиза!

19. Приключения для ищущих

Влюбленность надо было запретить как факт, как опасное биологическое оружие. Потому что она превращала взрослую умную (вроде как) и слегка самоуверенную женщину в отчаянную девчонку, которая чувствовала себя неуклюжей. Во флирте, в постели – и каждый чертов день. Стоило только Максу появиться в поле зрения, и Аленка, которая могла обстебать кого хочешь, превращалась в стеснительную выпускницу и не знала, как связать пару слов. И речи не шло, чтобы оборжать Макса, как того же Темыча, у Аленки едва хватало духу хоть на какие-то подколки.

И вообще-то это было ужасно грустно, потому что... Потому что Макса она может разочаровать. Ну что это – весь

год была этакой языкастой заразой, а приехала и пытается закосить под девственницу. Ну и кому такое чудовище нужно? Скучно же!

Эти мысли делали Аленке больно. Потому что, честно говоря, она ужасно хотела в кои-то веки понравиться не той язвой, какой была в режиме «активной защиты», а тем мирным зверьком, которым была под этим панцирем. Может... Может, тогда не она бы одна наслаждалась этой тишиной, этим вибрирующим между ней и Максом спокойствием, отсутствием вечной войны. Аленка давно устала воевать. Аленка хотела сдаться – причем только Макс, и больше никому. Остальные варианты «завоевателей» даже не рассматривались. И сейчас... Сейчас Аленка сдавалась Макс – снова вынудив его пойти в активное наступление. Так и хотелось сказать: «Завоевывай меня, милый, как хочешь – так и завоевывай». Ему себя хотелось отдать целиком. Даром.

Игра началась, как только Макс закрыл дверь спальни. Как только защелкнулся внутренний замок, а у Аленки в груди заплясало суицидальное предчувствие «приключений». И лишь в эту секунду Аленка полностью поняла, как соскучилась по Макс за весь этот чертов день, как изголодалась по его желанию, по его телу и по нему самому, целиком.

– Ты готова? – вкрадчиво протянул Макс, шагая к ней ближе, – чего ты хочешь сегодня?

Аленка сидела на кровати и в царящем в комнате полумраке глядела на Макса. А Макс – неторопливый, грациоз-

ный, как охотящийся гепард, шагнул к Аленке, опуская ладонь ей на щеку.

– О! Я могу заказывать музыку? А что если попа хочет приключений?

Большой палец Макса скользнул по губам – и уже от этого кожу закололо от предвкушения, а внизу живота начал разливаться жар. Ох, нельзя было так проваливаться в мужчину, ох нельзя...

– Приключений, говоришь? – вкрадчиво улыбнулся Макс...

– Ну, если у тебя есть что мне предложить? – Аленка изобразила на мордашке сомнения.

– Ох, Сан, – Макс усмехнулся – это отразилось в голосе, – ты такая зараза, что мне тебя хочется драть, не прекращая.

– Думаешь, устанешь это реализовывать? – Аленка отважно хихикнула, запрокидывая голову.

– Сейчас проверим, кто быстрее устанет, – опасно улыбнулся Макс.

В этом соревновании Аленка бы на себя не поставила. Но не поддразнить просто не могла. Это было ужасно извращенно – практически как ложиться в лапы к хищнику и умолять о том, чтобы он с тобой разделался, делать для этого все, что можешь, дразнить и искушать. Все, лишь бы он уже сожрал тебя целиком, без трепета, без церемоний – чтобы все, что есть в душе, все наслаждалось этой «предсмертной агонией».

– Давай уже, – выдохнула она, чуть привставая, сгребая

Макса за грудки рубашки и роняя его на себя – а себя на кровать.

На этом «предварительные пляски» закончились – антилопа подставилась, а гепард на неё набросился. Аленка же осталась без джинс гораздо быстрее, чем успела опомниться. Ей-богу, Макс с неё их так резко содрал, что было даже удивительно, как они не разлетелись в клочья. И все, «укрошение» случилось, и язвительная зараза, в миру известная, как Алена Андреевна Яковлева, превратилась в постанывающую, извивающуюся, изнемогающую от желания женщину.

Когда хотят описать безвыходное положение мужчины, говорят, что его «взяли за яйца». Аленку же с тем же результатом твердые беспощадные пальцы Макса прихватили за клитор, и все – ей стало ни до чего. Все, что она могла – только прикусывать губы Макса в голодном исступлении, да трепыхаться – потому что неподвижно лежать было невозможно, но всякое движение ничуть эту «пытку» не облегчало, лишь все сильнее раскаляло мир добела.

Было жарко, было чертовски жарко, и жажду, раздиравшую тело, можно было утолять только поцелуями, которые, черт побери, – ничего не утоляли, но без них было попросту невозможно. И внутри – каждая чертова складка, каждый миллиметр лона уже изнемогали от нетерпения. И пальцы Макса скользили по девичьим губам, уже маслянистым от смазки.

– Засадишь мне? – выдохнула Аленка в отчаянии, впива-

ьясь в плечи Макса, потому что казалось, что терпеть – сил нет. Она сейчас могла растопить айсберг, только уложив на него свою перегретую, раскаленную тушку.

– О да, – фыркнул Макс, – только добавим кое-что...

Он на пару мучительно долгих секунд отвлекся от Аленки, потянулся куда-то за пределы кровати, и Аленке оставалось лишь пытаться вывернуться из-под его жестоких пальцев, которые продолжали её мучить, впиваясь в набухший клитор. И от этого было восхитительно жарко. Аленке даже нравилось заводиться, нравилось хотеть именно Макса...

Что он хочет добавить, а? Вроде все было предельно ясно – ну по крайней мере Аленка была уверена, как именно её сегодня поймут – в конце концов, сама же на это настойчиво намекала. Была вполне не прочь попробовать и анальный секс – с этим конкретным мужчиной, который настолько сносил крышу. Раз уж даже обычный с Максом оказался настолько космическим, кто знает, может, и «необычный» произведет такое же впечатление? Тем более, что Аленка помнила – еще по общению в личке, – Макс-то этот вид утех весьма ценил.

Ожидания оправдались – Макс закончил там свою возню и провел скользкими от кремовой смазки пальцами по ягодицам – и от этого Аленка все-таки сжалась – как душой, так и телом.

– Ну-ну, сладкая моя, не бойся, – мягко шепнул Макс, а его руки продолжали творить непотребство.

Господи, ну вот, Яковлева, кто тебя тянул за язык, ну вот скажи?

Пальцы Макса – скользкие, но еще более нежные из-за лубриканта – осторожно толкнулись в задний проход, и Аленка ужасно хотела заорать. Если бы еще не было угрозы разбудить «императрицу»... Терпи, Яковлева, терпи, раз уж напросилась, тем более, что, бо-о-оже, какой же обдолбанный этот кайф... Звезды на темном небе выплясывали брейкданс и готовились устроить самый грандиозный звездопад, которого вселенная Аленки Яковлевой еще не видела.

Блин! Блин-блин-блин... Это было почти больно – но лишь почти, а еще это было... приятно, да... Странно, но, черт его раздери, приятно – и, наверное, только извращенцы бы кайфовали от того, что им осторожно, нежно, но все-таки довольно глубоко толкаются пальцами в анус, растягивая чувствительную дырочку, подготавливая её.

Нет, все-таки в сексе ужасно важны эмоции... Не будь такого совпадения в эмоциональном плане, не будь Аленка по уши влюблена в этого несносного экспериментатора – хрена с два она бы согласилась на подобные вещи. Но с ним... Ему – можно было все. Каждую ночь с ним хотелось врезать в память. И Аленка сама понимала, что так нельзя – мужика только спугнешь такой глубокой влюбленностью, граничащей с зависимостью. Ну, правда, разве мужик не был завоевателем? Разве ему не было принципиально важно покорять, желательно долго и упорно, и вот чем дольше и упор-

ней – тем лучше, тем крепче ты западала в его сердце. Ну, по крайней мере, Аленка слышала именно такую версию. Что она, мол, слишком легко сдается, слишком легко влюбляется. Потом разучила себя так влюбляться, так проваливаться, научилась видеть мужские недостатки, но вот тут – хрена с два, не было тех недостатков, и крыша съезжала так отчаянно и торопливо, что хотелось предъявить ей иск за такое предательство. Боже, только бы не надоест своей влюбленностью Максу раньше, хоть бы он не устал от неё, не пресытился Аленкой до конца её отпуска. Хотя бы полторы недели бы выдержать рядом с ним, потом хотя бы будет что вспомнить... Каждый момент с ним – такой вот острый и в то же время сладкий, раскаляющий с каждой секундой все сильнее. Аленка вцепилась зубами в плечо Макса – потому что это было нечестно, совершенно нечестно. Она тут изнемогла, а он над ней издевался.

– Милый, пожалуйста... – сорвалось с языка, – возьми меня...

Это была чертова ваниль, чертова банальность – но, слава богу, Макс на эту банальность оказалось плевать.

– С радостью, котенок, – голос Макса срывался от нетерпения, и это Аленке понравилось. Как же хорошо, что этот голод одолевал не только её. А, блин, что это?

Между ягодиц толкнулось что-то округлое, плотное... Пробка? Вот как Макс понял просьбу устроить приключения? Та-а-ак, отлично, вот это реально сюрприз – это обост-

рило предвкушение еще сильнее...

– Блин, – Аленка аж всхлипнула от ощущений. Пробка оказалась несколько тверже, чем пальцы, и даже с учетом того, что Аленку вроде как к этому подготовили – ощущение было все равно о-очень странное, сложное, многогранное.

– Больно? – встревоженно шепнул Макс.

– Н-нет, – выдохнула девушка, отчаянно пытаюсь привыкнуть к ощущению пробки в заднице, – туго...

– Это хорошо, – Макс усмехнулся и навалился на Аленку еще плотнее, опрокидывая её на спину, – сейчас будет еще туже.

Пробка вошла глубже, задевая столько чувствительных точек внутри, что уже от этого хотелось умереть. Но... это было рано. Это было слишком рано.

Потому что Макс, наконец, Аленке засадил. Медленно, неторопливо толкнулся членом внутрь раскаленного лона и... С губ Аленки сорвался рваный выдох. И весь мир превратился в один лишь звук «А», гулкий, острый, впивающийся в кожу, выворачивающий наизнанку. Никаких звуков, никаких криков, не разбудить бы, но... Внутри себя – можно, можно быть этой оглушительной «А». Протяжной. Раскатистой.

– Господи, Сан, – каждый хриплый выдох Макса – чертова награда. Каждый свидетельствует того, что ему с ней так же хорошо. Всякий прятался в копилку, чтобы потом послужить доказательством – не только Аленка умирала от удо-

вольствия со всяким толчком члена Макса внутрь нее. У Макса и так были такие размеры, что казалось – сильнее мужской член ощущать нельзя. Нет... Можно было... Вот сейчас, когда из-за пробки Аленка сжималась всем телом, ощущала член Макса как никогда до этого. И чувствительных точек внутри оказалось гораздо больше, чем казалось – и каждая, каждая сейчас заставляла Аленку внутренне содрогаться от острого, сладкого, слегка болезненного восторга. Даже орать силы не было, только дышать. Дышать и подаваться навстречу члену Макса. Еще, еще, Ольховский, давай еще!

20. Очень доброе утро

Будильник не имел ничего святого и не ведал милосердия. Да и вообще необходимость вылезать из-под одеяла угнетала Макса ужасно, когда под боком, свернувшись клубочком, как кошка, спала теплая девушка. И не простая девушка, а его личный наркотик, без дозы которого даже утро начинать не хотелось. Потянулся, сгрэб Аленку в охапку, притянул к себе, зарылся лицом в мягкие волосы. Ох, не зря будильник переводить не стал, ох не зря... Целый час есть до момента, когда вставать было бы уже поздно, и есть время на «утреннюю зарядку»...

– Ольховский, побойся бога, дай хоть пару часов поспать, – хихикнула уже проснувшаяся нахалка, стоило только нашарить ладонью её грудь и лишь слегка её стиснуть, и вполтину не так жадно, как хотелось бы.

«Дай поспать»... Ага, сейчас, дорогая, размечталась. Кто ж тебе даст спокойно лежать рядышком, дышать – и всячески искушать. Хочешь покоя – просто беги. Не с тем ты связалась. Хотя, если и попытаешься сбежать – Макс обожает играть в догонялки. Ну, если без злоупотребления и перебарщивания. Нет, ну бессовестная женщина, а! Между прочим, выдала эту фразу, самым бесстыжим образом прижимаясь попкой к самой стратегически уязвимой области мужского тела. И на Макса совершенно предсказуемо накатило еще сильнее, и в своих желаниях он еще крепче утвердился...

– Я вообще не религиозен, так что придумай более убедительный аргумент, – хмыкнул Макс, – можешь пощады попросить, я, может, и смилуюсь.

– Может? – вопреки собственной заявке Аленка в руках Макса вполне себе возбужденно выгибалась, прижимаясь к нему покрепче, – то есть я попрошу пощады, а ты можешь не смиловаться?

– Ну, это как будешь умолять... – шепнул Макс, ладонью раздвигая ноги Аленки, накрывая ладонью нежные девичьи лепестки. Все между ножек Сан уже пылало, и влаги с каждой секундой становилось все больше – а в груди Макса отчаянно рычал голодный зверь, требовавший навалиться на эту дурочку всем телом и отодрать, пока не успела пикнуть, не успела перехотеть. Впрочем... Аленка была не из тех экземпляров, что предпочитали сон хорошему бодрящему сексу.

Нет, она – тихонько судорожно дышала, прикусывая губки, от того лишь, как Макс сжимал одной ладонью мягкую грудку, а второй – дразня, легкими порхающими движениями касался нежного чувствительного девичьего местечка. Дышала, вздрагивала, елозила бедрами, заставляя член Макса все больше каменеть, а ему самому срывая с предохранителей последние гаечки. Вот ведь... Влип. И нет, даже «отлипнуть» не хотелось ни на секунду, хотелось – больше, влипнуть еще глубже, до того было вкусно находиться в этом сладком медовом плену.

– Ну что, начнешь умолять, нет? – вкрадчиво поинтересовался Макс, неторопливо погружая два пальца в мокрую дырочку – немного, всего лишь на одну фалангу. Чтобы еще сильнее раздражить. И получилось – девушка вильнула бедрами, пытаясь насадиться на его пальцы еще глубже.

– Да-а-а, – рвано выдохнула Аленка, – давай уже членом, умоляю.

Не то чтобы это было по плану... Но, раз его девочка просекла маленькую слабость Макса к такого рода «просьбам», то её следовало наградить за такую удивительную наблюдательность.

Она сама приподняла бедра, подставляясь поудобнее, Максиму осталось лишь подложить под животик подушку и уже навалиться на девушку всем телом, всей тяжестью, и вогнать член во влажную тугую девичью плоть. Неторопливо, наслаждаясь каждой тягучей сладостной секундой, каждым зву-

ком сдавленного стопа, сорвавшегося с губ Аленки.

Вообще-то она была огромная молодец. У неё хватало ума не кричать во весь голос, нет, но даже по тихим полузадушенным всхлипам, по ладоням, исступленно бивших по простыням всякий раз, когда Макс засаживал член в тело Аленки, доставая до самого бархатного чувствительного доньшка – по всему этому было ясно, что девушке нравится то, что с ней делают. Очень нравится. Очень-очень-очень... И зверь в груди Макса удовлетворенно урчал и требовал толкаться в эту сладкую тесную щель еще и еще, заставить Сан – его солнечную кошку – изнемогать под ним, биться в конвульсиях удовольствия, заставить её кончить, черт побери. Раз, два, десять – сколько ей понадобится, чтобы понять, что ей не нужен никто, кроме Макса?

Ох, смелое желание, самому бы дотянуть до её оргазма... Макс никогда не жаловался на собственную «стойкость», но с Аленкой почему-то каждый раз ощущал себя чертовым шестнадцатилетним задротящим девственником, кончающим чуть ли не от одного только вида голой женщины. Почему-то каждую секунду соития с Сан – оргазм стучался в виски, и удерживать его удавалось лишь общей неторопливостью, да дыхательными упражнениями... Держись, Ольховский, держись, кажется, она наконец кончает – да-а-а, теперь можно... Можно отпустить вожжи... И упасть на Аленку, прижимаясь собственной грудью к спине девушки. Ох, Сан... Сумасшедшее жаркое солнце... До чего же ты хо-

роша, сладкая...

Она лежала под ним тихонько, тяжело дыша и жмурясь.

– Останусь вашей простыней навечно, милорд, – тихонько шепнула Аленка, а Макс фыркнул. Их словечки... Те, что придавали общению теплый, коричный привкус близости. У него были прозвища для неё, у неё – для него. Он знал, как можно раздражить Сан – она могла завести его с пол-оборота. А Макс иной раз чувствовал, что слишком легко ведется на это её кокетство, но... но перестать вестись не получалось.

– Оставайся со мной навечно собой, солнечная, – выдохнул Макс, скатываясь с Аленки. Блин, нет, наверное, рановато он забросил эту удочку, но оно как-то само сорвалось. Ладно, если что, потом можно будет прикинуться, что это было не всерьез – если она сейчас напугается и начнет ползать по кровати в поисках своих трусов для торопливого побега.

Нет. Не начала. Кажется, попросту сама не восприняла всерьез, черт возьми. Просто перекатилась на другой бок, глянула своими смеющимися бесстыжими глазами Макс у в лицо.

– Презервативов не хватит на «навечно», – фыркнула и с тихим вздохом снова растянулась на простыне, мечтательно глядя в потолок. Такая красивая – слегка утомленная, с выражением глубокого удовлетворения на лице... Аж сердце заныло – глупое, его так легко оказалось приручить, а уж как Макс ерепенился, сколько думал, что его не возьмешь вот

так просто... Ох, еще бы с Лизой у Сан срослось, потому что если нет – тут даже глубокие чувства самого Макса ситуацию не спасут. Дочь-то он из своей жизни не мог вычеркнуть ни в коем случае... Ну, она-то не виновата, что Макс с выбором мамы для Лизы некогда очень сильно пролетел... Выбрал, мать её, кукушку, без какой-либо ответственности...

– Ну, пока что хватит, а там – разберемся, – откликнулся Макс на реплику о презервативах и бросил взгляд на часы. Будильник показал, что вопреки ощущениям Макса – Аленку он жарил вовсе не пару минут, а вполне себе три четверти часа, и что вообще-то некоторым уже пора отрывать свою пятую точку от кровати. Тем более что хозяином тут был он, и это не Сан должна была вскакивать, чтобы радушно приготовить гостю завтрак. Она свой утренний «реверанс» уже сделала...

– Поваляйся еще, я скоро, – Макс выпутался из одеяла. Аленка же облегченно улыбнулась – ей встать явно не хотелось – и молча уставилась на одевающегося Макса. Он сроду не чувствовал, чтобы его раздевали взглядом, обычно девушки как-то менее визировали собственную заинтересованность, а тут... взгляд был практически голодный. И от этого зверь в груди утробно рычал и намекал, что он вообще-то совсем чуть-чуть устал, а мог бы и посильнее... поднапрячься.

– Ты охренительный, ты в курсе? – в голосе девушки сквозило искреннее восхищение.

– Спасибо, я знаю! – самодовольно осклабился Макс и рассмеялся. – Правда, спасибо, солнечная, от тебя – приятно слышать.

– От меня? – бровки у Аленки заинтересованно дрогнули.

– От тебя, от тебя, – Макс усмехнулся, выудил из шкафа футболку подлиннее и кинул её Аленке. А затем – затем пришло время для того, чтобы заниматься типичными утренними делами.

Как включил кофеварку – заглянул к Лизе. Девочка уже не спала, и это было не удивительно – в рамках подготовки к школе они с начала лета вставали в восемь. У Лизы был свой будильник, и она по нему просыпалась. Сразу вставать было не обязательно, но порисовать или почитать никто не мешал. Впрочем, сейчас Лиза просто валялась в кровати, устроив у себя на одеяле кошачье чаепитие.

– Доброе утро, зайка, – Макс улыбнулся дочери.

– Привет, папочка, – с достоинством истинной леди Лиза качнула подбородком.

Мак прошел в комнату, сел в изножье кровати.

– Кто сегодня у кого в гостях? – поинтересовался, глядя на собравшихся в кружок плюшевых кошек.

– У них ба-а-ал, – протянула мечтательно девочка, – королевский, папа, ты что, не видишь?

– Ох, простите, ваша светлость, сразу и не понял, что вы сегодня в бальной пижаме, – Макс невесомо коснулся Лизи-

ного светлого затылка, – зайка, ты помнишь, о чем я тебя вчера просил?

Мордашка у Лизы сразу поскуучнела. И губки сразу скривились, складываясь в плаксивую гримасу.

– Пап, может, не надо? – дрожащим трагичным голосом поинтересовалась Лизавета, и Макс чудом не усмехнулся. И когда успел воспитать артистку?

– Зайка, а как мы с тобой заведем новых друзей в таком случае?

– Она – твой друг, – недовольно буркнула девочка, скрепящая ручки на груди, – не мой.

– Ну, это пока что, – Макс постарался говорить непреклонно, – Лизочек, дай Алене шанс. Она – хорошая.

Она – замечательная. Но Лиза, скорей всего, на слово не поверит. Значит, придется доказывать на практике. Ох, Сан, прости за такие идиотские методы... Ничего эффективнее Макс не придумал...

– Валя – лучше, – непреклонно выдала девочка, – Валя – уже мой друг. А эта тетя...

– Алена, Лиза, не тетя ни в коем случае, – Макс нахмурился, давая понять дочери, что недоволен её поведением. Лиза скуксилась, сморщилась, явно пытаясь выбить поблажку, но продержалась она под суровым отцовским взглядом недолго.

– Ла-а-адно, – сдалась Лиза.

– Посидишь с ней?

– Да.

– Не забоишься?

– Нет, – вот тут на отца Лиза глянула исподлобья, взглядом договаривая: «За кого ты меня принимаешь, папа, за трусиху?»

– И веди себя хорошо, – попросил Макс. Уж он-то знал, что его дочь любит почудить хорошо и качественно, непривычный человек мог и охреть, – если что, можешь мне позвонить. Я приеду. Только давай, чтоб не зря, как в прошлый раз. Только если реально что-то случится.

– Хорошо, – мирно кивнула Лиза. И это было ужасно подозрительно, но, увы, – Максиму было придаться не к чему. И это было слишком жестоко – бросать Аленку Лизе на расправу, но иного способа понять, смогут ли эти две женщины поладить – Макс не придумал. Господи, только бы обошлось, а... Так, ладно, одну женщину Макс уже уговорил на «сюрприз». Осталось уговорить вторую. И в отличие от первой – Аленка-то еще была не в курсе, что за сюрприз её ждет...

21. Западня господина Ольховского

– Макс, скажи мне, что ты куришь? – мягко поинтересовалась Аленка. Она сидела на кухне, в одной только Максовой футболке и смотрела, как он, стоя напротив зеркала в коридоре, завязывает галстук.

– Виагру, три раза в день, – Макс усмехнулся, не прекращая возни. Двойной виндзорский узел – на меньшее его чувство прекрасного было не согласно. Выпендриваться – так

выпендриваться.

– Макс, ты серьезно вообще?

– Ну, Сан... – Макс глянул на Аленку с улыбкой очаровательного шалопая. – Полдня всего! Я буду сразу после обеда. Мне только макеты рекламные разгрести.

– Ну серьезно, Ольховский... – Аленка прагматично вздохнула, – ты понимаешь, что я твоей дочери абсолютно левая тетка? Даже не няня.

Вот в этом-то и был весь смысл, чтобы быть друг другу вы обе перестали. Что произойдет в противном случае – Макс старался не думать.

– Я Лизу уже предупредил, что до обеда с ней посидишь ты. – спокойно возразил он, – Она обещала, что будет слушаться.

– Ага, а потом будет видеть кошмары со мной в главной роли?

– Ты её заживо жрать, что ли, собираешься? – Макс рассмехался. – Не перебарщивай, солнышко, все будет хорошо. Покорми – и последи, чтобы из окна не выпрыгнула. Все. Справишься?

– У меня вопрос, чего ты добиваешься? – Аленка вздохнула и уставилась Максиму прямо в глаза. – И неужели ты уверен, что оно того стоит.

Макс повернулся, шагнул к Аленке и присел, заглядывая в её лицо. Он не ожидал именно такого вопроса. Она слишком просто поняла его цель.

Оставить их вдвоем на полдня. Немного, чтобы устроить девочке сильный стресс, но достаточно для того, чтобы «волна и камень» сошлись. Столкнуть лоб в лоб, обозначить самые острые точки соприкосновения.

И Аленка вдруг как-то напряглась сразу, погрустнела, задумавшись о чем-то. Она настолько не хотела ничего серьезного? И глаза у неё сейчас были на редкость тревожные.

Пальцы Ольховского осторожно сжали Аленкину ладонь.
– Я могу показаться идиотом, – осторожно произнес Макс, – но да, я верю, что стоит...

– Ох, Макс, ты не кажешься идиотом, ты он и есть, – Аленка недоверчиво встряхнулась, пытаясь сбросить с себя какую-то заторможенность.

Улыбка у Макса вышла не очень-то веселая, но он уткнулся Аленке носом в голые коленки, пряча её.

– Знаешь, вот если все вот так, – Аленка вздохнула, – значит нам просто необходимо поговорить.

– Я уж думал, ты не предложишь, – тихонько фыркнул Макс, по-прежнему глядя на Аленку снизу вверх.

– Я не думала, что... – Аленка оборвала себя на полуслове.

Не думала что? Не думала об отношениях? Что все может быть вот так? Все-таки – значит ли он для неё хоть чуточку больше чем просто любовник на пару недель? От этих мыслей хотелось только удавиться.

Макс-то очень хотел попробовать что-то большее, чем то,

что между ними уже было. И чувствовал он себя лихорадочно цепляющимся за соломинку, пытающимся заинтересовать своим ребенком любимую девушку. Это ведь было ни в какие ворота. Он должен был действовать иными методами. Еще бы было время... И хоть какой-то шанс, что Аленке вообще захочется впрягаться в его проблемы.

– А что мне за это будет? – Санни прищурилась. – Ну, кроме ценного и очень лестного опыта побыть в фаворе у императрицы, хотя это я размечталась, конечно...

– А что ты хочешь? – Макс мягко улыбнулся, выпрямился и мимолетно мазнул пальцами по Аленкиной скуле. Нет, конечно его инкогнито несколько сокращало список его возможностей, но все-таки, что могла попросить любовница за полдня замены няни? Уж в ресторан-то он её сводит... И обратно к себе домой отведет тоже.

– Ну-у-у, – Аленка пожала плечами, – вообще-то я хочу вечером на выставку одну сходить... С тобой, да.

Неожиданно.

– Что за выставка? – с интересом спросил Макс. Аленка порхнула с табуретки, метнулась в прихожую к оставленной там сумке и вытащила оттуда заветные билетки.

Макс на них уставился задумчиво. А через пять минут захотел зажмуриться и развидеть. Ну не могло такого быть. Не могло! Кто вообще дал Солнечной эти билеты?

– Что за фотограф, ты знаешь? – протянул он, разглядывая прямоугольнички.

– Неа, мне билеты случайно достались, – Аленка фыркнула, – а что, принципиально?

Вообще-то да. Это было очень принципиально и очень знаково. Потому что вот именно Макс этого фотографа знал. Очень-очень хорошо!

– Местами, – насколько мог туманно отозвался Макс, – Солнечная, если позволишь, я прогулгу эту выставку и тебе скажу, смогу ли я пойти с тобой или нет.

Это был большой риск разоблачения. Потому что Макс в своей среде был хорошо известен, и публичное мероприятие грозило вскрыть его карты перед Санни намного раньше. А он этого не хотел меньше всего.

Разочарование отразилось на Аленкином лице, потому что Макс слегка виновато улыбнулся, качнулся вперед, осторожно обнимая Аленку за плечи, прижимаясь лбом к её лбу.

– Я все равно весь вечер проведу с тобой, – пообещал он, – и мы поговорим, обязательно. Договорились, Сан?

– А Лиза?

– Ну, я думаю, что она сможет, если что, с Валентиной посидеть, – фыркнул Макс. – Если ты дотянешь до обеда. Ты же дотянешь?

Аленка вздохнула.

– Я надеюсь, что мне не придется тебя пытаться, чтобы выведать пароли, явки, возможные аллергены и чем госпожу императрицу приоритетно кормить, – произнесла девушка, признавая свою капитуляцию.

22. Войну объявляют без предупреждения

– Доброе утро, Лиза.

Это Аленка произнесла искренне, после того как, посту- чавшись, сунула голову в Лизину комнату. Нужно сказать, и тут не было переизбытка розового, которым обычно ката- строфически перегружают девчончьи комнаты. Но комната у девочки была и просторной, и уютной. И да – девичьей. Цветовая палитра была выбрана в нежных, пастельных от- тенках. С вниманием к деталям. Не было завала мягких иг- рушек, как было у той же Анюты, но на некоторых полочках сидели – тут Минни Маус, там какой-нибудь зайчонок.

– Здравсьте, – неохотно выдавила Лиза, поднимая лицо от возни с плюшевыми кошками на одеяле.

– Ты на завтрак что будешь? – это был очень осторожный вопрос. Практически саперский. Потому что именно тут Ли- за могла и подложить первую мину. Известная детская так- тика «Скажу одно – потом передумаю». Хотя... Ладно, тут Аленка тоже могла кое-чем ответить. В конце концов, после закидонов Нюты Аленка могла укротить даже самого люто- го пищевого привереду. Если он, конечно, не пересек воз- растную черту шестнадцати лет. В шестнадцать Нютка упо- ролась и начала себе готовить сама. Добби-Аленка получил свой носок...

– Какао, – тоном истинной императрицы отозвалась Ли- за, – и бутерброд.

– Ну, какой же это завтрак, Лиза? – нет, Аленка не рас-

смеялась, хотя очень хотелось. Ей не хотелось включать режим «я обиделась и со своего не сдвинусь».

– Вкусный! – отрезала Лиза, глядя на Аленку исподлобья.

– Что ж, ладно, если ты хочешь бутерброд, будет тебе бутерброд, – Аленка кивнула, примерно припоминая содержимое холодильника, который уже успела предварительно проинспектировать, – но только если перед ним будет каша.

– Не люблю кашу, – Лиза презрительно сморщила нос, – она противная.

– Ну, так ты мою кашу и не пробовала, – Аленка фыркнула.

– Каша – это каша, – тоном знатока вывела Лиза, – она всегда одинаковая.

– Спорим, что нет, – Аленка прищурилась, – если я приготовлю такую кашу, какой ты еще не пробовала – ты её хотя бы попробуешь. Есть – не заставлю, если сама не захочешь.

– Ну, давай, – снисходительно откликнулась Лиза, явно предполагая ловушку «что даже если и да – то можно же сказать, что такое госпожа императрица уже видела, и враг будет повержен». Но и этот ход Аленка знала, как перекрыть.

– Если зубы почистишь и переоденешься – можно будет готовить со мной, – улыбнулась девушка. Насколько она знала шестилетних детей – если они, конечно, не были наглухо отбитыми изначально, – они обожали возиться на кухне с продуктами. Ну, Нюта обожала, да и племянник Темыча, когда тот притаскивал его Аленке, тоже вечно лез под руки

во время готовки. И Аленка предпочитала эксплуатировать детский труд в своих интересах – и в разумных дозах, нежели тыщу раз помянуть черта, отгоняя вездесущих деточек от кастрюли с тем же блинным тестом.

Лиза глянула на Аленку с непониманием.

– Мне же нельзя готовить, я же маленькая, – тоном «это же неприемлемо» сообщила она.

– Да ладно, – Аленка оглядела Лизу с головы до ног, – где же ты маленькая? Вполне взрослая. Хотя если ты боишься...

– Ничего я не боюсь, – вскинулась Лиза, закусывая наживку.

– Я так сразу и подумала, – Аленка улыбнулась, – так что, пойдешь умываться?

Лиза посмотрела на Аленку испытующе. Будто взвешивала, стоит ли вестись на эту всю волокиту. И может, стоит объявить Аленке бойкот и не вылезать из-под одеяла до обеда. Для Аленки это был бы крах, но... Любопытство все-таки победило.

– Пойду, – буркнула Лиза и с мученическим вздохом отбросила с коленок одеяло. Страдать страдает – но только на показ, так-то в выражении лица четко читалось любопытство. До готовки девочку явно раньше не допускали. В этом плане Аленка убивала сразу двух зайцев, выдавала Лизе интересное развлечение, и сама выманивала Лизу из её убежища, чтобы она была на глазах. Вот если бы Лиза шебуршилась тихонько у себя – вот тут паранойя Аленки бы шевели-

лась бы очень активно, и пришлось бы разрываться между кашей и «миной замедленного действия».

После умывания Лиза из комнаты вышла во вполне домашнем платице с Минни Маус на груди. Либо девочка любила Минни, либо это просто так совпало.

– Садись – причешу, – Аленка пододвинула табуретку поудобнее. Анюта тоже лет до десяти нормально причесаться не могла.

– Колосок заплетешь? – вкрадчиво поинтересовалась Лиза. Ну да, косички и дурак сможет, колосок – это посложнее будет.

– А ты принесешь расческу? – ухмыльнулась Аленка. Нет, все-таки есть польза от наличия младших сестер. По крайней мере, балованную, любимую мамой Нюту Аленка в свое время научилась расчесывать и заплетать так, чтобы эта принцесса не ныла, что ее дергают за волосы. И это был крайне ценный опыт – как оказалось.

Волосы у Лизы действительно были шикарные, легкие, гладкие, длиной аж до копчика. И в колосок ложились хорошо, не топорщились как у одуванчика (и как у Аленки). Нет, конечно, это был не очень крепкий колосок. Такой, чтобы крепко, нужно было плести так, чтобы ребенок пищал – волосы нужно было натягивать сильно, так, чтобы натягивать скальп. Но этот вариант вполне мог выдержать пару часов активной игры, а там – и переплести можно. Тем более что активных планов у Аленки особо и не было. Так – позавтра-

кать, а там «что-нибудь придумать».

– Ну как, нравится? – мягко поинтересовалась Аленка, когда Лиза завертелась перед зеркалом, рассматривая косу со всех сторон. – Если есть заколки – можно еще и украсить.

– Сойдет, – не желая признавать поражение, будто слегка свысока подвела итог Лиза. Но она была довольна, и это было главное.

Заколки были. Такие клеевые заколки с бабочками, на тонких пружинящих крыльях. Ими удалось подобрать челку. Ох, девочка была... клевая. Прямо такой характерно «славянской наружности», хоть сейчас на какую-нибудь патристическую съемку в стиле «а-ля рус» отправляй. Ангелочек, а не девчонка. Еще бы улыбалась почаще – букой она смотрелась слегка забавно.

– Ты точно бутерброд будешь? – поинтересовалась Аленка. – То есть с кексами мне возиться не нужно, да?

Акценты она расставила верно – то ли Лиза среагировала на слово «возиться», решив не облегчать Аленке задачу её императорского удовлетворения, то ли кексы оказались заманчивей бутерброда.

– Кексы? Хочу! – кратко заявила Лиза.

Честно говоря, Аленка все равно замышляла коварный план по приготовлению бутерброда не с хлебом – а с овсяным хлебцем, крем-сыром и ягодами черники, благо все это в холодильнике имелось. В конце концов, ей реально хотелось удивить – а потом с гордостью отчитаться Максиму, что

его дочь накормлена не чем попало. Но «план Б» не пригодился.

– Ты-то помогать будешь? – лукаво поинтересовалась Аленка. – Или ты уже умеешь готовить кексы?

– Не умею, – грустно сообщила Лиза. Нет, все-таки идея занять её чем-то, помимо обдумывания коварных планов, оправдывалась. Оглушенная Аленкиным напором Лиза, кажется, потихоньку убирала колючки. Это была еще не окончательная победа, до неё еще было далеко. Но все-таки сейчас, кажется, в её отношении к Аленке наметилось потепление.

– Ну, тогда самое время научиться, – Аленка широко улыбнулась, – представь, папа придет – а у нас тут кексы. Которые ты готовила. Разве не круто?

Видимо, Лизе крыть было нечем. Да и вообще, ей, как бы она ни шифровалась, – было интересно. Она с любопытством смотрела на Аленку, которая достала из кухонного шкафчика не одну банку с крупой, а с четырьмя.

– И какую ты кашу будешь варить? – поинтересовалась она, разглядывая банку с кукурузными хлопьями. – Овсяную или эту?

– Кашу «Дружба», – спокойно откликнулась Аленка, – я ж хочу с тобой подружиться.

Лиза глянула на Аленку слегка самодовольно. Типа «я тебе не по зубам». Ну ладно, госпожа императрица, Аленка и не говорила, что решит все проблемы с тобой одним ма-

новением пальца. Ни с кем нельзя было подружиться легко. Но пока что ничего критически катастрофического не случилось.

– Это будет жуткая бурда, – не выдержала Лиза, когда Аленка добавила к уже засыпанному самой девочкой в кастрюльку с молоком овсяным и кукурузным хлопьям еще и столовую ложку пшенной.

– Значит, ты такую кашу не пробовала, – Аленка прищурилась, – ну, я тебя есть не заставлю же, я же обещала. Ты должна только попробовать.

– Ладно, попробую, но если я этой бурдой отравлюсь – тебе от папы влетит, – предостерегающе заметила Лиза.

– Ну, если отравишься... – Аленка тяжело вздохнула, показывая, что это будет самый ужасный вариант. – Значит – я заслужу наказание, да?

Нет, она могла бы сказать, что вообще не в её интересах было разочаровывать Лизиного папу. Но этим она формально могла дать Лизе карт-бланш на капризы. А сама себе Аленка пока еще была не враг.

Лизе действительно было интересно. И пока ей было интересно – она слушалась. Не совала пальцы в миксер, давала Аленке самой включить миксер в розетку – для того, чтобы самой нажать на кнопку включения, не лезла к духовке. Зато с удовольствием обтирала на терке для лимона цедру, намазывала маслом формочки для кексов, явно радуясь возможностям пальцами вляпаться в масло, втыкала свежие черни-

чины в крем-сыр, которым они намазали верхушки кексов для украшения. Особенно девочке понравилось молоть орехи в кофемолке.

Кухня у Макса была отличная. Мало того что просторная, квартира явно была не старого жилфонда, здесь была отличная планировка, так еще и хорошо оборудованная. По крайней мере Аленка здесь нашла и мультиварку, и кофемолку, и соковыжималку, и миксер. В общем, кулинарно извращаться тут можно было без ограничений. Даже бумажные формочки для кексов были, и противень для них же.

– Папа сам умеет кексы печь? – уточнила Аленка, когда нашла убранный в шкафчик противень. Если да, то козырь с умением готовить можно было сбрасывать со счетов... Мужчина, который умеет готовить кексы, – умеет готовить все.

– Неа, – протянула Лиза, медитируя на миксер, взбивающий яичные белки. Так. Отлегло. Слегка.

– Валя умеет? – осторожно поинтересовалась Аленка. Если учесть симпатию няни к Максусу, и симпатию Лизы к няне – это был рискованный вопрос. Но все же... Нужно было знать, с чем соперничаешь. Не за Макса, но за Лизу.

– Валя не готовит, она же моя няня, – Лиза глянула на Аленку как на дурочку, – она со мной занимается и играет.

– Ясно, – Аленка зашла со своим сыском в тупик. Видимо, это все осталось от Лизиной мамы, о ней с девочкой говорить точно не стоило. Но бумажные формочки казались купленными недавно...

В одном из шкафчиков нашелся пакетик с мармеладными мишками, и их Аленка тоже пустила в дело – «утопила» в каше, уже разложенной по тарелкам. «Спасательная миссия» была воспринята отлично, вылавливая медвежат из тарелки, Лиза вычерпала половину порции каши, а потом увлеклась «бурдой» и незаметно доела до конца.

Кексы – лимонные, с черникой и крем-сыром Лизе тоже понравились. Ну еще бы. Все равно с магазинной ерундой они и рядом не стояли. Поэтому папе повезло, что Лиза ему оставила целых два кекса. Вообще-то она на них поглядывала, явно искушаясь, но аргумент «а как же ты папе похвастаешься» сработал на ура.

– Гулять пойдем? – поинтересовалась Аленка, когда Лиза уже добивала свою чашку какао.

Это была слегка опасная идея, местные дворы, если что, Аленка знала плохо, но она была уверена, что сможет уследить за одним ребенком. А площадка во дворе была хорошая. На одной только горке с кучей всяких лесенок можно было потерять час времени. А если довести Лизу до качелей – то там опасность вообще сойдет на нет. С качелей любому ребенку очень сложно взять и слезть – обычно они слишком кайфуют, чтобы кому-нибудь уступить свое место, а падают с них только очень невезучие люди.

– Пойдем. Я только переоденусь, – мирно согласилась Лиза, и Аленка лишний раз подумала, что зря вообще напрягалась. Девочка была не настолько враждебная, как ей пока-

залось.

Ох, зря Аленка расслабилась, ох, зря... Госпожа императрица, конечно, притихла на время приготовления и поедания завтрака, но она совершенно точно не сдалась. Причем не сдалась она, судя по всему, изначально, вынашивая свой план мести едва ли не с самого своего визита в ванную. Как Аленка это поняла? Очень просто.

Джинсы – её замытые еще вчера от мороженого джинсы, оставленные на стиральной машине, чтобы просохнуть – из ванной пропали бесследно. И Аленка, сначала решившая, что у неё обострился маляк, и что она не помнит, куда в перерыве между Максом и Максом кинула свои многострадальные штаны, сначала обшарила спальню – а потом и ванную. Только потом, поняв, что Лиза что-то подозрительно затихла и как-то уж слишком долго переодевается на прогулку, – заглянула в детскую. И тут же увидела свои джинсы.

Они, как какая-то оккультная жертва, были разложены на коврике. На милом детском коврике с какими-то пони, и Лиза сидела над ними с видом акулы-убийцы. Вокруг неё были разложены краски, в зубах девочка, будто ниндзя – нож, зажимала кисточку. Над коленом джинс же уже распускался ярко-желтый цветок. Ну, капец.

– Лиза, ну кто так делает, а? – услышала Аленка собственный возмущенный голос...

23. Обрати силу врага своего против него самого

В лице обернувшейся к Аленке Лизы сиял триумф.

«Враг повержен – враг вот-вот начнет отступление».

– Ну, кто так делает? – насмешливо, даже не думая скрывать тон, поинтересовалась Аленка, шагая к Лизе и приседая рядом. – Это ж не акрил. Отстирается же.

Лиза открыла рот. И зависла. Аленка же подняла с пола баночку краски и принялась. Да, точно – гуашь. Ну, это несерьезно. Аленка скептически усмехнулась. А они с Нютой кандидата в отчимы выживали куда более изощренно. По крайней мере, его штаны от суперклея отстирать не удалось... И от стула отлепить тоже – так и выкидывали их вместе, как двух неразлучных, переплетенных в последнем акте страсти, любовников. Правда, Борис Леонидович тогда на это смотрел с иронией. Он-то понимал, что это такое, когда на своей территории вдруг появляется чужак. Хотя конечно, нервов Аленка с Нютой ему в свое время подпортили изрядно.

– А что такое акрил? – пискнула Лиза, явно пытаясь понять, что ей делать. Она явно ожидала, что Аленка выйдет из себя. И что? Рванет на спасение многострадальных джинс, наорет, расплачется? Позвонит Максиму в истерике, что «с этим чудовищем не сможет находиться больше ни секунды». Ой, слабо, Лиза, ой, слабо...

– Акрил – это краски такие, они не смываются во время стирки, – Аленка глянула на девочку и поднялась, – переоденься уже, пойдем – найдем тебе идеальное оружие.

– Что-что найдем?

Блин, Яковлева, ты говоришь с ребенком. А не с писательским форумчанином, который понимает и метафоры, и гиперболы.

– Купим тебе акриловые краски, – пояснила Аленка, – раз уж ты решила сделать моим джинсам эксклюзивный дизайн...

Вряд ли Лиза поняла слово «эксклюзивный», но она точно поняла слово «дизайн». Но все еще не понимала, что происходит.

– Ну, идем уже, идем, – заторопила Аленка. В конце концов, чего тупить-то? Противник был оглушен, его надо было брать тепленьким. Желтый цветок Аленка даже с джинс смывать не стала – благо Лиза не особенно мочила кисточку в воде. Ткань была влажная, но не насквозь.

Нет, была бы смена джинс – Аленка бы не пошла на уступку, но и тут ход был больше внешнеполитический. Она могла без палева выйти из дому с цветком даже не на штанах – а на лбу. И все это – не убирая с лица улыбки «все, как надо, и даже лучше». И пусть Лиза это поймет и сразу капитулирует в подобных методах своей «войны».

Лиза растерялась. Это ощущалось – и в том, насколько суетливо она переодевалась, и вообще в ней, какой-то слегка пришибленной. Это что же за фифы ей попадались, которые впали бы в истерику от такой ерунды?

Хотя... Если фифа была, как Макс вчера говорил, – «с дизайнерскими шмотками», – то тогда понятно. И бедная Ли-

за, которая об такое чудовище травмировалась. Еще бы понять, как бабу с эксклюзивными дизайнерскими шмотками занесло, собственно, к Максусу. Хотя... Почему бы и нет – с его-то киношной улыбкой...

Слава поисковикам и современной помешанности на handmade-хобби – магазин товаров для творчества нашелся буквально на углу. И тут тебе было все – и акрил-металлик, и с блестками, и для батика, и даже обычные акриловые краски тут тоже нашлись. Аленка прихватила за компанию и пару белых футболок, а под шумок – когда Лиза выбирала, собственно, чем будет истязать Аленкины джинсы, – кинула в корзину и коробку с аквагримом. Будет тебе месть, госпожа императрица, даже не сомневайся...

– Ты мне правда дашь на джинсах порисовать? – наконец выдала Лиза, когда они уже почти подошли к дому.

– Дам, – фыркнула Аленка. – Почему нет? У меня зверски скучные джинсы.

Лиза растерянно смотрела перед собой. Кажется, ситуация её выбивала из колеи. И это было хорошо.

– Да не надо, – наконец выдала она. Ой, божечки, кажется, кто-то решил отступить? Ну уж нет, Аленка уже настроилась на оригинальный сувенир из отпуска. Это вам не тухлый унылый магнитик из Адлера.

– Слабо? – нахально поинтересовалась Аленка, пока Лиза тыкала пальцем в кнопку вызова лифта. – Устанешь все джинсы-то расписывать?

– Ничего я не устану, – Лиза клюнула и на это. Ну, конечно. Хочется же, но колется. Все-таки сделать подянку – оно вроде как и правильно, вроде как и легко. А тут все-таки совесть чешется, что вообще-то к тебе по-хорошему, а ты...

– Ну вот, тебе самая сложная работа. Превратить мои унылые джинсы во что-то красивое. А я рисовать не умею, поэтому я просто посуду помою.

– А футболки ты зачем взяла? – поинтересовалась Лиза, продемонстрировав чудеса наблюдательности.

– Это если ты на джинсах останавливаться не захочешь... – улыбнулась Аленка.

И Лиза не захотела, да... Пока она колдовала над шмотками – Аленка успела не только посуду вымыть, но и запеканку в духовку запихнуть.

Джинсы вышли – просто мозговывносительные. Но отмазка «ни хрена вы не понимаете в современной моде» работала всегда. И было в этом что-то необъяснимо очаровательное – в этих наивных детских цветочках, в неказистых толстеньких птичках и большеглазых мордочках кошек, в солнышках на задних карманах штанов. Ну а что, картины с детскими рисунками кто-то уже за десятки тысяч долларов продавал, теперь настала очередь для детского эксклюзивного дизайна штанов.

– Это осьминог?

– Это сова! – возмущенно пояснила Лиза, и все сразу стало понятно. Аленка поняла, что умиленно улыбается, рас-

смаатривая собственные разрисованные штаны. О, кстати, пятна от мороженого теперь видно не было, это тоже был плюс.

Футболки, кстати, тоже получились. Вполне себе приятные детские рисунки, травка внизу, небо вверху, солнце с улыбкой, домик, и типичный треугольник «мама-папа-я». Хех. Морозится, морозится, но в маме по-прежнему нуждается... И до того от этой мысли Аленке захотелось Лизу обнять, что аж в душе защемило. Нет, наверное, рановато. Но погладить по голове можно же? Не шарахнется поди от этого? И да, ты тут не мама, Яковлева, не забывай! Девочка мечтает совсем не о тебе.

Не шарахнулась.

– Отлично вышло, котенок, – ласково заметила Аленка, – теперь осталось просушить, прогладить и оно точно не отстирается. Ты краски убрала?

Лиза кивнула. Нет, все-таки воспитывали её правильно: поиграл – убери за собой.

– Ну, тогда иди – мой лапы, и попьём чаю, – Аленка подмигнула девочке.

Хорошо быть непредсказуемой. По-хорошему непредсказуемой. Вот сейчас Аленка была довольна тем, как в итоге срезала Лизу. Нет, конечно, этого еще мало, но уже достаточно, чтобы сама Лиза подумала, что может, все-таки стоит обойтись без войны? Примерно также когда-то Борис Леонидович срезал саму Аленку, застав её за самопальным из-

готовлением удочки из обычной ивовой ветки и его, Бориса Леонидовича, снастей. Позже, узнав стоимость тех снастей, Аленка прониклась к отчиму еще большим уважением – потому что он не только не наорал и не сдал Аленку маме, но и прихватив её в охапку, закинул в машину и отвез на рыбалку. С заводи Аленка тогда вернулась покусанная комарами, но ликующая – ей же дали спиннинг в руках подержать, и она даже рыбу на него поймала...

– Мы гулять не пойдём, да? – виновато поинтересовалась Лиза, уткнувшись носом в чашку и неловко ковыряя пальцем печенье.

– Котенок, у меня запеканка в духовке, – Аленка развела руками, – и без штанов на улицу я, увы, выйти не смогу. Я написала твоему папе, чтобы он мне хоть какие-то джинсы по дороге на обед купил, но до той поры – посидим дома. Можем порисовать, хочешь?

Сама Аленка в свое время рисовать могла хоть с утра и до вечера, и портя при этом огромное количество бумаги. Лизу же идея не очень вдохновила – она замотала головой. Кажется, кто-то урисовался акрилом по самое не хочу.

– А полепить?

– Пластилин у меня кончился, – как истинная хозяйка своего королевства тут же заявила Лиза.

– Если есть желание – разве отсутствие пластилина помеха?

Фиг его знает, что было в голове у Валентины, но судя по

всему – экологичностью материалов, используемых при играх с ребенком, она не парилась. А, ну да – не свое же дитяtko, можно не запариваться. Это Аленкина мамап долгое время упарывалась, и Аленка с Нютой лепили только из соленого теста. Ну, зато они всегда знали, что два стакана муки могут обеспечить тебя лепочным материалом на целый день, знай только краску подмешивай и следи, чтоб тесто не засохло. Сколько бус из соленого теста тогда было сделано – хоть магазин крафтовой бижутерии открывай.

Ничего нет проще того, чтобы найти пустую коробку из-под конфет (ну ладно, почти пустую, но Лиза с Аленкой вместе пришли к мысли, что ради искусства – можно и фигурой слегка пожертвовать) и на её основе начать лепить какую-нибудь ерунду. Например, чеширского улыбающегося котика – к слову, рассказ «кто это такой» Аленке пришлось осуществлять самой. Дословно она Кэррола не помнила, пересказ Алисы был весьма вольным, но Лиза все равно недовольно ворчала, когда Аленка в своей болтовне прерывалась.

Ей-богу, Аленка себя чувствовала супергероиней. Выкрутилась, она выкрутилась. И Лиза, кажется, слегка оттаяла. Хоть на Аленку временами зыркала и с опаской, но все равно личико девочки не было таким напряженным, как утром. И может, кто-то скажет, что это Аленка легко отделалась – а ее, между прочим, еще утром потряхивало так, как перед защитой диплома не потряхивало. Нет, все-таки хорошо – ужасно приятно было наблюдать на сосредоточенном личи-

ке занятой Лизы не хмурю враждебность, а увлеченность. Прямо в кайф...

Когда явился Макс – в обнимку с пакетом и каким-то букетом, – его даже заметили не сразу. Не до него было, тут у котика, которого лепили в четыре руки, мышей было мало – что там какие-то там открывающиеся двери. Лишь нечаянно подняв голову, чтобы глянуть на таймер на духовке, Аленка заметила Макса, замершего у кухонного косяка и рассматривающего их с Лизой как нечто им никогда невиденное.

– Подглядывать нехорошо, – Аленка и сама понимала, что улыбается слишком глупо, но... Но блин, все-таки как безнадежно её положение... Один только взгляд Макса – вот такой вот, слегка недоверчивый, но восхищенный – и сердце в груди начинало размахивать юбками и плясать канкан.

– Папочка, – Лиза радостно подскочила и, чудом не свалившись с табуретки, ринулась к Максиму обниматься. Макс же легко подхватил её на руки, прихватил, прижал к себе.

– Все в порядке? – одними лишь губами спросил у Аленки, и она, пытаясь не давать ходу поднявшейся в груди тоски из-за наблюдаемой семейной сцены, кивнула. Сразу было видно, что система Макса и Лизы уже устоявшаяся, уже двигается по своим законам, и так-то – вписаться в неё гармонично представлялось уж больно сложной задачей.

Какое-то странное чувство одолевало Аленку. Пусть она знала Лизу всего-то второй день. Пусть она еще толком не представляла, какая Лиза на самом деле. И все же хреново,

что вот так вот у неё и Лизы не будет. Все-таки Лизе она не мама. Да и даже в самом ванильном случае – скорей всего преодолеть предубеждение к чужим тетям у неё до конца не получится. Но блин, как хотелось быть Лизе не чужой, чтобы она не воспринимала эту вот утреннюю возню с завтраком как какое-то чудо, нет – скорей как традицию. Честно-то скажем, вопреки упрямству Лиза была приятным ребенком. И не столько внешне, сколько внутренне. Все-таки чувствовалось, что вредничает она не из-за собственной избалованности, а из боязни. Страшно выходить из зоны комфорта – даже многим взрослым страшно, а что взять с шестилетней девчонки?

– А я готовила кексы, – о да, дело дошло до «похвастаться».

– Ты, золотко? – Макс неподдельно удивился.

– Да! – важно заявила девочка. – Садись, папа, буду тебя кормить.

Соленое тесто со стола сметали торопливо, изведя на упаковку аж семь пакетов. Аленка не стала мешать Лизе сиять, в конце концов, ни к чему это было. Максимум наверняка не обязательно было говорить, что готовила Лиза исключительно под присмотром Аленки. Девочка бы обиделась, да и Макс бы ничего нового не узнал. И Аленка самым позорным образом сбежала, не в силах противиться одолевающей душу тоске. Заныкалась в спальню, уселась на край кровати, обняв себя руками.

Ну что же это такое? Почему так нестерпимо грустно? Почему сейчас кажется, что зря она даже пытается, что как бы она ни лезла из кожи вон – все равно Лиза ни разу не сказала, что кексы они пекли вместе, а значит равным счетом никакого значения в глазах Лизы это ей и не придавало. Аленка ей чужая, и вряд ли что-то поменяется. А чего ты хотела, Яковлева? Присоседиться к чужому ребенку? Стать членом уже сплоченной семьи? Ага, сейчас, закатай губу обратно. Приперлась тут, на готовенькое.

– Это кто тут грустит в одиночку? – горячий шепот склонившегося к Аленке Макса обжег ухо, а сам Ольховский опустил руки Аленке на плечи, обнимая её. Теплый. Уютный. Такой, что в него захотелось срочно укутаться – авось и эта чертова беспричинная печаль исчезла бы с горизонта.

– Я не грущу, – соврала Аленка и, притворившись, что ей срочно надо протереть глаза, стерла из уголков век едва не спалившие её сентиментальность слезы, – я просто устала. С непривычки.

– Не мудрено, – Макс тихонько вздохнул и ужалил губами Аленкину щеку. Кратко. Мало. Хоть умирай.

– Прости, что свалил на тебя это все, – шепнул, осторожно поглаживая Аленкины пальцы. Он был как море – ласковое, спокойное море, и от одних только его объятий все тревоги растворялись, таяли... И все же – тоска отхлынула, но смертельно захотелось целоваться. И как с этим было жить вообще? При не спящей-то императрице.

– Лиза довольна? – тихо спросила Аленка. Это было важно – то, что Лиза сказала отцу. Потому что все-таки Аленка могла ошибиться.

– Солнечная, ты так в себе неуверенна? – Макс улыбался, и от этой его улыбки душа потекла, как оказавшееся в духовке мороженое. – Лиза не замолчала ни на минуту, рассказывая, как вы тут с ней развлекались, а ты тут сидишь и грустишь, думая, что ей не понравилось? Хочешь, позову её – и она скажет тебе спасибо? Ну, хоть за джинсы – потому что это, кстати, она отчебучила... А ты ей милосердно это спустила.

– Не надо, – торопливо возразила Аленка. Любое принуждение сейчас убило бы её усилия по смягчению Лизы на корню. И потом, нет никого честнее детей. Если Лиза захочет ей за что-нибудь сказать «спасибо» – скажет сама.

– Дурочка, – фыркнул Макс, – моя солнечная, волшебная дурочка. Я в тебя и так верил, но ты ж все равно умудрилась меня удивить. Теперь можешь загадывать свое желание, я просто обязан его исполнить...

– Любое желание? – Аленка хихикнула и запрокинула голову, роняя затылок Максу на грудь. Рядом с этим чудовищем было совершенно невозможно печалиться. О чем вообще можно было печалиться рядом с Максом?

– Ага, – Макс кивнул. – Любое-любое. Выставку я пробил, там нормально все, можно и сходить. Только скажи мне, Сан, мы тебе платье для выхода покупать пойдем или не надо?

Лишь позже Аленка вспомнила этот разговор. Лишь позже смогла задать себе нужные вопросы. А сейчас – сейчас она, прикрыв глаза, кайфовала в объятиях Макса и, в третий раз пропустив его фразу через мозг, пыталась понять её окончание. Нет, влюбленность нужно было запретить как факт... Мозги сие явление разжижало очень качественно.

24. Третья сторона

Больше всего в своей жизни Валентина Калугина не любила выскочек. Этих везучих клуш, которые умудрялись выскочить в самый неожиданный момент и увести вождеденный приз из-под самого носа Валентины. Подобные ушлые бабенки Валентину бесили до зубовного скрежета. Потому что они сводили на нет все то время, что Валентина потратила на путь к своей цели.

Годы чертовой работы! Четыре года в МГПУ, красный диплом бакалавриата, специалитет по работе с детьми дошкольного возраста. Нет, Валентина не собиралась тратить свою жизнь на работу в детском садике, отнюдь. Не для этого она проходила целую кучу дополнительных курсов, набив папочку резюме всякими сертификатами до отказа. На целую ораву не поддающихся контролю чужих детей усилия тратить смысла не было. Ну, даже если допустить, что Валя попадет в какой-нибудь частный детский сад, там все равно было слишком много работы, а «слишком много работы» – было не очень заманчиво для амбициозной девушки.

Нет уж. Цель – стать няней. В какой-нибудь состоятель-

ной семье, с симпатичным папашей, отшибленной на материнский инстинкт мамашей и недолюбленным ребенком – одним. Нет, не двумя, не тремя, ни в коем случае – это опять-таки «слишком много работы». И тут, помелькать перед отцом семейства, побыть милой и уютной, сыграть на резком контрасте с дурной и отдаленной от семьи женой – ну и забраться к нему в постель. Получить минимум – покровителя, максимум – мужа. Валя самонадеянно предполагала, что её внешних данных и хорошего отношения с ребенком «жертвы» окажется достаточно, чтобы убедить мужика на ней жениться. Ну и все, план-максимум на жизнь считался бы выполненным, Валя с чистой совестью могла заняться собой.

Дети? Зачем? Валя даже в теории представляла, насколько непросто будет изображать привязанность к чужому спиногрызу. А свои... Ну нафиг, это же столько проблем: бессонные ночи, фигура опять-таки будет испорчена к черту, а она и так дается потом и кровью – одним бесконечным фитнесом и жесткой диетой. Нет, это не было легко, но зато у Вали была возможность с чистой совестью задирать нос перед располневшими одноклассницами.

«Жрете вы слишком много просто».

Ну, не столько много, сколько неправильно – но об этом Валя никому не говорила. Не считала нужным подсказывать. Ей-то пришлось к этому самой приходить! Хотя, разумеется, она-то себя так не запускала, нет, она спохватилась рано, ей не пришлось беспокоиться за всякую там дряблую кожу.

И так, цель – состоятельный, симпатичный мужик с ребенком. Такой, чтобы не считал проблемой содержать свою женщину и не хотел большую многодетную семью. Этой целью Валя озаботилась практически со школы и была уверена, что её целеустремленность – это достоинство. Ну серьезно, пока подружки не знали, куда себя деть, тащились зачем-то со своими аттестатами в театральные, откуда им, при исходных-то данных не светил не то что Голливуд, но и что-то кроме «Кушать подано» в мелком театре. Какое «звезда сцены», девочки, вы что, пересмотрели первого канала? Это только там можно куда-то пробиться, если пахать или раздвигать ноги перед продюсерами. Пахать – было неинтересно, спать с кем попало же – Валя считала ниже своего достоинства. Короче говоря, становиться известной актрисой – и шлюхой, по совместительству, – Калугина не рвалась. Ровно как не рвалась ни в экономисты (унылая работенка), ни в менеджеры (чем там вообще занимаются?), да и вообще никуда, где предлагали «карьерный рост» – читай «воз и маленькую тележку работы». Больше всего на свете хотелось жить для себя – и не париться зарабатыванием денег.

В поисках подходящего мужчины Валя сменила семь семей. Все было не то. То мужик был конкретный ходок и смотрел не только на ноги бегающей по его дому няни, но и в принципе на любые мало-мальски стройные ноги, то семья была до тошноты сплоченная и крепкая, то детей оказывалось слишком много, то отец семейства эстетическому чув-

ству Вали никак не удовлетворял... В общем, найти мужчину своей мечты оказалось непросто. Из каждой семьи Валя уносила отличные рекомендации, прощальное «Ну, как же мы без вас» и раздражение из-за очередных потраченных зря нескольких месяцев жизни.

А потом судьба решила Вале улыбнуться и выбила на рулетке её жизни заветное «зеро».

Валя попала в семью Ольховских.

Максим Леонидович мог именоваться только словом «джек-пот», и никак иначе. Красивый, уже в разводе – и при деньгах. При очень хороших деньгах, которые он почему-то не афишировал. Не нужно напрягаться и отбивать, не нужно идти себе на уступки и быть только «любовницей на содержании». Нужно только лишь очаровать его самого – понравиться его дочке, и все, дело сделано. Такой легкой казалась задача в самый первый день работы у Ольховских.

На практике же оказалось, что все совсем не так просто, как Вале казалось.

Нет, очаровать Лизу удалось без проблем. На самом деле, ну зря, что ли, столько времени было убито на изучение детской психологии? Нет, Валя Лизу быстро укротила и, можно сказать, «кормила её с руки», а вот задача «обратить на себя внимание отца семейства» оказалась неожиданно трудной...

Ольховский оказался слишком закрытым. За два года работы с ним Валя так и не поняла – кем он работает и где. Где он проводил целые дни, когда оставлял Лизу в детском саду?

Элитном детском саду, нужно заметить. Он мог уехать на пару дней, бывало брал с собой и дочь, временами оставлял с ней Валю, но ежедневно звонил по видеосвязи – из каких-то хороших гостиниц. Деньги у него были, это был не секрет, но чем он занимался?.. Ну, так-то пофиг, лишь бы от налогов не скрывался, а то там, говорят, в норме конфискации...

Блин, ну Максим же явно любил женщин... Это было видно по манерам, по зашкаливающей уверенности в себе, по тому, насколько часто Ольховский вызывал Валю просто провести ночь в квартире с Лизой – а сам уезжал «расслабиться». Были у него потребности, как у обычного мужика, были. Ну, так и какого хрена тогда? Ведь ни единого поползновения за два года. Не помогли ни обтягивающие джинсы, ни короткие разноцветные платица, ни даже чертовы духи с афродизиаксом – которые по срезу оказались самой глупой покупкой в Валиной жизни. Ольховский смотрел «сквозь». Упорно.

Однажды, когда Валя отчаялась – и встретила его посреди ночи в одной лишь кружевной комбинации, – ей показалось, что в темных карих глазах Ольховского и мелькнул какой-то интерес, но...

– Валя, поймите меня правильно, пожалуйста, – ровно произнес тогда Максим Леонидович, – я не мешаю свою личную жизнь и семью. Вы нравитесь моей дочери – и я очень этому рад, но для меня вы – няня моего ребенка. Еще раз вытворите что-нибудь подобное – и мы с вами расстанемся.

Вам ясно?

– Да, – тогда пискнула Валентина, и на этом конфликт был исчерпан. Ольховский ни разу ей за него не выговаривал. Вале пришлось же со своими амбициями затаиться. Нет, не отказать – ни в коем случае. Другого такого мужчины ей могло и не попасться. Если Ольховский не велся на предложение секса, значит – нужно было действительно стать членом семьи. Человеком, которому доверяли. А там... Год-два поломается, а потом – не удержится же. Зачем искать счастье на стороне, когда под рукой есть и красивая, и умная, и с ребенком в ладах? Всегда идеальная, красивая, ухоженная – в каком-нибудь элегантном платье и с френчем на коротких ногтях. Что еще надо?

И все было ничего. Ольховский по-прежнему пользовался любовницами вне семьи, Валя не переставала пользоваться такими инструментами привлечения внимания, как короткие платица, Лиза привязывалась к Вале все сильнее – с какого-то момента она своей привязанностью начала раздражать, но Валя мужественно терпела. Ради цели – потерпеть было можно.

Все переменялось как-то резко. Ольховский за полгода как-то вдруг резко поменялся. В чем конкретно – Валя не поняла, но ощутила. Как-то по неожиданно зажегшемуся в глазах огоньку, по тому, с какой охотой он начал оставаться дома с дочкой, все чаще предпочитая вечер в её и Валиной компании очередному ночному «выходу в свет». Количество

тех выходов, к слову, сильно снизилось.

Причин... Внешних не было. И Валя решила, что сработало. Максим Леонидович начал в неё влюбляться. Потому что не ездит по бабам, потому на его лице стала частенько мелькать мечтательная улыбка – влюбился же, как пить дать, влюбился. И Валя ликовала. Ждала более активных действий, ждала пока он созреет, но...

Потом они переехали. Новая квартира тоже была хороша – и просторная, и в неплохом районе, и с неплохим ремонтом, но в сравнении с той, в которой Ольховский и его дочь жили раньше – сарай.

Неплохо – вместо шикарно. Что-то случилось? У Ольховского финансовые проблемы? Но на зарплате Вали это вообще никак не отразилось. Тогда в чем дело? Спрашивать у самого Ольховского – лезть не в свое дело. Ей-то какая разница – она же всего лишь няня... Пока что.

Лизе было пофиг, её ритм жизни почти не поменялся. Но она случайно оговорилась, что папа затеял какую-то «игру». Мол, не хочет, чтобы кто-то там в нем видел только деньги. И это Валу резануло практически до крови.

Она ошиблась. Заветная золотая рыбка и не думала попадаться в её сети. Ольховский нашел себе женщину. И судя по всему – намерения у него были серьезные, раз он даже Лизу подговорил его поддержать.

Наверное, можно было сдать. Но Валя не хотела. Почти два года её жизни были потрачены на эту семью. И она

не желала выпускать из своих рук свою мечту. Если Ольховский намерен познакомить свою бабу с дочерью – значит, Вале нужно сделать все, чтобы Лиза отчаянно боялась всякой чужой тетки, приближающейся к ней. Нужна была поддержка дочери Максима, нужно было её маленькими ручками отбить сопернице всякое желание лезть в эту семью – а потом, когда она бросит Ольховского, когда он вновь разочаруется в женщинах, – просто оказаться рядом. Просто показать, что вот она-то, Валентина – самый надежный человек на свете. И дочери Максима Леонидовича она очень нравится.

Оставалось лишь сделать так, чтобы Лиза восприняла новую женщину отца с неприязнью. А для этого у Вали козыри были... И еще какие козыри. Правда, Ольховский, наверное, убил бы Валу, если бы узнал, какой секрет она открыла Лизе, но он не знал. Валя постаралась напугать девочку так, чтобы она ни за что в жизни не спешила бросаться с этой правдой к папе.

Времени у Вали оказалось предостаточно. Два месяца. Два месяца прошло от переезда в новую квартиру до столкновения с ней...

Глядя на эту Алену, Вале хотелось сплюнуть. Вкус Ольховского её разочаровал. Как может такой роскошный мужик, которому в пору сниматься для журналов, – и клюнуть на такую серую мышь. Ну вот что он мог в ней найти? Обычная, скучная, русоволосая. Без каких-то там ярких глаз или красивых губ. Даже с салонной укладкой она не была замет-

ной. Дешевые джинсы, дешевенькая футболка, какие-то откровенно бижутерные серьги... Для того, чтобы такая «не повелась на деньги», – нужно было снимать хрущёвку. Вот это был её уровень.

Нет, такой сопернице проигрывать было совершенно позорно. Но блин, чем она взяла Ольховского? Где они вообще с ним познакомились? Ясно же, что ни в каком ночном клубе: соплячка – явно не тусовщица, и не из богемы, от неё за версту несло провинцией. Но, черт побери, как, как она зацепила Ольховского? Он так на неё смотрел, что Валя едва не задохнулась от лютой ревности и беспричинной злости.

Ладно. Ставка на Лизу была твердой. Валя верила – девочка себя оправдает. Она очень боялась потенциальной спутницы жизни отца, она не хотела лишиться дружбы со своей доброй няней. У неё был стимул ненавидеть эту Алену. Очень мощный стимул. Оставалось только надеяться, что она справится – и эта девица уедет в свой колхоз, напугавшись проблем с чужим ребенком.

Вот только начало операции «Выжить соперницу» готовило для Валентины первое разочарование.

Первый день окончился неудачно... Соперницу явно оставили с Лизой, но... То ли она справилась, то ли Лиза по началу не отчебучила ничего страшного, но встречавший Валентину в прихожей Максим Леонидович выглядел на редкость довольным. Что-то даже мурлыкал себе под нос, завязывая галстук. Он был при параде – и только по этому

костюмчику, без пиджака, но с жилетом, и при галстукe Валя поняла – колхозница развела Ольховского на свидание. Не просто на секс, а на свидание. И это было плохо, потому что – он-то согласился. Блин, ну как же так, ну холостяки в его возрасте же не должны так легко пускать в свою жизнь женщин?

А он пустил... Пустил и вообще вел себя не как взрослый, нажравшийся отношениями мужик, а как влюбленный студентик, и от этого было тошно. Это не по этой мышце он должен был вздыхать, не к ней бегать на свиданки, не ей дарить цветы – букет из розовых тюльпанов и сиреневых гвоздик, оставленный в спальне, Максим Леонидович вряд ли себе покупал.

Ладно... Может, колхозница справилась один раз... Но второй раз – точно не справится... Уж Валя постарается. И Лиза – тоже постарается. Нужно только напомнить ей правду.

25. Самый тяжелый шаг – последний

– Блин, Сан, может, забьем на выставку, а?

Макс смотрел на Аленку так, что она удивлялась, как на спине не разъезжалась сама по себе молния. Аленка чудом удержалась от того, чтобы излишне радостно заулыбаться. Она и так нещадно палилась, рисковала переборщить. Ведь знала же, знала собственную влюбчивость, знала же, как легко она проваливалась в мужчину, и как быстро они от неё уставали. Но нет, вела себя как неученая, как восемнадцати-

летняя влюбленная дурочка.

– Заманчивое предложение, – протянула Аленка, – но я хочу на выставку...

Макс шагнул к Аленке, прижимая её к себе, скользнув широкой ладонью по талии, практически мгновенно пересекая фарватер «приличной зоны». Насмешливая улыбка куда-то исчезла, выражение лица у него сейчас было такое, будто он без Аленки жить не мог и удивлялся – как это у него раньше получалось. Ох, нет, ну не может быть такое, ну не может... Ну, не так же быстро... Так быстро не бывает! И потом – он давно знает Аленку, причем знает довольно неплохо, и кому как не ему знать, что на самом-то деле она не самый интересный человек в мире. Ну, допустим, ей об этом не говорил, но Аленка была уверена – у него точно есть более интересные друзья и знакомые девушки.

– Ты такая красивая, что я буду вызывать на дуэль всякого, кто на тебя посмотрит, – шепнул Макс, улыбаясь краешком губ.

– Это всего лишь платье... – пробормотала Аленка.

– Нет. Это всего лишь ты...

Щеки запылали от смущения – слишком уж проникновенно, пронзительно это было сказано.

Платье на самом деле было классное. Аленка некогда не удержалась и купила именно красное, именно вот такое, поминая пресловутую «женщину в красном». И обычно Аленка не очень одобрительно посматривала на красное, тем бо-

лее с открытыми плечами, тем более, атласное, но тут... Конкретно это платье-футляр: простое, без всяких лишних финтифлюшек, без разрезов в самых неподходящих местах, с вырезом лодочкой – на Аленке смотрелось неожиданно потрясающе. И неожиданно оно делало её яркой, но не вульгарной, хотя, казалось бы, цвет платья был довольно спорным. Алым. Ярко-алым. Не очень-то элегантным. Но нет, сейчас Макс смотрел на Аленку и будто пытался выглянуть глаза. Значит – не зря Аленка тащила это платье в Москву, не зря ездила за ним в гостиницу, не зря час разглаживала каждую складочку, добиваясь идеально отутюженной ткани. Да и вообще вот сейчас, в черных лаковых туфлях и тонких темных чулочках, Аленка вообще сама себя чувствовала супер-красивой, даже почти верила, что может Максу нравиться все-речь.

А он меж тем стоял, сжимал Аленку в своих объятиях и смотрел на неё так, что идея никуда не идти с каждой секундой становилась все заманчивее. Хотелось вызвать снова такси и снова рвануть в гостиницу и там снова доводить до белого каления соседей. Но Макс не стал настаивать на своем, решил все-таки вспомнить, что в мире существуют удовольствия и помимо секса. Хотя, конечно, соперничать они могли даже не пытаться, секс все равно бы выиграл, но – его можно было отложить, хотя бы сегодня.

– Может, пойдем уже? – прищурившись, спросила Аленка. – А то странно будет доехать до галереи и так и простоять

перед ней, не заходя внутрь.

На самом деле она с радостью бы постояла. Сейчас в компании Макса ей было настолько невыносимо хорошо, что было за себя аж стыдно. Ей-богу, как влюбленная дошкольница, впору было тащиться от того, как держишься за мизинчики. Ну а если серьезно – между ними ужасно искрило. Даже сейчас, после того как Макс слегка отстранился, напоследок скользнув ладонями по плечам Аленки – к кистям рук. Мало того, что от его рук по голой коже растекался жар и бежали мурашки, так еще и когда его пальцы задели пальцы Аленки и задержались на них – девушку коротнуло так, что аж дыхание перехватило. Блин. Блинский блин. Товарищ Яковлева, вы ушли в слишком глубокий космос, возвращение на Землю будет возможно путем очень больших усилий... Вспомните, что вы тут «хороший друг». И нет причин считать иначе... Ну... Может, и есть, слегка, но это же все не точно. И потом – это вас, товарищ Яковлева, этот мужчина отправляет практически в нокаут. Он-то так голову не терял, увы... Ну, хоть кто-то в их обкуренной парочке местами демонстрировал признаки интеллекта.

– Ты вообще в курсе, что это за выставка? – Макс говорил с таким любопытством, что Аленка сразу поняла, тут дело нечисто. Хотя ладно, она изначально это подозревала.

– Неа. А ты гуглил?

– Да, – Макс загадочно улыбнулся, – после того как прогулил, еще сильнее стал болеть за то, чтобы у меня не на-

шлось причин не идти.

– И что там? – заинтригованно поинтересовалась Аленка.

– А вот не скажу, – фыркнул Макс. – Вот возьму и не скажу, и что ты мне сделаешь?

Аленка бросила на него мрачный взгляд – ну и садист же он был, поддразнивал любопытство и не удовлетворял его.

– Я тебе что-нибудь откушу, – грозно пообещала она, – что-нибудь принципиально важное. Чтоб ты точно страдал.

– Кто из нас еще больше страдать будет, – самодовольно ухмыльнулся Макс, – ты же после – тоже останешься неудовлетворенной. И что ты будешь с этим делать, а?

– Помогать себе сама? – Аленка хихикнула. – Или найду себе человека для решения проблемы.

– Я тебе найду... – Макс проговорил это вроде и спокойным – но таким опасным тоном, что у Аленки на затылке аж волосы слегка зашевелились, – я тебе так найду, Яковлева... Ты голос сорвешь, оравши...

Аленка ткнулась лбом в его плечо.

– Макс, – тихонько простонала она, пытаясь растолкать собственную замершую от этого его тона душонку, – ну не надо так... Как мне потом уезжать?

– Никак, – Макс сжал ладонь Аленки сильнее, – никак не уезжай, солнечная, оставайся. Со мной.

У Аленки аж сердце в груди замерло.

– Макс... – слабо произнесла она, – ты же понимаешь, что это нереально?

У него была Лиза. Лиза, которой Аленка не очень нравилась, которая наверняка будет ревновать, которая навывдумывает себе лишнего. Это только в мелодрамах дети оттаивали к новым супругам своих родителей, в жизни получалось не так. Нюта так и не привыкла к отчиму, хотя Борис Леонидович был мировым мужиком. Аленка-то адаптировалась, даже называла его папой, что отчиму бесконечно доставляло, но Аленка была гораздо старше. Нюта же... Нюта и сейчас ходила к психотерапевту и лечилась от депрессии. Аленка ужасно не хотела отпечататься в сознании Лизы вот таким вот образом.

Ольховский уставился на Аленку, и это был тяжелый взгляд. Очень-очень тяжелый.

– Мы вернемся к этому вопросу после выставки, – произнес он, – я хочу, чтобы ты его хоть малость обдумала. Я очень этого хочу, понимаешь, Сан?

Аленка понимала. Понимала даже сильнее, чем могло показаться. И в груди сейчас ворочался неприятный комок. Было рано думать об этом. Сейчас – в принципе рано. Нужно было дать время и себе, и Лизе. Вдруг... Вдруг случится чудо, и Лиза смягчится?

Улыбнулась Аленка через силу. А потом сжала пальцами локоть Макса.

В душе она на себя практически ругалась матом. Господи, да она же смертельно хотела от Макса услышать эти слова. Больше всего на свете. Почему сейчас так резко включила

попятную? И вот оно, её наказание – мрачное молчание.

– Ты обиделся? – наконец осмелилась пискнуть Аленка, когда они уже поднялись на ступеньке к дверям галереи.

Макс вздохнул и потер лоб свободной ладонью. Он выглядел слегка уставшим.

– Да нет, – откликнулся он, – не обиделся. Я же понимаю, что... Ну, я – проблемный вариант. Просто я не знаю, как мне позволять тебе уехать. И заставить не могу, как тебя подписывать на все мои проблемы?

– Макс, – Аленка чуть не взвыла, – дело не в тебе.

– Вот ты даже не представляешь, как часто я слышал эту фразу, как только упоминал, что у меня есть дочь, которую я воспитываю один, – сухо откликнулся Макс.

– Дай мне время, пожалуйста, – устало попросила Аленка, – просто... Я не смогу остаться, если не понравлюсь Лизе. Я не буду ставить тебя перед выбором – я или дочь.

Это был очень странный разговор, и, кажется, они оба думали о своем, но после этой фразы Макс замолчал, глядя на Аленку пронзительно, будто сравнивая её с чем-то в своих мыслях.

– Прости, я жутко спешу, – произнес он медленно, кажется – тщательно взвешивая каждое слово, – прям непозволительно спешу. Но... Ты сама заговорила про отъезд... А я... Я не смог не сказать.

– Макс, ты – нереальный, – Аленка тихонько вздохнула, – и я... не понимаю нифига сейчас, ты мой личный сорт...

– Героина? – Макс чудом не смеялся с этой вот фразочки из мелодрамки про вампиров. Но он не угадал.

– Динамита, блин! – отрезала Аленка. – Ты, блин, тут столько всего на меня вывалил, так качественно оглушил и даже не даешь мне оправиться от охречения.

– Прости, – кратко произнес Макс, сжимая Аленкину ладонь, – просто... Я не хотел тебя обманывать, солнечная. Я хочу, чтобы ты со мной осталась, давно хочу. Но согласишься, про Лизу... сказать было нужно...

– Нужно, – ворчливо буркнула девушка, – вот только сразу ты мне и не сказал. Самой на вас наткаться пришлось.

Ворчала, а у самой сердце в груди плясало яблочко и подскакивало, высоко подбрасывая колени.

По лицу Макса пробежала странная улыбка, но он пожал плечами.

– Не сказал бы вчера – сказал бы сегодня, – уверенно произнес он и наконец потянул на себя дверь галереи, – пойдём уже соприкасаемся с современным искусством. Но помни, я пытался тебя остановить!

И что это значит вообще?

26. Последняя откровенность

– О-о-о!

– Охреть? – мягким смеющимся шепотом поинтересовался Макс. С учетом того, что он сейчас стоял за спиной Аленки и шептал практически ей на ухо, да еще и обращая внимание, на что девушка сейчас смотрела, – было ошуще-

ние уже вполне начавшейся прелюдии, потому что... Ну... Да, возбуждение тихонько шевелилось в животе, будто бы сладко потягиваясь.

– Красиво он её, а? – тихо шепнул Макс, легонько касаясь самыми кончиками пальцев голого предплечья девушки.

– Да... – тихонько выдохнула Аленка, ощущая, как начинают нагреваться щеки.

Фотограф был поклонником шибари. Вот, кстати, сейчас из соседнего зала раздавался одухотворенный голос творца, который очень старательно разъяснял, почему он не снимает мужчин-моделей, и вслед за ним ходило большинство посетителей выставки, потому что автор рассказывал чуть ли не про каждую отдельную фотографию – историю съемки, нюансы рисунка обвязки и прочую ерунду. Аленка же можно сказать – замерла еще на подступах. Ей нравилось бродить отдельно от основной толпы и почти в тишине, пытаться понять, что именно она чувствует, когда смотрит на ту или иную фотографию.

Фотографии, кстати, были очень разные. И модели были разные – обнаженные и одетые, вписанные в какой-то пейзаж, или вообще показывавшиеся на фотографии какой-то частью тела.

Между отдельными фотографиями Аленка ходила медленно. На иной фотографии зависала на витиеватые, сложные узлы и узоры веревочной паутины, на другой – обвязки было немного, но как нереально фотограф сумел зафиксиро-

ровать модель над гладью спокойного пруда. Девушка будто парила. На третьей модель вообще оказалась неожиданно гибкой, и её фиксировали над парковой дорожкой будто бы в момент воздушного кульбита – голова у земли, подвес под бедрами и прогиб – такой потрясающе красивый прогиб.

Вот, собственно, про эту девушку Макс и заметил, что «красиво».

И оно действительно было красиво – не оторвешься.

На очередной фотографии, над которой Аленка эстетически зависла, была девушка, стоящая на коленях на льняной мятой простыне, и по её спине вниз сбегала переплетенная французской косичкой джутовая веревка. В районе лопаток «косичка» заканчивалась, и в разные стороны под идеальными прямыми углами расходились «ветви» обвязки.

– Вообще, это, конечно, художественная обвязка, – негромко заметил Макс, – потому что горло и шею задействовать нельзя. Даже мастера этого не делают. Это вот – только для красоты. Но непрактичность красоты не умаляет.

– Хэй, – Аленка глянула на Макса, с внезапным интересом, – а ты откуда вообще знаешь «как можно»?

Подловила...

По лицу Макса пробежала характерная гримаса «блин, так спалился», и он улыбнулся, явно выкрутив тумблер обезоруживающего обаяния на максимум.

– Ну, был на паре мастер-классов...

– На паре? – Аленка иронично сощурилась. – А пара это

сколько? Как в кошерной математике, где пара это два?

– Ну, может, больше чем на паре... десятков, – Макс у явно было неловко – он даже нос сморщил от смущения, – ну красиво же, Сан...

Красиво. Даже непрактичные обвязки, даже без сложных узлов – просто тонкие девичьи запястья, обвитые веревкой, смотрелись зачаровывающе.

– Ну, ты знал, что здесь будет, да?

– Да-а, – протянул Макс шепотом, опуская губы на Аленкино плечо, – смотри – минимальная бондажная обвязка, интересно, они реально с ней ходить под одеждой могли?

На очередной фотографии растягивала в разные стороны расстегнутую блузку девочка модель, с простой, безузловой перевернутой буквой А, нарисованной тонким джутовым шнуром, обвивающим шею и обе груди. Интересно, оно могло натирать, и как долго такое можно было носить на теле? Вообще, даже если представить вот такую легкую обвязку на теле и под обычной одеждой – кожу начинало слегка покалывать от возбуждения. Носить на теле веревку... Как свидетельство собственной принадлежности одному конкретному человеку... И да, никто не видел, но веревка бы непременно касалась кожи, непременно напоминала тебе о том, что у тебя есть тот, кому ты настолько доверяешь, что можешь позволить себя связать. Что с кем-то ты можешь так расслабиться и позволить себе не гнаться за решением проблем... Даже от этих странных мыслей у Аленки пере-

хватило дыхание, и кожа щек казалась раскаленной. Блин, она извращенка, что ли, о такой дуристике думать? И... Это на лбу, что ли, как-то было написано? Потому что сейчас Аленка вдруг вспомнила загадочные слова соседа: «Если я прав, то вы сами поймете...». То есть он как-то мог опознать, что вот ей это было нужно? Интересно, по каким косвенным признакам?

– А ты не пробовал такое ни с кем? – тихо спросила Аленка, пытаясь оторвать взгляд от веревочной галочки в ложбинке между грудями модели и опять-таки – пытаясь выкинуть из головы все эти странные мысли. Но нет. Не получалось. Аленка по умолчанию представила себе положительный ответ Ольховского – что да, он такое уже пробовал, и чуть задохнулась от жгучей ревности, грубой рукой сжавшей сердце.

– Нет, – Макс фыркнул Аленке в плечо, и от этого мурашек по её телу побежало еще больше. Стало легче дышать и смертельно захотелось больше Ольховского. Аленка даже сделала маленький шагок назад, касаясь лопатками груди Макса. Да, вот этого ей сейчас не хватало сильнее всего – его тепла. И гхм... твердости, да. В том самом месте. Нет, все-таки Макс был неисправим, неизлечим, и... как же это было круто... Не приходилось считать себя озабоченной дурочкой.

Макс же даже не обратил внимания, что нещадно палился.

– Тут на самом деле все очень непросто, солнечная, –

негромко произнес он, – кому попало такое не предложишь, ну, серьезно, вот вообще не хотелось связать никакую случайную девицу.

– А меня? – неосторожно сорвалось с языка Аленки, и она аж прикусила этот чертов болтливый кусок плоти. С чего вообще она решила, что может претендовать на что-то большее, чем какая-то случайная девица?

– А тебя – каждый день хочу, – усмехнулся Макс, касаясь губами мочки уха девушки.

От его прикосновений – таких легких, почти случайных, будто мимолетные касания крыльев бабочки, – по коже растекался просто адский жар, и все тело замирало в предвкушении следующего контакта.

– Правда? – недоверчиво пискнула Аленка.

– Да, – без обиняков откликнулся Макс, – а иначе, зачем бы я сейчас так нещадно палился?

– Чтобы повыпендриваться? – Аленка хихикнула, переводя взгляд на следующую фотографию. Блин, вот просто связанные руки, и цветы то ли сакуры, то ли яблони. Резкий контраст грубой веревки и нежных лепестков, а сердце восторженно замирает, как тушканчик.

А Макс, пользуясь тем, что в зале почти никого не было, легонько куснул Аленку за ухо. В животе сжималось все что можно – в маленькую пульсирующую сладкой истомой точку.

– Зараза ты, солнечная, – проворчал он, – я и так уже пла-

люсь, а ты меня еще и подначиваешь. Будто требуешь, чтобы тебя укрощали прямо сейчас.

– Давно это у тебя? – Аленка задумчиво скользнула взглядом по очередной заковыристой веревочной петле, на сей раз – стягивающей запястья модели.

– Ну, относительно, – Макс пожал плечами, – в принципе я и раньше на шибари посматривал, но учиться пошел после того... Ну, как мать Лизы ушла.

Это был легкий привет из реальности, той самой, за гранью сексуальной озабоченности.

– Почему она ушла? – Аленка нашарила пальцы Макса, прихватывая их, но ему не особенно нужна была поддержка. Воспоминания о бывшей его из колеи не выбили совершенно.

– Ей стало сложно, – спокойно откликнулся Ольховский, – Лизке было года три, Соня поехала «отдохнуть», но с курорта не вернулась.

– Может, с ней что-то случилось?

– Да нет, – Макс недовольно поморщился. – Она сама мне написала, что не вернется. Через соцсеть. Ну и... Я по тому же инстаграмму, знаю, что с ней все в порядке, все красиво – яхты, море, много курортных мальчиков... Сан, давай завяжем эту тему, она не очень приятная. Честное слово.

– Кажется, я соскучилась по кляпу, – Аленка виновато улыбнулась.

– Да, не исключено, – Макс был просто мастер по много-

значительным смешкам.

Фотографий было семь залов. Аленка мужественно вытерпела четыре.

– А ты хочешь, чтобы я тебя связал? – мягко поинтересовался Макс уже на подходе к пятому залу – и на подходе к границе терпения Аленки тоже. Мочи не было – хотелось в гостиницу. Или к Максусу. Да хоть куда, хоть даже в шалаш. Аленка категорически измучилась только смотреть и представлять. Тело пылало, как будто её пропитали керосином и подожгли. А тут еще этот вопрос... И кажется, смущение, которое одолевало поначалу при блуждании по выставке, уже схлынуло, фантазия разыгрывалась все сильнее, заходила в своих странствиях все дальше, а тут Макс с его вопросом... И Аленка вспыхнула, как институтка из девятнадцатого века, даже не зная, что после свадьбы между мужчиной и женщиной обычно происходит секс.

– Очень хочу, – едва дыша, ответила девушка, опуская ресницы.

Макс развернул её к себе, опустил ладонь на талию. Слава богу, ханжей с их «молодые люди, вы ведете себя неприлично» на этой выставке не водилось. И это было и понятно, и замечательно. Аленка же замерла, встретившись с Максимумом взглядом. И блин, что это был за взгляд... В нем было видно, что Ольховский тоже уже мысленно три раза сгонял до гостиницы и не вернулся оттуда.

– А почему ты хочешь, чтоб тебя связал я? – вкрадчиво

поинтересовался Макс. От его взгляда одновременно и хотелось, и не хотелось укрыться, до того он был... пробирающий. Судя по всему, это был очень важный вопрос. И ответ на него... Тот, который выплыл сразу... Был слишком! Просто «слишком» и все на этом. Но что делать? Врать? Придумывать какую-то хрень? А вот это было противно...

– Потому что я тебя люблю, – Аленка сама обмирала от собственной бесхитростности, – потому что никому больше я это не хочу позволять, а тебе – хочу.

Макс накрыл губы Аленки своим ртом. Горячо, властно – так, что у Аленки от этого аж ноги подкосились. Он, кажется, очень хотел, чтоб им все-таки сделали замечание. Но... Большинство народу по-прежнему крутилось с фотографом, который уже опережал Аленку с Максом на два зала. А тем двум ценителям, что сейчас были рядом – были куда интереснее модели, чем какая-то целующаяся парочка. И это было хорошо. Волшебно. Восхитительно.

У Аленки в груди будто взрывались фейерверки и изнутри кололи грудь мелкими огоньками. Сейчас – уже десять раз взбудораженная, она задыхалась от того, насколько остро в ней сейчас поднимаются чувства к Максy. И все было – и безумная, переполняющая тело легкость, и вздрагивающая от сладкой остроты всякого соприкосновения с губами Макса душа.

– Поехали к тебе, – это не был вопрос. Это был практически приказ, сказанный хриплым голосом явно дошедшего

до ручки мужчины.

– Ага, – и ответ тут был не нужен, но Аленка все равно согласно кивнула головой. Почему-то казалось правильным дать ему знать, что её устраивает – и его предложение, и даже тон, которым оно было высказано.

Пока Макс вызывал такси, Аленка метнулась в дамскую комнату. Так, губы подкрасить, поглядеть в зеркало на себя – такую ошеломленную, с блестящими глазами, со слегка растрепанными волосами. Ох, Яковлева, какая же ты балбеска... Вот так взяла и раскололась, в конце первой же недели, а кто собирался шифроваться целых две и только под конец соблазнить Макса наспех? Нет, у неё не было шансов. Только если Макс бы не захотел, но он хотел... И чертовы эмоции рвались из-под контроля... Никому нафиг не нужные. Ведь Макс же не сказал ничего в ответ. Его так не крыло. Это было горьковато, но хотя бы понятно. Это Аленке сносило крышу так, что от дома оставался один только фундамент. Нормальные люди так быстро и так глубоко не влюблялись. Но как это вообще возможно исправить? Это же не программный код, не какой-нибудь повествовательный косяк текста, это ж чертовы чувства, и их особо-то и не скорректируешь...

Так, Яковлева, тебя там вообще-то Макс ждет, а ты тут стоишь и ловишь ворон, и думаешь о фигне. Давай, руки в ноги и...

Аленка схватила с раковины клатч и торопливо зашагала к выходу, старательно вычищая из головы всю эту эмоцио-

нальную муть. Она просто проведет с Максом еще один вечер. И он с ней что-нибудь сделает... И это будет еще один охрентельный раз...

Если бы можно было охарактеризовать звук, с которым человек врезается в человека, – то тут был бы уместен именно он. Аленка впилилась в кого-то, выронила клатч, в который закидывала помаду, и естественно все содержимое сумочки тут же разлетелось по полу.

– Простите, – машинально произнесла Аленка и присела на корточки, про себя выругавшись на узкую юбку.

Черт. Оказывается, в маленькой сумочке было дофига вещей. Ключи, паспорт, две пластиковых карточки, магнитный ключ от номера в гостинице, связка ключей от квартиры Макса, телефон, помада... Аленка собирала все это суетящимися движениями, потому что вообще-то – Макс её по-прежнему ждал.

Охранник, в которого она врезалась, стоял неподвижно тут же и бесил. Чего он хотел? Еще извинений? Нет, хоть бы помог – нетушки, стоит себе столбом. Ладно, все.

Аленка сунула в сумочку отлетевшее в сторону зеркальце и, застегивая клатч, торопливо вскочила на ноги.

– Яковлева, это ты? – недоверчиво уточнил охранник голосом, которого Аленка век бы не слышала. И это было неприятно, но сейчас, кажется, мимо пройти уже не удастся. Судьба, а ты не могла бы не вдохновляться мелодраматическими сериалами и не организовывать этих «удивительных

столкновений».

Девушка, наконец, подняла взгляд и уставилась прямо в глаза своего бывшего. Того самого, за которого два года назад довольно твердо собиралась замуж...

27. Привет из прошлого

– Кто это был, а?

Пальцы Макса зарывались в волосы Аленки, и хватка у них была слегка бесцеремонная. Больно было совсем чуть-чуть, и от этого ощущения кожу покалывало легким адреналином. Будто от безумного, бесцеремонного, дикого секса Аленку и Макса отделяла лишь тоненькая бумажная занавесочка – только ткни пальцем, и шибанет в виски горящим пожаром, оглушая и отключая от всего происходящего. И все, что Аленке оставалось, – это ерзать от нетерпения на коленях у Макса.

Где-то там на переднем сидении старался не коситься назад таксист, который явно охреневал от того непотребства, что творили его пассажиры. Вообще Аленке было так же пофиг на таксиста, как на прочие предметы, её окружавшие. Ну как бы, не в Лувре же они сидели, а в Опеле, даже не особо чистом. А этот «блюстител ь нравов» мало того что драл за проезд, как будто был хозяином Мазерати, так еще и пыхтел недовольно. Хотя это он был на редкость инфантилен, ну подумаешь, женщина сидела у мужчины на коленях, а он забрался левой своей ладонью под платье и тихонько при этом поглаживал кожу на бедре, совсем рядышком с резин-

кой чулка. И все. Больше ничего крамольного не было, даже поцелуев не происходило – увы. Макс злился и нарочно уклонялся от губ девушки.

– Неважно, – Аленка поморщилась. Воспоминания о встрече с Вадимом она бы с удовольствием из памяти вытерла.

– Этот «неважно» ни с чего разбил твой телефон, – раздраженно произнес Макс, глядя Аленке в лицо.

Ага. Разбил. Выхватил у Аленки из рук клатч, вытащил из него телефон, пользуясь общим фоновым охренением девушки, и впечатал его в кафельный пол галереи. Да еще и сверху потоптался для верности. Словил по морде от офигевшего Макса, шатнулся было ударить в ответ, но вовремя опомнился и даже с несколько минут глядел на Макса, будто решая – драться ему или нет. Макс предлагал вызвать полицию, в конце концов, «телефон тоже денег стоил», но Аленка не была уверена, что хочет растягивать этот вечер и тратить его вот на это вот дерьмо.

Вот только Аленке сейчас все произошедшее обсуждать не хотелось. Ну... Да, она тоже была в ярости от этой херни с телефоном. Прямо-таки в осадке была, пока поднимала с пола смартфон с раздавленным экраном. Макс предлагал вызвать полицию уже тогда, а Аленке смертельно хотелось только поскорее прыгнуть в машину, провалиться в теплый плен объятий Ольховского и вычеркнуть Вадика из этого вечера, потому что было слишком хорошо, чтобы позволять

каким-то левым изъяснам все портить.

Но к черту Вадика. К самому злому черту с самой большой и раскаленной сковородкой. Кислицын и так слишком часто возникал в мыслях Аленки, хотя ему там уже давно было делать нечего.

– Сан, не скажешь – и сегодня я тебе ни одного раза кончить не дам, – Макс шепнул это едва слышно, но у Аленки все равно запылали уши, – и завтра ты будешь весь день дымиться и думать о моем члене. Ясно?

Ох, ясно. Прямо все очень ясно, и никаких сомнений в том, что Макс это может. И хотелось от этого знания этого бессовестного мужчину все сильнее и сильнее. Но неужели его не стоило поддразнить при этом?

– А кто сказал, что я буду думать о твоём члене, а? – насмешливо фыркнула Аленка, и Макс потянул её за волосы сильнее, заставляя запрокинуть голову и зашипеть от боли.

– Ты лишь ухудшаешь свое положение, солнечная, – усмехнулся он.

Вообще... Сейчас у него даже выражение лица было слегка иным. Расслабленным, даже слегка более открытым, что ли. Будто до этого он хоть и был честен, но все равно держал на лице маску легкой отстраненности. Эх... Ну, вот будет он себя ощущать хозяином положения, а что дальше? Сейчас наиграется, насытится, устанет... Так, не думай об этом, Яковлева, лучше ответь на вопрос – Макс на тебя смотрит уже сердито. Хоть голову не рефлексией займешь.

– Да мой бывший женишок это был, – с неудовольствием ответила Аленка, глядя в окно.

Макс чуть прищурился, но это для него вряд ли было откровение. В конце концов, о ком, как не о бывших, тяжелей всего говорить?

– А с телефоном что?

Аленка замялась. Вообще-то, она примерно поняла, почему Вадику перекрыло крышу, что он это вывернул. Только это его не оправдывало вот ни капли. Мог бы тупо извиниться, нет ведь, прокинул на деньги. Снова.

– Сан! – Макс почти рыкнул это, явно раздраженный её молчанием. И за бедро прищипнул, привлекая к себе внимание девушки.

– Он не хотел, чтобы я звонила в полицию, – Аленка вздохнула и уставилась Максу в лицо, – в наших дремучих лесах он вообще-то в розыске.

– В смысле? – у Макса аж брови на лоб полезли.

– Если вкратце – он вычистил наш с ним счет, с деньгами на свадьбу, спер фамильные прабабушкины сережки, уговорил человек восемь взять и поручиться ему под кредитами, а потом свалил в Москву, где его, разумеется, было уже хрен найдешь.

В машине некоторое время воцарилась такая тишина, что было слышно, как шмыгает носом водила, недовольный то ли пробкой, в которую встрял, то ли тем, что эфир радио «Санта-Барбара» с заднего сиденья взял рекламную паузу.

– Ты не говорила... – медленно произнес Макс.

– Да ну... – Аленка прикрыла глаза, пытаясь отстраниться от этого. Вадик портил ей вечер. Вот и сейчас неприязнь от воспоминаний о бывшем отравляла настроение. А так хотелось насладиться этим вечером полностью...

О чем было говорить? О глупом романе с парнем, который Аленке даже с первого раза и не понравился, но был настойчив, очень настойчив, а она тогда так переживала, что с Артемом у неё ничего не вышло, что подумала «почему бы и нет»? Нет, Вадик умел быть обходительным, особенно по началу. Это вот потом вылезла всякая токсичная хрень, а на первых порах её предсказать было невозможно.

Вот угораздило же Кислицына подвернуться Аленке прямо сейчас, когда все было так волшебно. Хотя был у него такой неприятный талант – портить самые светлые, самые теплые и самые счастливые моменты. Написала историю объемом на десять авторских листов? Фигня, нормальные книги – от двадцати. Получила премию от начальства за досрочно законченный проект? Фигня, нормальные программисты на фрилансе больше зарабатывают. Похудела на целый размер и влезла в новые джинсы? А складки на пузе убирать не думаешь, а, Яковлева? И вот так во всем. Немудрено, что он влез со своими токсичными грязными лапами сейчас сюда. Кажется, у него было кредо – испортить жизнь по максимуму.

– Сан... – горячие губы Макса ткнулись в шею, рядом с

ухом девушки, – почему не рассказывала, а? Разве друзьям о таких вещах не говорят?

– Макс, ты мне уже давно не просто друг, – произнесла Аленка, не раскрывая глаз, – и я не хотела говорить с тобой о моем бывшем, да и знаешь, рассказывать, что я в реальной жизни настолько глубоко лохушка – не особо приятно, знаешь ли.

– Ты не лохушка, слышишь? – Макс говорил таким тоном, что с ним даже спорить не хотелось. – Ты потрясающая, очаровательная, талантливая, волшебная, но не лохушка, ни в коем случае.

– Какие твои доказательства? – скептически фыркнула Аленка.

– Я – твоё доказательство, – Макс усмехнулся, прижимая Аленку к себе.

Аленка не стала прислушиваться к насмешливому «пф-ф-ф» со стороны разума. Она помнила те доводы. О Максе она вообще-то знала еще меньше, чем о Вадиме, когда они только начинали встречаться. По идее, пожелай Макс, и исчезнуть из жизни Аленки у него получится гораздо проще, чем у того Вадима. Но это все... Разумное. Разум помнил – Аленка тут вообще-то не так и долго пробудет. И сейчас-то с неё уже ничего не поймешь, так что, какая разница? Слов не хватало описать, как она устала осторожничать. С Максом – категорически хотелось перестать думать. Лишь только зарыться в него – как в нору, а весь остальной мир – он мог

подождать. Легко. В конце концов, ну не вечно же избегать мужчин, тем более вот таких, как Макс, таких нереальных, которые, казалось, уже только в книжках и водились.

И все же Вадик все испортил. Он был никому не нужен, уже и из памяти-то почти истерся, но все равно вперся в жизнь Аленки и все испортил. И бумажная занавеска стала стеночкой из плотного картона. Аленке же от этого хотелось разочарованно хныкать, потому что вместо того, чтобы думать о ней – Макс явно загрузился историей про Вадика. Ну, по крайней мере, так казалось по серьезно сведенным над переносицей бровям.

– Эй, если ты думаешь, как меня ограбить, учти – лучше отправь меня в турецкий бордель, потому что сейчас с меня взять вообще нечего, – Аленка хихикнула и слегка двинулась бедрами взад-вперед, заставляя Макса вспомнить о происходящем. Он вспомнил. Аленка это пятой точкой чуяла. В прямом смысле этого слова. Макс снова сфокусировал свой взгляд на девушке, и в улыбке начало сквозить что-то хищное.

– Давай так, – медленно протянул он, скользнув пальцами – теми самыми, что прятались у Аленки под платьем, – выше по бедру, так близко к самой чувствительной зоне, – будем считать, что ты мне будешь отрабатывать все то, что я бы выручил за продажу тебя в бордель. Как тебе такие условия?

– Я в отпуске девочка, а не программистка, а ты тут с такими сложными схемами, – Аленка хихикнула, – и чувствую,

что счет ты мне выставишь немаленький.

– О да. Счет будет нескромный. Всю жизнь расплачиваться будешь, – грозно пообещал Макс.

«Всю жизнь...»

Ох, как это красиво звучало. Пусть это сказано на эмоции, не всерьез, разве такие вещи в двадцать первом веке говорят всерьез? Но разве это умаляло красоту этих слов? И своей эмоциональной части Аленка дала насладиться этими словами сполна. Прагматично же... Да господи, кого волнует ворчание внутренней прагматичности? Сейчас, здесь – было тепло, было замечательно. И каждую секунду хотелось распробовать целиком, растянуть подольше это удовольствие. Вот так, как сейчас, жадными пальцами цепляясь в гладкий галстук Макса – синий галстук, в тонкую косую полоску, – впиваясь в его губы с настолько голодной алчностью, чтобы он точно не сомневался – если бы Аленка могла, она бы съела Макса целиком.

И все же – от его губ по-прежнему кружилась голова. Как-то так вышло, что вот он – был здесь, но при этом заставлял Аленку забываться еще сильнее, чем раньше, когда у неё был лишь только теоретический образ, далекий от реальности. Действительно...

Она и не представляла, насколько быстро может вскипеть. Ей-богу, ей будто было шестнадцать, и ей вышибало все разумное лишь только от одного только присутствия Макса рядом. И вот сейчас – она чудом не впивалась в губы Макса зу-

бами, потому что он все-таки залез пальцами под ткань трусиков. Господи, что это были за пальцы... И как возможно было не скулить, не содрогаться? Как было не умолять судьбу, чтобы она уже сжалилась и окончила эту мучительно бесконечную поездку.

– Приехали! – в голосе водилы слышалось облегчение.

– Наконец-то, – эти слова Аленка и Макс выдохнули хором, а водитель лишь закатил глаза.

28. Капля яда

Бывший...

Макс не верил в знаки судьбы. Но почему оно сейчас совпало именно так? Еще не хватало, чтобы по возвращении домой он застучал на пороге квартиры Соню с чемоданом её тряпья. Хотя это как раз была бредовая гипотеза. «Семейное гнездышко» Макс продал практически сразу после того, как получил бумаги на развод. Просто чтобы не берeditь ни своих ран, ни Лизиных. А нынешнюю квартиру Соня вообще вряд ли бы нашла, и даже вряд ли бы всерьез поверила, что Ольховский может жить в такой, уж больно много в её голове было стереотипов. Хотя – при приложении денег и усилий, наверное, она наверняка найти и бывшего мужа, и свою дочь смогла бы, вот только Макс доложили бы о появлении Сони в Москве, едва сойди она с самолета.

Тональность вечера сменилась слишком резко. Вот только-только все было хорошо, очень хорошо, и Сан – девушка из сказки, девушка из мечты – смущенно краснела и гово-

рила Максу слишком искренние слова. Которых он не ждал в принципе, потому что прекрасно знал, как тяжело заставить себя сказать что-то такое, когда тебе не шестнадцать и жизнь тебя, склонного влюбляться идиота, побьет об острые углы циничной реальности. Но она сказала. И сказала честно – то, что думала, это было видно. То ли Сан была слишком искренним человеком, то ли Макс и сам был слишком влюблен, чтобы в ней сомневаться.

И бывший... Да еще какой бывший – себя зарекомендовавший как мошенник.

Почему она отмалчивалась, а?

Что-то всколыхнулось?

Ревность дикая, яростная душила настолько сильно, что темнело в глазах. Он еле дотерпел, пока они поднимались в номер Аленки – и то не до конца. Воспользовавшись тем, что в такой поздний час по лестнице никто не шастал – он в какой-то момент зажал девушку в углу лестничного пролета, вжал её в стену и минут десять целовал её так, что можно было сказать, что он её языком в рот трахал. Лишь бы вышибить из мыслей образ так не кстати вывернувшегося бывшего.

Целовал, сжимал пальцами задницу так, что Аленка аж попискивала от боли и сама кусала его за губы. Ей-богу, ревность была такой отчаянно сильной, что хотелось совсем непотребного, выходящего за рамки. Заклеймить, присвоить её себе, объявить своей. Хотя бы для неё, но на самом-то де-

ле – для всех, для всего мира. Это было какое-то безумие, но при одной только мысли, что на эту девушку может заинтересованно глянуть хоть кто-то, в Максе просыпался какой-то яростный варвар, который готов был тут же проломить соперником что-нибудь твердое и незыблемое. Например – какой-нибудь вековой дуб, и плевать на его древность и историю. Варварам – точно плевать.

Оставшиеся два пролета Аленка преодолела на плече у Макса же. Потому что сил дожидаться нужного момента больше не осталось.

Сегодня – никаких долгих прелюдий. Сегодня Макс подышал от желания поскорей Аленке засадить, чтобы даже в уме не вздумала его сравнивать с бывшим и взвешивать на предмет «кого же ей выбрать». Сегодня Макс содрал с неё платье с яростным нетерпением, торопясь добраться до тела. Отвлекся от нежной, шелковой кожи лишь на миг – чтобы выдрать из-под одеяла тщательно заправленную местными горничными кровати простыню и рвануть наотмашь, разрывая пополам.

– Ты спятил? – со священным ужасом поинтересовалась Аленка, прижимая к пылающим щекам руки. Дурочка.

– Забей, я оплачу, – отмахнулся Макс. Ей-богу, меньше всего его волновали такие мирские вопросы, как стоимость простыни в гостинице эконом-класса. Если выражаться грубо – дешевой, хоть и приличной. Ну, спасибо, что не хостел – соседей Макс мог и убить еще первой ночью. А простыня...

А что простыня, ну кто-то же должен ответить за то, что у Макса сейчас нет толковой веревки. Впрочем, времени на художественную вязку сегодня тоже нет, как и желания. Все будет, но красоту можно найти и в ином.

Можно же просто швырнуть девушку на кровать, сдернуть с неё трусики – а лифчика на ней и не было, при платье с открытыми плечами это было и не странно вовсе.

Ох уж это платье... Что такого магического было в простой тряпке? Но ведь было же! Да, платье не определило всего, невозможно сделать из простого камушка бриллиант, лишь упаковав его в золотую оправу, но любой бриллиант в хорошей оправе смотрится совершенно по-другому, нежели без нее.

Вот и Сан – как только появилась сегодня перед Максом, мазнула своим алым платьем по глазам, и все – больше никто в поле зрения Ольховского просто не помещался. Красивая – нет, не гламурной, расфуфыренной красотой – а нежностью, черт, естественной элегантностью, искренностью чувств, наконец.

– Руками обхвати бедра, – шепнул Макс Аленке. Ох, как глазки заблестели, даже от сердца отлегло. Кажется, она и не начинала думать о своем бывшем. А сейчас даже не подумает подумать!

Вязать можно было чем угодно, если знал как. Простыней, длинным полотенцем, галстуком, ремнем – чем угодно. Вот и сейчас – всего-то пустил сжатую ткань вокруг бедер, обвил

её каждое запястье и связал в узел, так, чтобы не мешало. И все, пациентка была готова, натянута как струна, да еще и лежала пятой точкой к Максу. Такой потрясающей пятой точкой, что было сложно удержаться и не прижаться к нежной коже Аленкиного бедра губами.

– Сладкая...

От неё и вправду пахло чем-то сладким, Макс никак не мог надышаться. От волос и шеи – каким-то имбирным печеньем, сладким, но не приторным – это были какие-то духи, Макс был уверен. Не зря весь вечер так часто прикасался губами к чувствительной девичьей шейке, что распробовал каждую ноту этих духов.

А кожа – вот просто кожа, ненадушенная, тоже пахла сладким – каким-то миндальным лосьоном. Макс дымился с каждой секундой все сильнее. Хотя казалось бы, куда еще. Нет. Сегодня никаких прелюдий. Тем более что в случае с Сан – в них практически не было необходимости. Она крайне легко заводилась, то ли просто дело было в том, что она так реагировала именно на Ольховского. Господи, как это льстило, а! Она не доверяла мужчинам, сильно не доверяла – у неё были причины, и наверняка это недоверие и не давало ей влюбиться. А Макс смог. Смог преодолеть.

Поза была шикарнейшая. Все было выставлено на показ, и мягкая попка, и гладкие ноги... И никаких тебе препятствий, лапай что хочешь, залезай руками куда тебе вздумается, а жертва пусть возбужденно пищит, потому что ей боль-

ше ничего и не оставалось.

Между ножек у Аленки было горячо. Так горячо, что Макс, запусивший туда пальцы, прикусил Аленкину шею. Можешь ли ты хотеть еще сильнее, солнечная кошка? Можно ли хотеть тебя еще сильнее, ты не знаешь? Максу вот казалось, что нужно еще сильнее, да.

– Ох-х-х, – выдохнула Аленка, стоило только прикоснуться головкой члена к мокрой горячей дырочке. Нет, сильнее хотеть, кажется, невозможно...

Связанная женщина – беспомощная женщина. Женщина, которая, ты знаешь – принадлежит только к тебе. Она не сбежит, она даже не шевельнется, пока ты ей этого не позволишь. Для ревнивых мужиков вроде Макса Ольховского – это было замечательное средство успокоения. Он завоевал женщину, она принадлежит ему, только вали и трахай. А трахать Сан – его страстную Сан – это всегда удовольствие. Охрентельное, кипучее удовольствие, когда с первого проникновение в её жаркое тело хочется кончить, а после десятого – сдохнуть, потому что было странно, что сердце выдерживает такое количество кайфа. И каждый раз, каждый толчок в мокрое шелковое лоно – как будто шаг по канату над пропастью, падение в которую – это оргазм.

Ей-богу, сейчас Макс завидовал индийскому многорукому Вишну. Сейчас ему катастрофически не хватало пары лишних рук. Ей-богу – хотелось касаться сразу всего тела его сладкой Санни, заласкать до изнеможения, измять мяг-

кую грудь, касаться пальцами даже её восхитительных губ, с которых срывались такие откровенные, такие искренние стоны. Приходилось же обходиться всего двумя руками: одной мучить девичий клитор – ох как извивалась Аленка после первой же пары прикосновений. Наверняка мучилась от переполнявших её ощущений. Ничего. Так ей и надо, зато больше ни о чем она думать не сможет. А вторую руку Макс прижимал к горлу Аленки, сжимая его – совсем слабо, но чтобы Сан чувствовала – в чьих она руках сейчас...

«Кто сказал, что я буду думать о твоём члене...»

Зараза. Только за эту фразу её захотелось отодрать с максимальной жесткостью, так, чтобы размазать эмоционально в тоненький слой по простыне, чтобы, выдыхая после оргазма, она не смогла болтать ерунду хотя бы полчаса. Ни с кем её Макс делить не хотел. Даже в её же мыслях – ни на полпальца не позволил бы к ней никому прикоснуться. Она была только его. И больше ничья. И если для этого нужно было трахать её ночь напролет – ну отлично же, это Максу было вполне по силам. Он исцелует тело, заставит сорвать голос в криках, оставит вместо клейма штук пять засосов, и пускай она потом смотрит на них и вспоминает: кто её трахал, кто её связал – и кто её завоевал. И никаких больше Вадиков, бывших женихов – к черту.

– Макс, ты – чудовище... – прохрипела Аленка, когда Макс приходил в себя после оргазма, прижимая девушку к себе, и медитативно думал о том, как шумит у него в ушах –

и похож ли этот шум на шум прибора.

– Я знаю, – Макс усмехнулся, зарываясь лицом в её волосы, – а ты – моя красавица. Моя! Поняла?

– А ты думаешь, я думала иначе? – усмехнулась Аленка, ерзя бедрами, насколько ей позволяла простыня, и явно пытаясь прижаться к Максиму задницей.

Нет. Макс такого не думал. Ни на грамм он не сомневался в Сан. Вот только... Сейчас, жмурясь и вдыхая сладкий аромат её волос, он подумал, что вообще – её бывшего неплохо будет и пробить...

29. Жестокий

Утро начиналось прекрасно.

С горячих глубоких поцелуев, от которых Аленка завелась с полоборота.

С жадных рук и губ, скользящих по её телу, вездесущих настолько, будто Макс не хотел оставить без своего внимания ни одного клочка Аленкиного тела.

С жаркой возни под одеялом, с прикушенного уголка подушки и миллиона темных мушек перед глазами. Никогда бы не останавливалась, никогда бы с него не слезала и так бы и наблюдала смену дня и ночи, не прекращая этого танца тел, сливавших её и Максима в единое целое. Но...

– Мне пора, – мурлыкнул Макс, прижимаясь губами к виску Аленки. Он был мокрый от пота, горячий как печка, и выпускать его из рук, терять мгновения единения совершенно не хотелось.

– А мне? – поинтересовалась Аленка, потому что вообще думала, что они вместе куда-то поедут сегодня. И к Лизе тоже.

– Я должен заехать на работу на часик, поэтому ты лучше оставайся – отоспись, – по губам Макса пробежала усмешка.

– Это где ты так работаешь, что тебя по субботам эксплуатируют? – Аленке хотелось захныкать, и в общем-то она не стала себе отказывать в проявлении своего настроения, придав лицу выражение грустного котика.

– Я работаю правительственным шпионом, естественно, – Макс был неисправим – все с той же усмешкой на губах уткнулся лицом в шею, пробежался щекочущими пальцами.

– Ну, Ма-а-акс, – Аленка захихикала от щекотки и прищипнула этого несносного негодяя за ягодицу. Хотелось оторвать от него кусочек, но все-таки это было слишком кровавадное желание. Пришлось ограничиться щипком.

– Эй, я, что, не похож на Джеймса Бонда? – Макс грозно нахмурился.

Вообще... Да, из него вышел бы отличный голливудский суперагент. При этой-то обаятельной улыбке, мужественной физиономии и общему телесному рельефу.

– А где десять знойных красоток вокруг? – в его грозность верилось с трудом, хотелось лишь смеяться.

– Ты стоишь тысячи знойных красоток, Сан, не то, что десятка, – мягко улыбнулся Макс.

А вот это пробрало до глубины души. И взгляд у Макса

неуловимо изменился, и тон, которым он это произнес, вдруг стал серьезным, слегка бархатистым.

– М-м-м, – в груди защемило настолько сильно, что Аленка потянулась к Макс за поцелуем, потому что без этого точно не смогла бы оторвать ладони от задницы Ольховского. Между прочим, охренительной задницы, на которую было не грех и полюбоваться, раз уж с «пощупать» надо было завязывать.

– Ты лучше Джеймса Бонда, – заметила Аленка, наблюдая за тем, как Макс встряхивает брюки, перед тем как их надеть. Между прочим, костюм на нем реально смотрелся эффектнее, чем на многих актерах. Макс и в джинсах-то смотрелся этаким шикарным раздолбаем, а костюмчик его будто собирал, подтягивал, ставил на два уровня выше. Аленке даже не верилось, что вот с этим вот мужиком – она спит...

– Ой, не подлизывайся, лиса, мне все равно надо ехать, – Макс потянулся, щелкнул Аленку по носу. – Но если ты не приедешь ко мне после обеда – смерть твоя будет мучительна. Найду, оторву от тебя любовника, придушу его, а тебя – затрахую до смерти.

– А что будет после обеда? – Аленка подняла брови. – Что такого, что я предпочла бы это любовнику и перспективе быть затраханной?

– Скукота. С Лизой погуляем. Если ты, конечно, хочешь...

Ой, сапер. Каким осторожным голосом это было сказано.

Надо же, Макс реально опасался, что Аленка может не захотеть.

– Ну, от такого предложения я отказаться не смогу, – откликнулась Аленка. – Созвонимся же? Блин...

– Что? – Макс бросил на Аленку удивленный взгляд.

– Телефон же... – Аленка многозначительно скривилась. Договаривать не хотелось. Не хотелось портить сегодняшнее утро звучанием слова «урод», а никакого иного слова Вадик не заслуживал. Нет, у Аленки, конечно, еще был небольшой финансовый резерв, его можно было использовать на телефон какой-нибудь простенькой модели, но это не отменяло того, что Кислицын повел себя отвратительно.

На физиономии Макса расцвела удовлетворенная усмешка.

– В тумбочку загляни, – таинственно посоветовал он, застегивая запонку. Между прочим, Аленка еще ни разу не видела: ни рубашек с запонками, ни процесса продевания запонки в петельки на манжете рубашки. Это все очень акцентировало внимание на запястьях Макса. Таких красивых запястьях, блин. Чудом вообще услышала, что Макс сказал, и дернула за ручку ящик тумбочки. Увидела белую простую коробочку с серебристым надкушенным яблоком сбоку. Охренела.

– Чего-о-о?

– Пожалуйста, котенок, – Макс выглядел довольным. Сюрприз удался, блин. Господи, ну это же дороженая хрень.

Настолько дороженная, что провинциальная программистка боялась смотреть в сторону ценников телефонов этой марки и удовлетворялась до этого моделями попроще. И-и-и... И как это было принимать? Закон же «принимай подарки только те, которым можешь предложить равноценный ответ» никто не отменял.

– Ты когда его вообще успел купить?

Если всю ночь они вообще-то с Максом кувыркались, и даже утром – тоже. И вряд ли он куда-то выходил, хотя и было ощущение, что он проснулся раньше Аленки. Но не настолько же, чтобы незаметно свалить. И не так крепко она спала, чтобы не услышать, как открывается дверь.

Макс сначала с минуту молчал, застегивая пуговики на жилете, а потом глянул на Аленку с таинственной физиономией.

– А сама не догадаешься?

– Не люблю гадать.

– Да по интернету заказал, пока ты вчера в душе торчала, – Макс пожал плечами, выражением лица заявляя что-то вроде: «Ну, это ж очевидно, Сан».

– С доставкой, что ли?

Макс кивнул, а Аленка, припоминая примерные расценки курьерской доставки по Москве, расстроилась еще сильнее. Она и думать не хотела, что он так на неё будет тратить.

– Котенок, ты как-то погрустнела, – Макс шагнул к кроватке.

ти, на которой, собственно, и лежала Аленка, завернувшаяся в одеяло, и сел на краешек, ловя девушку за подбородок. – Я что-то не так сделал?

– Он – дорогой, – Аленка сморщила нос.

– Да не очень, – Макс пожал плечами. – Точно не дороже денег, а мне же нужно с тобой связываться.

– Я тебе отдам за него деньги, ладно? – неловко спросила Аленка. Потому что это было, блин, неудобно...

– Не-а, не ладно, – Макс качнул головой. – Это подарок. Уймись уже, Сан, ей-богу, это всего лишь телефон.

– Дорогой телефон, – возразила Аленка.

– Сан, – Макс вздохнул и прижался лбом ко лбу Аленки, – пожалуйста, давай не будем из-за этого спорить, а? Я просто хочу, чтобы у моей девушки был хороший телефон. Какие-то проблемы?

Моя девушка... Дипломатический прием, оказывающий эффект тотального разоружения всех взведенных боевых орудий. Потому что все это время, да – ужасно банальный вопрос маленькой влюбленной дурочки – свербел на краешке подсознания.

«Кто я для него?»

Аленка себя за этот вопрос слегка презирала, потому что ну вообще-то – ну какая же разница? Компания – есть, общение – есть, секс – тоже в довольствии, так зачем бы все эти условности и капризы внутренней, требующие обозначения какого-либо статуса этих отношений. Она же сама себе дава-

ла зарок, что больше не будет проваливаться в мужчину так глубоко, чтобы хотеть «по-серьезному», и точно не будет видеть в мечтах ни свадебного вальса, ни обручальных колец.

Ну, хватило же тех мечтаний, честно говоря, до краешка. Нет, вряд ли будет как тогда – с вычищенным счетом, с выдающей из-за пропавших фамильных сережек матерью, с кучей звонков от кинутого женишком его друзей.

Но все равно еще раз испытывать это странное чувство, когда осыпаются осколками небеса, державшиеся на светлой вере в лучшее, – нет, не хотелось. Лучше в принципе ни во что заранее не верить.

Наверное, стоило быть чуть более циничной. Хотя это в принципе было сложно.

– Сан, – шепнул Макс, и Аленка, отчаянно жмурившаяся и перебивавшая себе навязчивую горечь от обострившихся воспоминаний вкусом слов «моя девушка», сказанных Ольховским, – тихонько вздохнула.

– Ты же мой подарок примешь, да? – он говорил так жарко и волнующе, что мозг начинал таять, как сосулька на солнце.

– Угу... – Аленка тихонько обмирала от горячего дыхания на своих губах, – только... Макс...

Она хотела обговорить, чтобы он больше так не делал. Потому что... Потому что это было все-таки неправильно. Наверняка у него было, куда потратить эти деньги с большей пользой. Дочь, в конце концов, была. А с детьми всегда находилось, куда девать деньги.

– Не надо условий, Сан, – Макс стиснул пальцы на её плечах, – прими просто так. Ты – моя богиня. Это – мое жертвоприношение. Мизерное, кстати. Хорошо?

Зараза. Вот зараза же. Подобные слова должны были быть под запретом – они размазывали разум в тоненький слой, из которого совершенно невозможно было быстро восстановиться.

– Хорошо? – произнес, добивая – прижимаясь горячими губами к шее, заставляя мысли рассеяться окончательно.

– Да. Да, – простонала Аленка, сдаваясь. Ладно. Она попросит об этом как-нибудь потом. Когда получится сказать. Сейчас из пляшущих по уголкам сознания буковок внятные слова было составить на диво сложно.

– Вот и умница, – усмехнулся Макс, совершая преподлейший поступок – отстраняясь от Аленки. – Офигеть, я уговариваю девушку принять от меня подарок. И когда я до этого докатился? Плохие подарки, видимо, дарить начал.

– Хорошие, – проворчала Аленка недовольно – в конце концов, раздражил и явно намерен свинтить. Большого греха ни один из князей Ада еще не придумал.

– Уж надеюсь, – Макс вздохнул, бросил взгляд на часы и встал. – Сан, прости, я уже жутко опаздываю.

Пришлось срочно вылетать из-под одеяла, забив на полное отсутствие одежды на теле. Тем более что в простыню со вчерашнего дня Аленка завернуться не могла, даже спали на покрывале. Догнала Макса у двери, прижалась к нему,

потянулась к губам.

– Ох, Сан, – тихо простонал Макс, подталкивая Аленку назад, прижимая к стене, – ну что ты делаешь, я должен уйти. Серьезно.

Но он не выдержал. Хорошо, что не выдержал – припал к губам Аленки своим голодным ртом. Вжал в стену, скользнул ладонью вниз, сжимая клитор. Волна возбуждения от захлебывающихся поцелуев и этой откровенной ласки была практически сокрушающей. А потом...

– До того, как мы встретимся – не вздумай себя трогать тут, поняла? – вкрадчиво шепнул Макс, отрываясь от Аленкиных губ и сжимая набухший клитор сильнее.

– Да! Да! – это было перевозбужденное хныканье, на что-то менее внятное Аленка не была способна. Даже с трудом соображала. Господи, как же горячо, с ума сойти можно. Может... Может, он разденется еще разик?

– Тогда до встречи, котенок, – улыбнулся Макс и выскользнул из комнаты, оставляя Аленку голышом – и дымящейся.

Ну, Ольховский!!!

30. Право на один звонок

Существуют такие мужественные люди, которые могут перестать думать о сексе. Они прям все из себя такие выдержанные, что могут сопротивляться одолеваящему их возбуждению. Вот хоп, взяли, выдохнули и взялись за работу.

Аленке не помог ни холодный душ, ни дыхательные

упражнения. И не получалось сосредоточиться на приключенческой сцене в новой главе, которую пыталась написать, чтобы отвлечься. Пыталась. Получалось так себе. Герой с героиней порывались потрахаться вместо того, чтобы подраться. А им было рано. Им вообще в этой истории полагалось только поцеловаться, и то ближе к финалу. А им было пофигу на все, что полагалось, и на то, что за окном бушевала битва. Герой с героиней смотрели друг на дружку и грозили выжечь весь кислород в окружающей их локации вспышкой одержавшей их страсти...

Аленка три раза начинала главу заново, и когда на третий раз поймала себя на том, что герои уже опять побросали оружие и всюю друг дружку раздевают, бросила это гиблое дело.

Ольховского надо было проклясть. И изнасиловать. И связать. Да-да, его самого, связать, и... и... перевязать ему его «коня». Потому что нефиг так жестоко обращаться с девушками!

Планшет Аленка выключила, выудила из собственного раздолбанного телефона сим-карту и вставила её в новый. Господи, до чего выпендренный аппарат. С непривычки даже отпечаток пальца на защитном стекле казалось необходимым немедленно стереть.

Ладно. Это потом пройдет... Наверное. Кстати Макс даже чехол для телефона приобрел, предусмотрительный, блин.

Вообще-то Аленка включала телефон, чтобы написать

Максу все, что она о нем думает – ну и вернуть ему сторичей это невыносимое утро. Но к своему удивлению увидела сообщение о пропущенном вызове с незнакомого номера. Перезванивать не стала – да и не успела, в общем-то. Стоило только прогрузиться сети, как телефон завибрировал. С пару секунд Аленка смотрела на экранчик, размышляя: стоит ли брать трубку, затем подумала, что звонок из какого-нибудь медицинского центра вполне переживет – не упустить же возможность потроллить какого-нибудь придурка из колл-центра.

– Алло.

С секунду звонящий молчал, будто не ожидал, что Аленка возьмет трубку.

– Так и не сменила номер, Элли?

Вот что обладало тем самым антивозбуждающим эффектом.

Голос Вадима.

И даже «спасибо» ему говорить не за что было – так испортить настроение нужно было умудриться.

Пару мгновений Аленка думала: не бросить ли трубку, но потом подумала, что многовато чести. Она его и словами пошлет, а сбросить вызов – дать Вадику повод подумать, что она к нему что-то там питает, раз настолько сильно переживает из-за его звонка.

– Ну что, ничего не скажешь, Элли?

Когда-то Аленка считала, что у Вадима приятный голос.

Теперь же раздраженно находила его излишне высоким. Почти как у бабы.

– Кислицын, если я вчера не позвонила в ментовку, кто сказал, что я не сделаю этого сегодня?

– Прости за вчерашнее, Элли, – Вадик явно пытался флиртовать, по крайней мере говорил он, пытаясь придать голосу брутальной хриплости. Получалось смешно.

Аленка презрительно фыркнула.

– Что, не хочется в места не столь отдаленные, Вадичек?

– Не хочется, – прямо ответил несложившийся женишок. – Я тут вроде только устроился, только все наладилось, и тут ты...

– Мне не до тебя, – отрезала Аленка и сбросила звонок. Разговаривать с Вадимом было неприятно. Поневоле вспоминались – и несколько лет с ним, и несколько лет после него. И особенно бесило это «Элли». Собственно это прозвище Аленке когда-то очень нравилось, и до тошноты было обидно, что так называл её именно этот ушлепок. Хотя... Сан – из уст Макса – Аленка сейчас не променяла бы ни на что.

Телефон зазвонил снова. На дисплее высветился тот же номер. И Аленка мужественно вытерпела три прозвона, пока нервы не сдали, и, ткнув в зеленую трубку, не рявкнула в динамик.

– Кислицын, отвали.

– Элли, ну чего ты? – мирно, как ни в чем не бывало, под-

лизывающимся тоном, произнес Вадик. – Я же по-хорошему хочу.

– Я вчера уже видела твое по-хорошему...

– Я вчера ужасно испугался, – оправдывающимся тоном взвыл Вадим. – И это было тупо.

– Хочешь мне новый телефончик оплатить? – елейным голоском уточнила Аленка. – Так не проблема, сладкий, номер карты привязан к этому номеру, сейчас я тебе скину чек за покупку нового.

– Я лучше могу, – заявил Вадик, – я хочу вернуть тебе серьги твоей прабабки.

Ох, ни хрена себе...

Аленка аж дар речи потеряла.

Нет, как знак «компенсации» за разбитый телефон это был так-то так себе жест – вернуть некогда украденную им самим же вещь. Но в принципе... Недели дома не проходило без того, чтобы родительница не проходила по Аленкиной совести наждаком, напоминая, что фамильная драгоценность, единственная сохраненная в семействе на память о том, что корни их семьи вели к известному дворянскому роду, – и утеряна по вине Аленки. По вине того, что она привела в дом «не того» мужика. Про то, что, кстати, с Вадиком Аленку познакомила мамина же приятельница, мать вспоминать не любила.

– Ты их не продал?

Вообще-то серьги были даже дороже, чем те несколько

кредитов и Аленкины сбережения вместе взятые. Поэтому в их сохранность верилось с трудом, конечно.

– Рука не поднялась, если честно, – покаянно произнес Кислицын. – Честно говоря, мне было ужасно стыдно так с тобой поступать. Просто я уже не мог жить в нашей дыре. Хотелось воздуха, хотелось жизни.

Аленка слушала это, и на лице складывался покерфейс. Он не мог жить в дыре... Господи, а кто мешал сказать об этом Аленке? Кто мешал взять те же сбережения и рвануть в столицу вместе? Ну, ведь устроился же здесь Артем, и Аленка наверняка смогла бы. И какой жизни он хотел? Вот такой? Был известным журналистом в «дыре», а стал охранником занюханной галерейки – но в столице. Стоило того, разумеется.

Про то, что Вадик не продал серьги из какого-то трепета, – Аленка не поверила. Скорее, берег на черный день, потому что все-таки серьги реально были дорогие. А вот сейчас, кажется, перетрусил и решил вернуть. И по идее, этим не грех было и воспользоваться...

– Ну так что, Элли, пересечемся-поговорим?

Аленка думала с пару минут.

– Хорошо, – медленно произнесла она. – Только в очень людном месте, потому что, знаешь ли, я в курсе, что я вообще-то свидетель по твоему делу. И если меня не станет, то тебе будет легче жить.

– Элли, ну ты вообще что ли? – едва ли не в ужасе поин-

тересовался Кислицын. – Какой из меня вообще убийца, а?
Вор. Мошенник. Большой ли путь до убийцы? Ну, наверное...

– Все равно. Я тебе скину адрес.

– Хорошо. Элли, только приходи одна, без своего психа.

Мне хватает сломанного носа.

Охренеть, то есть он вчера разбил Аленке телефон, а психом именуется Макса? Впрочем, ничего удивительного. Он всегда заявлял, что, мол, не будет марать себе руки и драться, вступаясь за женщину в каком-то конфликте. Мол, женщина не должна становиться причиной конфликта.

– Да была охота Максима беспокоить из-за тебя...

Сбросив вызов, Аленка задумалась. А затем перезвонила Максусу.

– Ну, наконец-то. Я уже думал, что плохо тебя завел, – насмешливо заметил Ольховский, поднимая трубку. Кажется, вот сейчас начальника с ним рядом не было. Блин, до чего приятный у него был голос, и у раздосадованной звонками бывшего Аленки аж потеплело на душе. И даже стыдно стало обманывать его ожидания.

– Макс, тут такое дело...

Вот что у Ольховского было – так это умение слушать. Редкий талант для мужчины, так-то. Макс выслушал сбивчивый Аленкин рассказ, не перебивая.

– Такие важные серьги? – уточнил он. – А то знаешь, твоя жизнь мне в тысячу раз дороже любых денег. И я бы посо-

ветовал не ходить.

– Важные, – Аленка вздохнула. – Семейные, антикварная ценность и все такое. Мама из меня душу уже тысячу раз за них вынула.

– Это она зря, – задумчиво пробормотал Макс. – Все равно это всего лишь бирюлька. А ты – живой человек.

– Думаешь, не стоит ходить, да? – виновато переспросила Аленка.

– Думаю – да, но ты же пойдешь, так? – Макс с той стороны трубки отчетливо вздохнул. Да, в общем и целом он Аленку знал неплохо. Она и вправду редко вела себя уж очень здравомысляще. Взять эту же поездку – ни одна здравомыслящая девушка не поехала бы черт знает куда и черт знает к кому, и уж точно – не влюблялась бы в мальчика из интернета.

– Я хочу пойти, да. Может, посоветуешь место для встречи? Чтобы там были люди.

– В принципе, кафе подойдет, – медленно произнес Макс, явно что-то прикидывая, – помнишь то, в котором мы ужинали с Лизой?

– Помню, но от адреса бы не отказалась.

– Хорошо, Сан, я скину. Только... Я пришлю в то кафе своего друга, ты не против?

– Зачем? – удивилась Аленка.

– Ну, по крайней мере, он, если что, сможет набить твоему бывшему морду вместо меня, – фыркнул Макс. – А вообще

– просто для страховки.

– Ну ладно... – протянула Аленка. Что-то в ней сомневалось, что Кислицын ей осмелится что-нибудь сделать. Но суть оставалась той же. Даже если сейчас Аленке не хотелось портить себе отпуск и начать долбить клювиком правоохранительные органы, чтобы они арестовали Вадика. Это было геморройно, это требовало времени, а Аленка сейчас каждую украденную от совместного времени с Максом секунду записывала себя в послужной список грехов. Но даже если так – Вадик оставался преступником. Мудаком, вором и мошенником, и доверять ему не стоило. Если в нем еще шевелится что-то человеческое – окей. Позволим ему вернуть серьги. Но делать это без страховки слегка страшновато.

– Я так понимаю, все настроение, что я тебе задал утром, утрачено безвозвратно? – вкрадчиво поинтересовался Макс, отвлекая Аленку от её невеселых дум.

– Угу, – виновато вздохнула девушка, – придется тебе настраивать меня заново. Простишь?

– Ни за что, – с удовольствием откликнулся Макс, явно упиваясь своим беспощадным ответом. – Вечером тебя ждет наказание.

– Ты меня снова свяжешь? – с интересом спросила Аленка.

– Это я собирался сделать и так, – усмехнулся Макс. – Нет. Наказание будет слегка иным. Только надень платье, будь так любезна. Договорились?

– Слушаюсь, мастер, – улыбнулась Аленка, и эта слегка глуповатая улыбка сохранялась на её лице еще некоторое время, после того как она наконец перестала отвлекать Макса от его работы. Теперь уже пофиг было даже на грядущую встречу с Вадиком. Интересно, что там придумал Макс...

31. Неприятное и его послевкусие

Встреча с Вадиком прошла «в штатом режиме». Как профилактический поход к зубному врачу – и пусть бывший зудел как бормашина, но все-таки он не соврал. Сережки Кислицын действительно вернул. И Аленка долго придирчиво рассматривала блеск фамильных бриллиантов на свет, пытаясь разглядеть клейма. Увы, зрения было не такое, как у ювелирных луп. Да и все те показатели, в которых разбиралась мать, вроде чистоты, цвета и происхождения, для Аленки были как темный лес.

– Даже камушки не подделал? – подозрительно поинтересовалась Аленка, хмуро разглядывая Вадика из-под нахмуренных бровей. Выглядел бывший женишок бодреньким, отощавшим и по-прежнему ушлым. Вот и тогда он Аленкиной интуиции не понравился, но мама же зудела, что «мальчик – серьезный журналист»... И вроде как «стерпелось» и даже «слюбилось» слегка. Приглушенно, но все-таки.

– Камушки отдельно стоят дешевле, – недовольно откликнулся Вадим, скрещивая руки на груди и вовсю корча из себя обиженного. Ага, конечно, у Аленки же нет поводов в нем сомневаться, да?

– Ну, если моя мать таки обнаружит подмену, то, боюсь, по закону кармического воздаяния в следующей жизни ты родишься жуком-навозником, – Аленка захлопнула коробочку и сунула её в сумку. – Прощай, Вадичек, попутного тебе ветра.

– Эй, погоди, – Вадик дернулся и вскочил из-за столика, ловя Аленку за запястье. И вот поди-ка попробуй не косись подозрительно на вторую его руку, подозревая, что он ей в сумку залезет и выудит не только свежеввозвращенные сережки, но и кошелек с телефоном.

– Кислицын, подбери клешни, пока по морде сумкой не получил, – процедила Аленка сквозь зубы. Это Максимум можно было хватать её в любое время дня и ночи и за что угодно, а этому мудаку, который только и сделал, что частично вернул украденное, позволять не хотелось даже к себе на «ты» обращаться.

– Что, прошла любовь, завяли апельсины? – саркастически поинтересовался Вадим. – Я, между прочим, только из-за тебя эти серьги и берег, а ты со мной даже не пообедаешь?

– Не пообедаю, – Аленка закатила глаза. – Кислицын, а деньги ты мои совершенно случайно из-за меня не потратил? Так может, вернешь? Номер счета скинуть в эсэмэсочке?

– Это были наши общие деньги... – возразил Вадим.

– Это были мои деньги, – с нажимом произнесла Аленка. – Те самые, которые я, как дура, откладывала на нашу с тобой свадьбу, пока ты, милый друг, расплевался с редак-

тором, испортил себе имидж к черту и в наших газетах только пороги обивал, а потом строил из себя никем не понятого творца. Зарплату ты же тогда не приносил, только пособие по безработице. Так что это были мои деньги, как бы тебе ни хотелось к ним примазаться. И, кстати, телефон ты вчера разбил тоже мой, да. И твои друзья, которых ты прокинул, осаждали мой дом, трепали мои нервы, угрожали проблемами мне. Так что, поди нахрен, сделай одолжение, Кислицын, и скажи спасибо, что я здесь без ментов.

– Спасибо, – произнес Вадик, глядя Аленке в глаза. С любопытством, раздери его Ктулху. Аленка чудом справилась с желанием вцепиться ему в физиономию когтями, но было жалко дорогущий маникюр. Аналогичный она себе уже вряд ли позволит. Но все равно он не имел права проявлять к ней интерес. Она его этого права уже очень давно лишила.

– Пошел ты, – Аленка дернула руку, выдирая её из цепких пальцев Вадика, – по морде бы тебе дала, да руки об дерьмо пачкать неохота.

– Хорошо же у тебя самомнение подлетело с новым богатыньким кавалером, – процедил Кислицын, и взгляд его сразу стал колючим и злым. – Сразу вроде как и не при делах, как будто и не спала со мной. Он-то не спрашивает с тебя за твои проститутские юбочки, да?

– А ты как будто имеешь право с меня спрашивать про моих кавалеров и про мои юбки.

Аленка двинулась, пытаясь обойти Вадика, он как нароч-

но толкнул её плечом, но, в общем-то, на этом его агрессия и закончилась. Аленке хотелось только выскочить из кафешки побыстрее и побыстрее оказаться подальше отсюда. Вадик мог выйти вслед за ней, снова что-нибудь вывезти. Рот болезненно кривился.

– Сан! – голос Макса раздался откуда-то слева... Аленка обернулась и тут же увидела его – только вылезшего из какой-то тачки. Бросилась к нему, практически врезалась в него, вцепилась в лацканы пиджака. Нет, не плакать, не плакать, ни в коем случае? Мало, что ли, из-за Кислицына было пролито слез? Но вот как-то само собой получалось, сами бежали по щекам соленые капли, сами рвались из груди слабые всхлипы.

– Ну, тише, тише, солнышко... – умоляюще шепнул Макс, увлекая Аленку в салон. Здесь было прохладно и пахло кофе. Аленка лишь сжала пальцами шероховатую ткань еще крепче, так, что побелели костяшки, так же крепко зажмурилась, а затем отстранилась, выдыхая из груди эту обострившуюся боль. Прощлась по щекам тыльной стороной левой ладони, стирая слезы. Здесь, на заднем сидении машины, в прохладном полумраке дышалось чуть легче. Да, было больно это все сейчас вспоминать, было больно в который раз соприкоснуться с Кислицыным, токсичным как одна большая вселенская помойка.

– Ты что тут делаешь? – тихо спросила у Макса, глядя в его глаза. Видела она их, кстати, так себе, лишь только по

бликам света в темных зрачках и отмечала движение. Его тут быть не должно было. Он должен был быть на работе. Не доверял, что ли? Даже своему другу, которого послал для страховки?

– Приехал только что вообще-то, – Ольховский чуть потянул Аленку к себе, усаживая её на свои колени. – Не мог нормально работать, зная, что ты тут встречаешься с бывшим.

– Боялся за меня или ревновал?

– Почему «или», золотко? – Макс чуть усмехнулся. – И то, и то, и ты даже не представляешь, насколько сильно я боялся и ревновал.

В кармане у Ольховского, прямо под бедром Аленки, что-то завибрировало. Телефон. Макс выудил его из кармана, скользнул пальцем по дисплею, принимая звонок, прижал смартфон к уху, зажимая его плечом.

– Да, Валер, я слушаю...

И с минуту Макс слушал, что ему говорят, осторожно поглаживая Аленкино колено пальцами.

– Хорошо, спасибо, что подстраховал, – наконец произнес он. Из трубки донеслось отчетливое: «Сочтемся», – на что Макс фыркнул и сбросил вызов. Долгую пару минут он смотрел на Аленку.

– Твой бывший добрался до метро. Дальше его отслеживать не стали, – буднично улыбнулся Макс.

– И туда-то не надо было, – Аленка скривилась, пытаясь вышвырнуть из головы все ненужные мысли. Вадик не стоил

таких усилий, совершенно.

– Рус, вези нас домой, – Макс произнес это, повысив тон, и только сейчас до Аленки дошло, что вообще-то в водительском кресле сидит еще один человек.

– Личный водитель? – удивленно уточнила она. Нет, она, конечно, понимала, что у Макса деньги были, и его столичная зарплата была в пару-тройку раз больше зарплаты провинциальной программистки, но все-таки это было слишком шикарно.

– Взял рабочего, – Макс отмахнулся, будто это было несущественно. – Ты почему ревела, солнечная? Он тебя обидел?

Он был напряжен. В его тоне, в позе, в пальцах, по-хозяйски сжимавших Аленкино колено, сквозило беспокойство. Будто бы он вопреки здравому смыслу хотел озвучить вопрос: «Или может, ты хочешь его вернуть?». Только этим можно было объяснить явственное, едва заметное напряжение. Потому что вроде как больше было и не из-за чего. До чего неправильно он понял Аленкины слезы...

– Да просто нахлынуло, – неохотно откликнулась Аленка. – Кислицын умеет вытрепать нервы парой фраз, сейчас просто вспомнились те гадости, что он мне частенько наговаривал. Да еще и после его побега у меня долго были проблемы с теми, кого он кинул. Они же ни с кого не могли спросить украденные им деньги, только с меня. Им было плевать, что он и меня обокрал тогда. Мы с матерью аж переехали на другой конец города, чтобы нас не доставали. Честно говоря,

даже город думали сменить, но вроде сейчас все улеглось.

Теплые пальцы сжали её подбородок. Макс потянул её лицо к себе, невесомо коснулся губами переносицы.

– Все хорошо, солнечная, – шепнул он. – Все уже хорошо, я тебя никому не отдам. И обижать тебя никому не позволю. И прости, что позволил сегодня...

Ох, Макс. И вот он еще смел думать, что Аленка кого-то там могла хотеть вернуть. Когда вот он, воплотившийся в реальность сон, мечта, в которую хочется завернуться. Мужчина, рядом с которым любая старая боль отступала, истаивала, заживала до почти незаметных шрамов. Рядом с ним-то было нечего бояться. Уж кто-кто, а Макс Аленку не обманет. И менять даже несколько дней с ним на вечность с Вадиком? Да ладно, Аленка, что, враг самой себе, что ли?

Остаток дороги удалось провести так, чтобы водитель не мог пожаловаться, что Ольховский пользуется служебной машиной не только в личных, но еще и неприличных целях. Хотя на самом деле это только Аленке удалось, хотя это и было сложно, а вот Макс с абсолютно спокойной улыбкой сидел себе, запустив правую, невидимую водиле руку Аленке под юбку, забрался в её трусики, как будто так и надо было, и легонечко поглаживал там, у самого входа в лоно. Кажется, его пальцы там танцевали какой-то ритуальный танец. И не только ведь ласкал самым непотребным образом, но еще и нашептал Аленке на ухо, что бы он сейчас с ней сделал, если бы у них не было свидетелей. Нет, он по-прежнему был ма-

стером «вербального секса», а Аленка сейчас очень хотела нырнуть в ванну со льдом, остужать раскаленный мозг – ну и тело тоже, да. Как от неё пар не шел – была загадка.

– Ты издеваешься, да? – тихо шепнула ему Аленка в какой-то момент. Слава богу – магнитола голосила что-то дурным голосом про алкоголичку, водитель всего этого вроде не слышал. Ну, по-крайней мере на его физиономии был профессиональный покерфейс.

– Я тебя перенастраиваю, – усмехнулся Макс лучшей из всех своих обезоруживающих улыбок. – Потому что мне испортили весь мой коварный план.

– Нравится меня мучить?

– Мне нравится заставлять тебя кончать, – бархатным шепотом сообщил Макс. – Нравится тебя возбуждать, так, чтобы ты думать ни о чем не могла, только обо мне. Мне много что нравится делать с тобой, Сан, но не мучить, ни в коем случае.

– Ну, ладно, убедил, – Аленка прижалась к его колючей щеке губами. – А что там с обещанным наказанием? Ты не передумал?

– О нет, милая, – коварно улыбнулся Макс. – Можешь даже не надеяться на мое милосердие. Дай только до дома добраться...

32. Шарик. Просто шарик

– Макс...

Ответом на этот практически капитулирующий стон стала

лишь усмешка.

– Кто-то там называл меня мастером.

Аленке хотелось сгореть. Потому что в принципе жить вот так, как сейчас – раскаленной до бела, – было, конечно, офигеть как приятно, остро, волнующе, но на самом деле – почти невыносимо. Потому что вот здесь был Макс, то и дело провоцирующий Аленку случайными прикосновениями, а внутри Аленки, в тесно сжатом лоне, касался внутренних стенок шарик со смещенным центром тяжести.

Честно говоря, сначала Аленка не особенно поняла, в чем прикол этой затеи. Ну подумаешь, шарик, он небольшой, с членом несравнимый, а потом...

А потом поняла, что гулять с подвижным ребенком, ходить торопливым шагом, подниматься по лестницам, спускаться по ним – когда внутри тебя трется о чувствительные стенки и задевает очень чувствительные точки прохладное инородное тело с бархатистой поверхностью, действительно – то еще испытание.

И если сначала все было так невинно, ну подумаешь, легкое трение, это даже приятно, то сейчас – смертельно хотелось забиться куда-нибудь в туалет, сжать пальцами клитор и довести саму себя до разрядки. Но во-первых, этого делать было нельзя, потому что вообще-то Макс был рядом. Смотрел на Аленку своими шоколадными глазищами так жадно, будто в уме её как раз шоколадом и обмазал, и медленно, неторопливо облизывал. А во-вторых – по условиям игры

этого делать было нельзя. То есть, даже если бы у Аленки и была возможность сжутьничать и получить, наконец, свой долгожданный оргазм – она бы не стала этого делать, потому что не хотела проигрывать.

Приходилось терпеть и наслаждаться собственной честностью. Ей-богу, чувствительность повысилась в разы. Аленка даже ощущала, что шарик был не полностью гладкий, а слегка рельефный. Самую чуточку – наверное, будь рельеф очень ярко-выраженным, Аленка бы уже проиграла, но нет – пока она держалась. Зато полностью изучила «наощупь» и продольную извилистую линию, опоясывающую шарик, и две выпуклости, расположенных асимметрично. Выпуклости эти были действительно маленькие, но когда они – именно они – задевали какой-то очень чувствительный участок лона, – у Аленки из ушей чуть искры не летели. В эти моменты она сжимала локоть Макса еще сильнее, впивалась в него пальцами – а хотелось зубами. Потому что жарко было и снаружи – все-таки лето в кои-то веки не скупилось на тепло, – и внутри, причем количеством тепла, что сейчас пропекало Аленку до румяной корочки, можно было бы обогреть пару московских микрорайонов.

Шарик, кстати, почти не нагрелся, и в этом была ирония. Он-то был прохладный, а Аленка же едва не задыхалась от переполняющей ее духоты.

Самое, что было нечестное, по идее, прогулка с Лизой была нужна для сближения с девочкой, а не для того, чтобы

Аленка изнемогала от желания кончить наконец.

В общем и целом Лизе, конечно, было не до неё. Но все-таки глядеть на какую-то очень печальную мордашку девочки, а думать только о сексе – было как-то не очень.

А так – с Лизой гулять было легко. Особенно с Лизой и самокатом, благо девочка была уже поднатасканная, останавливалась у переходов, не заезжала на выезды и не уезжала далеко от отца. Она была какая-то жутко невеселая, и на самом деле Аленке это не нравилось. Они даже забегали в какую-то кафешку – и Аленка улучила момент, пока Лиза мыла руки, чтобы спросить: «Что случилось?»

Лиза промолчала, даже глаз на Аленку не подняла. А вроде нормально же все было... Еще вчера Аленка сумела добиться того, чтобы Лиза на неё смотрела хоть и с опаской, но все-таки с симпатией. И все. Все исчезло как дым. Что вообще могло случиться?

Макс тоже это замечал и недовольно хмурился порой, глядя на дочь, которая никак не поддавалась расслабляющему влиянию прогулки.

– Может, мне все-таки не стоило с вами идти? – в какой-то момент поинтересовалась Аленка, когда ей удалось присесть и хоть на пару минут перевести дух. – Кажется, Лиза не рада меня видеть.

– Она с утра такая, – негромко откликнулся Макс. – Так что ты не при чем, Сан.

– А ты утром домой заезжал? – поинтересовалась Аленка,

а потом запоздало сообразила, что да – заезжал. По крайней мере сменил костюм с выставки на джинсы, майку и синий пиджак. Стиляга, блин.

– Ну, знаешь, – Макс виновато улыбнулся, – по субботам я всегда с Лизой завтракаю, даже если мне нужно на работу.

Взглядом он вроде бы извинялся. Балбес. Потому что да – утром он уехал и бросил Аленку одну. Но, в конце концов, понятно, что некоторые его обязательства требовали, чтобы он с Аленкой проводил не круглые сутки. Вообще, для человека с работой и дочерью в придачу Макс еще офигенно справлялся, выделяя Аленке ужасно много времени.

– У неё ничего не болит? – задумчиво поинтересовалась Аленка. – Голова там, зубы, живот... Нютка всегда ходила мрачнее тучи, если у неё что-то побаливало.

– Я спрашивал утром. Госпожа императрица не призналась, – вздохнул Макс.

Ну, если дело не в болячках, и не Аленке, то в чем? Просто Лиза встала не с той ноги? И как это исправить?

Про аквагрим, валяющийся на дне сумки и дожидаящийся своего звездного часа, Аленка даже не вспомнила – наткнулась, когда полезла в сумку за бутылкой с водой. Полезла, кстати, из-за пресловутого шарика – пить порой хотелось невероятно. И влезть целиком в фонтан, вокруг которого они сейчас гуляли – тоже. Но наткнулась пальцами на коробочку с красками, и её осенило.

– Лизочек, иди сюда, – окликнула она Лизу, когда она в

который раз «обгоняла» их с Максом.

Нютка обожала разрисовку аквагримом когда-то. Для неё какая-нибудь разноцветная фигулина на лице была даже лучше, чем большая бандура сахарной ваты. Причем у Нюты этот бзик был аж до шестнадцати лет, и не было хуже выходного дня, в который Нюте не дали разрисовать себе лицо. Мать даже в свое время выдавала на аквагрим по выходным определенную сумму, которую Аленка благополучно зажимала себе – потому что умела смотреть ролики на ютьюбе и кисточкой владела не хуже.

К идее разрисовать лицо Лиза отнеслась сначала настороженно, а потом расцвела улыбкой – как только Аленка предложила Лизе сделать «боевую раскраску» взаимно.

– Я думал, ты только пишешь классно... – задумчиво произнес Макс, когда Аленка, улыбаясь, рисовала на подставленном солнечным лучам и кисточке Лизином личике кошачью мордочку.

– Я все делаю классно, Ольховский, – невозмутимо усмехнулась Аленка и прямо глянула на него. Абсолютно не удивилась, когда на лице Макса расцвела плутовская улыбка.

– Не согласен? – Аленка чуть сощурилась.

– Согласен, согласен, – Макс задрал ладони к небу, будто сдаваясь.

– Я так не смогу, – протянула Лиза, разглядывая собственный «макияж», а потом, дурачась, мяукнула. Кажется – помогло.

– Ну, нарисуй хоть пару бабочек, как сможешь, – улыбнулась Аленка. – И ты же хорошо рисуешь, Лизочек, джинсы мои вспомни.

– Ты – гений, Сан, ты в курсе? – восхищенно поинтересовался Макс, наблюдая за дочерью, которая теперь носилась вокруг фонтана с отчаянным мявом и пугала голубей.

– Ну так, слегка, – Аленка тоже была довольна результатом. Личико Лизы просветлело. Ну, хоть не без толку тут Аленка обреталась... Точнее, не только для того, чтобы доставить самолюбию Макса.

Ольховскому явно не хотелось, чтобы Аленка заморачивалась. Чего хотелось Максиму – Аленка, честно говоря, не очень и понимала, но он делал все, чтобы ей думалось только о сексе. И незаметно тискал за задницу во время ходьбы, и в той же кафешке, пользуясь тем, что Лиза сидела напротив и лопала свой ужин, под юбку залезал, почти добираясь своей широкой ладонью до самой «горячей точки» на Аленкином теле. В какой-то момент он даже пригласил Аленку на танец – у тех фонтанов всюду надрывались скрипачи и играли что-то классическое.

Аленка согласилась – прекрасно понимая, чего он хочет. Ведь во время раскраски Лизы Аленка сидела и почти не двигалась. Возбуждение хоть и одолевало, ломило своим жаром виски, но слегка схлынуло. А Максиму явно было нечем заняться, пока Лиза наворачивала вокруг фонтанов круги, всюду отыгрывая бешеную кошку. Вот он и донимал Ален-

ку. «Настраивал» её на нужный для себя лад.

– Я тебя уже хочу сожрать, мастер, – шепнула ему Аленка. Медленный танец, когда бедра были так близко друг к другу, и всякий «шаг назад» заставлял задеть выступ на шарике и без того горячей кожей лона – а у Аленки перед глазами от желания плыли черные точки. Но нужно было держаться, нужно было дождаться, пока Лиза ляжет спать, и вот после этого только... Господи, да это же чертова вечность...

– Может, я того и хочу, солнечная, – улыбаясь, отозвался Макс, косясь в сторону Лизы, – может, мне не хватает ощущения, что я тебе нужен.

Вот от этого заявления у Аленки аж рот открылся.

Честно говоря, он офигел, правда. Она же вчера, именно вчера созналась ему, что в него же влюблена. А сегодня ему не хватает?

Если ему не хватало – то Аленка ему додала сполна. Как только он уложил Лизу, как только с вальяжной, возмутительной неторопливостью зашел в спальню. Вот тогда Аленка и прихватила его за пряжку на ремне и пихнула на кровать. Все, что успел Макс, – это защелкнуть замок на входной двери.

Нахлобучивать его было легко. Даже на раздевание было плевать, Аленка всего лишь стащила с себя трусы, спустила с Макса джинсы и, недолго думая, уселась сверху. Возиться было ни к чему, Макс был уже готов, причем стояк у него был настолько каменный, что, кажется, готов Макс был уже

очень давно. А саму Аленку и настраивать не надо было – у неё уже не первый час трусики можно было выжимать. И в первый же миг, когда она насадилась на член Макса, – чуть не кончила, до того острые были ощущения.

Ему... Ему не хватало. Раздери его кошмар, ему не хватало. А Аленке? Ей хватало? Она настолько измучилась, выискивая в его поведении симптомы приязни, что сама себе казалась чокнутой. Но ведь мало же. Мало, если она ему просто нравится. Сейчас уже было мало, ужасно. Аленка смертельно не хотела от него уезжать, и чем дальше – тем сильнее это осознавала. Особенно сегодня, после столкновения с прошлым. Аленке не хотелось отпускать от себя свою личную сказку, вот только что-то принц не спешил утверждать за ней статус своей принцессы. А хотелось – ужасно хотелось.

И сейчас, выбивая из его груди глухие тихие стоны одними лишь яростными движениями бедер, Аленке хотелось перестать сомневаться. Хотелось считать, что ему она нужна гораздо сильнее, чем думает. Ну а еще хотелось, чтобы кровь нахрен разлетелась в щепки от её, Аленкиного, напора.

Макс, Макс, Макс.

Ничего вслух, все стоны бьются в мозгу, не вырываясь изо рта, чтобы не разбудить Лизу.

Сегодняшний счет: один-один, но Макс явно не успокоился, не хочет давать Аленке уснуть, нет – целует так жадно, что язык его порой кажется слишком длинным, потому

что ну не должно же его хватать, чтобы доставать до горла. А хватает.

И все это жадно, голодно, но почти без слов. Которых сейчас ужасно не хватает.

Скажи, чеширское чудовище, скажи, что Аленка тебе нужна. Потому что сейчас, кажется, – ты об этом молчишь, но ведь «кажется» не равно «так и есть». Сладких слов, красивых слов было сказано много. Но таких, чтобы делали картину ясной, – не было.

Осталась неделя. Всего неделя. И оставив позади одну неделю с ним, уже ясно – этого слишком мало. И всей жизни-то мало. И как удержать в руках этот сладкий мираж, который того и гляди растает, возвращая в холодную реальную жизнь.

– Ох, Сан...

Темные ночи тем и хороши, что слепят чувства. И всю эту гулкую тоску, поднявшуюся в сердце, темнота заставляет отступить, замолчать, утихнуть... Ну, ладно, эта победа не только темноты, еще раскаленные пальцев, голодных губ, уже побывавших всюду – куда Макс смог добраться, – и шелковой ленты, которую он все-таки выудил из своей «волшебной тумбочки», в которой явно много всего секретного хранится. Шарик Макс, кстати, тоже вытащил из этой тумбочки. Из ящичка, запирающегося на ключ. Лента – из ящичка ниже. Типа есть разделение в игрушках, на «невинное» и «не очень»?

И вот она – широкая шелковая лента, в темноте даже не разобрать, какого она цвета. И ничего сейчас на Аленке не было – только эта лента.

Шелковая лента на глазах – в два слоя, чтобы точно ничего не было видно.

Шелковая лента на шее – как тонкий едва ощутимый ошейник. Да-да, Макс, твоя, можешь даже не сомневаться.

Шелковая лента на запястьях над головой. Сколько там витков, Аленка даже не считала. Максу виднее. Связано крепко, туго, так, что запястья практически и не сдвинешь, до того туго их обхватывает в свои объятия гладкая ткань.

Шелковая лента на щиколотках, пятки пришлось пододвигать практически к самым бедрам, иначе ноги бы раздвинуть не получилось. Бедра напряжены, на них лежат ладони Макса, раздвигая ноги Аленки чуть сильнее, чем ей было привычно, добавляя происходящему легкой перчинки.

У веревки – или ленты, разницы нет, суть та же – обнаружилось удивительное свойство. Магическое просто. Когда на тело, на вытянутые запястья, на плечи и грудь ложится петлями обвязка, – кажется, что всякий узелок на ленте развязывает внутренний узелок в голове. И все теряет значимость – вся наносная ванильная глупость, все банальные житейские проблемы, типа вечно растрепанных волос или пары лишних килограммов – есть лишь мужчина, которому ты добровольно сдалась в этот сладкий плен. Он тебя уже принял, сейчас. Он хочет тебя – сейчас. Слышишь, шепчет тебе

об этом? Скользит по твоему телу пальцами, и, кажется, эти пальцы дрожат.

– Какая ты красивая, Ален...

Он редко называет её по имени, и это на самом деле ничуть ни хуже, чем любое другое ласковое слово. Важно ведь не слово – а интонация. А Макс сейчас говорил таким тоном, будто смотрел на богиню. Жаль нельзя увидеть его лицо, все, что есть у Аленки – это осязание. И весь её мир сейчас сосредоточился на нем. Обо всем прочем она подумает позже, сейчас же пусть все будет так, как хочет Макс. И так – до конца.

33. (не)простая просьба

– Сан, есть просьба.

Это было утро вторника, и у Макса, собирающегося на работу, был ужасно подхалимский вид. Да, он снова оставлял Аленку с Лизой, и явно хотел чего-то еще. Аленка бросила взгляд на планшет, оценила уровень бардака в комментариях, что ей наносил во время такого частого отсутствия Булдаков. Отложила планшет. Чтобы срезать этого тролля – нужно было угробить пару часов жизни, а на это времени сейчас было ужасно жалко. Хотелось обниматься с Максом, целовать Макса, смотреть на Макса – в общем, чесать собственную ванильную розовую дурочку, что притаилась в душе, столько, сколько это вообще возможно.

– Какая?

– Сходи с Лизкой в торговый центр.

– Ольховский, ты точно виа-гру куришь, а не что покрепче?

– Она просила попросить тебя. – Макс чуть ли не взбрыкнул, отнекиваясь от этого безумства. – Ей хочется прогуляться по шмоточным магазинам. Не со мной.

– В шесть лет и уже шопоголик?

– Ей вообще-то семь. – Сообщил Макс, глядя на Аленку покровительственно, типа «нифига-то ты еще не знаешь, Яковлева, но ладно, я тебя спасу». – И мне кажется, что ей просто надоело ходить со мной. Ничего интересного же. Мы заходим в магазин, я тыкаю пальцем в первые попавшиеся мне на глаза вещи, а потом мы находим нужный размер и сбегает.

– Врешь, Лизка очень прилично одевается. – Фыркнула Аленка.

– Это потому что за одеждой Лиза чаще всего с няней ходит. – Вздохнул Макс. – И милосердная Валентина спасает гардероб моей дочери от тотальной безвкусицы и превращения в мальчика.

– А рубашки она тебе выбирает? – Хмуро произнесла Аленка. Вспомнилось про Валентину, про её взгляды на Аленку, и на Макса в частности. И в этом контексте слова «милосердная Валентина» сказанные вроде и без каких-либо полутонов, послышались самыми подозрительными на свете.

– Почему только рубашки? И галстуки тоже. – Сделав

невинную физиономию, заявил Макс, а потом расхохотался, увидев, как изменилось Аленкино лицо. Потянулся вперед, набросил на её шею петлю нераспущенного галстука, затянул его туже и притянул Аленку к себе.

– Шучу, солнечная, правда, – шепнул он в её плотно сжатые губы потому, что Аленка вполне обоснованно на него надулась. И собиралась держаться до последнего и не целовать его, ну... хотя бы минут пять. Ну ладно – две...

– Иди нафиг с такими шутками, – мрачно огрызнулась Аленка, но удержаться дольше еще пятнадцати секунд не смогла, сама потянулась к губам Макса, целуя его мимолетно, жаля любимые губы языком – и уклоняясь, потому, что за такое поведение никаких долгих поцелуев этот подлец не заслужил.

– На фиг – это не литературно, госпожа писатель, обложите меня более изощренным словом. – Этот несносный паразит даже лютую чушь произносил эротично. Так что соски напрягались и грозили пронзить насквозь чашечки лифчика. А меж тем сейчас вообще ничего не светило, однозначно.

– А я тебе не литератор, я программист.

– Кто-то утверждал, что он в отпуске не программист.

– А кто-то и не говорил, что у него такая хорошая память... – протянула Аленка.

– А ты сама, типа, не догадывалась, да? – усмехнулся Макс. – Я же тебе все помню. Каждую твою провокацию. Каждый чертов твой вечерний сейшен, после которого мне

приходилось или драть, или искать, кого бы нахлобучить. И сказочку с эпиграфом в мою сторону помню. Её ж открывать нельзя было, одни сплошные намеки в сторону постели.

И сорок тысяч знаков одних только намеков, это был виртуально-литературный стриптиз, и шесть тысяч слов вокруг темы секса – и ни одного слова «член». Если бы был конкурс «Динамо года», то Аленка вполне могла бы поучаствовать. Ну, пока не доехала до Макса, потому что тут она проигрывала по всем фронтам, честно говоря, получая от тех «поражений» одно только лишь удовольствие.

– До конца дочитал? – насмешливо прищурилась Аленка. – И как тебе концовочка?

– Попробуй повернуть такое – и поверь, я тебя разыщу, свяжу, отымею, а развязать забуду, – усмехнулся Макс.

– А ты веди себя хорошо, и я не буду проворачивать, – усмехнулась Аленка.

– Так сходишь с Лизкой за платьем? – Макс демонстрировал просто чудовищную настырность.

– Я разорю тебя в пыль, – грозно пообещала Аленка, на что Ольховский только просиял.

Идея была неплохой. На самом деле. Сама Аленка, наверное, не рискнула бы предложить такое, она и по себе помнила, что вообще-то покупка одежды – довольно интимный процесс. Его с кем попало разделять и не хочется, обычно. Но – раз Лиза попросила сама, значит, может, ей интересно? Может, она потихоньку оттаивает?

Сколько Аленка себя помнила, в молодежных и семейных фильмах блуждание по магазинам всегда подавалось как первый шаг к сближению.

Ну и вообще, Аленка любила выбирать одежду. Самую разную. И они благополучно спустили всю сумму, переведенную Максом, на две футболки с Микки-Маусом, одну – с каким-то безумным зайцем, явно персонажем, какого-то обкуренного детского мультика, одно платье парадно-принцессного типа и розовую юбку-пачку, на которую Лиза мечтательно смотрела, но «Валя говорит, что розовый носят все».

Короче говоря, Лизе юбку хотелось, но колелось. Аленка же ревниво заявила: «Берем», – потому что нефиг мешать девочке играть в девочку, раз ей так хочется. И пусть это банальный развод, на то «какая тетя подмахнет Лизе больше», но так и быть, в таких мелочах Аленка Лизе с удовольствием проиграет.

Все было хорошо.

Все было просто замечательно.

Они погуляли по торговому центру, около часа зависали на выпендренную систему фонтанчиков и искусственный водопад, поели пломбира, поели какой-то полезной фигни – перед пломбиром, разумеется, и Лиза была неожиданно болтливой, во все стороны вертела головой и задавала Аленке целую кучу вопросов.

А потом Аленка повелась. Повелась на наивные голубые

глаза госпожи императрицы, ткнувшей пальцем в платье на витрине магазина и заявившая: «Алена, твоя очередь мерять...». И платье было симпатичное, мятное, в какой-то мелкий то ли горошек, то ли цветочек, а настроение было хорошим, и с Лизой вроде все получалось, так почему бы и нет?

Нельзя было расслабляться.

Нельзя было забывать, что Лизе всего лишь семь лет и на месте она усидеть не может.

Потому что вроде как Аленка и пробыла в примерочной минуты три или четыре, но этого оказалось достаточно Лизе для побега. И увидев пустой пуфик у примерочной, Аленка запаниковала настолько, что пролетев весь магазин, лихорадочно озираясь в поисках девочки, вылетела за пределы сканеров магнитных бирок, и тут же радостно подняла визг сигнализация, а минутой спустя – и подоспевшая к сканеру девочка с кассы. Платье оказалось быстрее купить, чем объяснить подскочившим охраннику и консультанту, что нет, тут никто ничего не ворует. Получив свои деньги персонал успокоился, и наконец, оказался способен выслушивать вопросы и давать внятные ответы.

Девочка, да? Ну, да, вышла... Ну, да, не задержали... Да кто ж её знает... Может, папу пошла искать.

Интересно, а во всех магазинах творилась такая вот срань, что семилетний ребенок может запросто выпереться из магазина без взрослого, а охранник даже не вспомнит, что во-

обще-то именно этот ребенок приходил сюда не один.

Хотелось ругаться, хотелось материться и рвать на голове волосы. Но сначала Аленка позвонила Макс, потом заметалась по коридорам между магазинами.

Может, у фонтана? Нет, нету. У водопада? Тоже пусто...

Аленка по три раза пробежала по знакомому маршруту, успела переспросить каждого продавца на этом этаже, успела доканать и официантов в кафе, где они с Лизой ели мороженое. Она попыталась достать и до охранников, пытаясь добиться, чтобы они посмотрели систему видеонаблюдения, но получила только объявления по системе информационного управления торговым центром. Каждые десять минут. И уперлась ждать к обозначенному месту, надеясь, что если не Лиза сама придет, то её хотя бы приведут.

Нет. Не приводили. И Аленку трясло, потому что вообще-то Лиза могла в любой момент выйти из торгового центра, перейти парковку не там, попасть под автобус – и это была жесьть. Как после этого вообще смотреть в глаза Макс. И на самом деле тревога была такая, что хотелось выть, кусать себя за локти и бить кулаком по лбу, но, увы – это вряд ли помогло бы решить проблему.

А потом приехал сам Макс. Непривычно серьезный, по вполне понятным причинам. В компании какого-то мужика с планшетом.

– Ну что там у тебя? – Поинтересовался Макс у своего приятеля.

– Ну, она где-то в здании. – Заметил мужик. – Подождите, Максим Леонидович, я по этажам пройдусь.

– Давай.

Аленке от одного только встревоженного взгляда Макса хотелось куда-нибудь спрятаться. Она не справилась. Она его подвела. И если с Лизой что-то случится – то вина будет на Аленке. И было вполне понятно, что Макс сейчас на Аленку злился, так и стоял сейчас – скрестив руки на груди, мрачно гипнотизируя взглядом эскалатор. И это чувствовалось, даже в его молчании, аж мурашки по коже бежали от его беззвучного раздражения.

– Прости. – Пискнула Аленка виновато.

– Раздолбайка. – Макс хмуро качнул головой. – Вот как можно было ребенка одного оставить? Вот серьезно, Сан, я от тебя не ожидал.

Она и сама от себя не ожидала. И сама уже себя триста раз отругала за то, что позволила себе расслабиться и не уследила.

На этом болтовня снова перешла в режим молчаливого тревожного ожидания. Впрочем, выдержала в нем Аленка минут пять.

– А что делает тот парень, что с тобой пришел?

– Паша? – Макс чуть поднял брови, явно выныривая из собственных мыслей. – Ищет по локатору. Я еще года два назад обеспечил Лизку маячком, чтобы если что искать. Увы, он сейчас подразрядился и сигнал слабый, парсится только

с кратких расстояний. Поэтому Пашка сейчас этажи прочешет и найдет её.

– Ничего себе. – Протянула Аленка. – Но с чего такие меры предосторожности?

– Ну, так.– Макс пожал плечами. – Честно говоря, она и от меня пару раз сбегала, когда Софи уехала, искала маму. Нервов я тогда потратил огромное количество. Я думал, она подобные выкрутасы изросла, но вот надо же...

Лизу принесли еще через двадцать минут. Да, принесли. Паша нес её на руках, схватив в охапку. Девочка выглядела неожиданно обиженной, а Павел – запыхавшимся. Кажется, ему пришлось за Лизой гоняться. А у Аленки же при виде Лизы, будто с плеч камень упал. Живая. Здоровая! Ох, затискать бы её... А потом открутить уши...

– Сдаю, Максим Леонидович, – мрачно пробурчал он, опуская девочку на пол.

– Спасибо, Паш, – кивнул Ольховский, и парень тут же свалил с горизонта. Лиза смотрела на отца встревоженно и исподлобья. Кажется, она уже морально подготовилась к наказанию. Макс же бросил взгляд на часы, поморщился и уставился на дочь.

– Как думаешь, ты правильно поступила? – сухо и деловито поинтересовался он.

Лиза, набычившись, качнула головой. Ну, это очевидно, да.

– Что ты делала?

– Гуляла, – выдавила девочка. Ну... Честно говоря, это было дурацкое объяснение семилетнего ребенка, но оно в общем-то очень соответствовало возрасту. Она просто пошла погулять. Господи, и от той прогулки Аленка чуть не поседела.

– Ты заставила Алену волноваться, – сообщил Макс дочери, и та все-таки потупилась – значит – не все было потеряно в отношениях с ней. – И меня, кстати, тоже, Лиза. Я очень волновался. Бросил работу. Это хорошо?

К себе домой Макс Аленку и Лизу отвез самостоятельно, сообщив, что на работе ему сегодня точно делать нечего. И вся дорога прошла в тягостном невеселом молчании. Лиза даже ничего не спрашивала и не тараторила как сорока. Ну, может, её и вправду проняло... Аленку же слегка трясло. Блин, вот так накосячить – в первый же заход с Лизой на прогулку. Макс наверняка решит, что доверять ей детей совсем нельзя. Да и самой теперь... было страшно. То, что получалось до этого – это все лишь улыбка фортуны, ничего больше.

– Может, мне в гостиницу уехать? – Тихо спросила Аленка, когда они уже подъехали к дому. У неё вообще было ощущение, что Макс на неё даже смотреть не хочет. А захочет ли сегодня спать в одной постели с ней?

– Сан, не говори ерунды, пожалуйста, – раздраженно откликнулся Макс, и сердце у Аленки радостно подпрыгнуло. Сердится, но точно не настолько, чтобы с Аленкой сейчас

все порвать.

Отвлечься удалось, только занявшись приготовлением карри. Обычные механические действия: типа «нарезать мясо», «промыть рис», «перемешать соус» – здорово помогали отвлечься от нехороших мыслей. Ну, в утешение – за ужином Лиза тоже выглядела пришибленной. Аленка, вообще-то на Лизу обиженная, чувствовала себя хоть капельку отомщенной.

Впрочем, морозиться Аленка не стала. Зашла к Лизе и спросила – не хочет ли она поговорить. Еда все-равно не лезла в горло при таком-то количестве неразрешенных конфликтов.

Выслушала мрачное: «Прости», – насладились видом Лизы, безмолвно ковыряющей резной столбик на кровати. Присела, протянула вперед мизинец. Любой ребенок, даже современный, прекрасно знал, о чем этот жест. Лиза помолчала, но все-таки прихватила мизинец Аленки своим, и они с минуту трясли ладонями, вычитывая мантру: "Мирись, мирись, мирись..."

– Почему ты папе позвонила? – вдруг спросила Лиза, когда пальцы расцепились и конфликт вроде как был улажен.

– А как иначе? – удивилась Аленка.

– Я бы сама тебя нашла, – самоуверенно заявила эта маленькая дурочка. – Я слышала объявления. И папа бы на тебя не сердился бы. Если б не узнал.

Слышала и не приходила, пока Аленка исходила на мы-

ло. Если бы они только что не помирились, Аленка наверное обиделась бы снова. Сейчас же – просто поставила себе галочку напротив нужной мысли в голове, а потом прямо взглянула Лизе в глаза.

– Видишь ли, солнышко, я очень люблю твоего папу, – произнесла Аленка, осторожно подбирая слова. – И я не могу его обманывать. Если я тебя потеряла – я его подвела. И да, он на меня сердится совершенно правильно, понимаешь?

Лиза потупилась. Вряд ли она поняла. Но все таки подвести черту стоило.

– Если любишь – не врешь, Лизочек.

Вот после этого Аленка разрешила себе вернуться на кухню, уступив Максу место в изножье Лизиной кровати, и пока они там читали какую-то современную сказку, где принцессы конечно ходили на балы, но мечтали о великих свершениях, а не о замужестве – разогрела карри еще раз. И себе, и Максу. Надеюсь, что во второй раз он уже перестанет дуться и нормально поужинает.

Ну а еще, в какой-то момент во время её танцев вокруг сковородки Макс её обнял. Сначала безмолвно, просто скользнув ладонями на её живот и уткнувшись в плечо подбородком. А потом негромко вздохнул.

– Успокойся, Сан, – устало произнес он. – Я сам дурак, на самом деле. Не подумал, что Лиза может так взбрыкнуть. В следующий раз пойдем втроем. Или пристегнем её к тебе наручниками.

Аленка нервно фыркнула.

– А будет следующий раз? – тихо спросила она. Вообще, острых ощущений ей, конечно, хватало.

– Ну, я сомневаюсь, что ты больше никогда в жизни не пойдешь в торговые центры, – усмехнулся Макс.

Ох... Нет, на самом деле, наверное стоило все-таки озвучить. Потому что... Потому что надо было. Он по-прежнему ничего не говорил, хотя по репликам будто и не сомневался, что у них впереди целая жизнь.

– Ты помнишь, что я должна уехать в эту субботу? – тихо поинтересовалась Аленка, разворачиваясь к Максиму и прямо глядя ему в глаза. В темные, серьезные глаза, в которых почему-то ничего нельзя было прочитать.

– Помню, – откликнулся Макс. Нет, ну он же не мог не понимать ситуации. Он понимал. Аленка это видела. Но – медлил. Сомневался. На самом деле это было понятно. Очень понятно. Но до чего же было тоскливо... Просто вот сейчас, когда прямой намек в сторону нужной темы был благополучно замят, возникали сомнения во всех ранее допущенных оговорках. Так ли он хотел, чтобы она не уезжала? Ведь ни одной из тех оговорок не было сказано не по пути к постели.

Он ничего не сказал. Он промолчал с секунду, а потом с такой яростью прижался к Аленкиному рту губами, практически тараня её горло своим языком, что мысли вышибло мгновенно. Может... Может и не так уж нужны были ей те слова, которых он не говорил? Но тогда почему даже его

губ не хватает, чтобы перебить эту странную внутреннюю горечь?

34. Триумф для Валентины

Сегодняшнее утро было радостным. Валя даже потирала руки вечером, когда получила от Ольховского сообщение, что нужно будет выйти на работу. Что-то случилось. Колхознице надоело сидеть с Лизой? Кстати, Валя на это очень рассчитывала. Прямо честно скажем, ждала, когда провинциалка наиграется в “хорошую девочку”, перестанет изображать симпатию к чужому ребенку. Ну, это же совершенно противоестественно, можно любить своего ребенка, но чужого-то за что? Там же ни твоих генов, ничего. Так что Валя без малейших угрызений совести доносила этот непреложный факт до Лизы, предупреждая её, что нет, не полюбит её вот эта левая тетка. И даже больше того, родит папе другого ребенка, и папе Лиза тоже будет не нужна. Возможно, не имейся у Валентины козыря в рукаве – Лиза бы ей и не верила, но козырь все-таки имелся. Опасный козырь, за который Ольховский наверняка бы устроил кучу неприятностей, но Валя верила, что Лиза не проболтается.

Хотя, Валя ощущала все сильнее – день ото дня соперница побеждает в этой тихой необъявленной войне за Лизу. Валя тратила целый вечер на то, чтобы убедить Лизу не доверять этой Алене, и вроде девочка всячески была настроена на боевые действия, а потом бац – и приходя на очередную вечернюю смену, чтобы отпустить Ольховского с его пассией

погулять, Валя заставляла Лизу на коленях у соперницы, рассматривающую картинки в книжке про муми-троллей. Что эта фифа делала – было непонятно. У неё-то явно не было педагогического образования. Но что-то она делала, что Лиза того гляди могла соскочить с крючка Валентины. Она уже один раз огрызнулась “С Аленой интересно”, правда потом поддалась, поверила, что это все не по-настоящему. Но надолго ли? Пришлось действовать решительно, пришлось подговорить Лизу на поступок, который деревенщину должен был подставить.

Поэтому сегодняшнее утро было прекрасным. И Валя себя ощущала сейчас шикарно. Рассматривала полированные ноготочки, смахивала незаметные пылинки с ярко-желтого платья. Она должна сегодня выглядеть на все сто, когда будет выдавать косяк соперницы. Ольховский просто обязан обратить на неё внимание. Хорошо бы, если бы обратил сейчас. Ну, это было бы совсем шикарно. В конце концов, Валя вчера даже на укладку в салон сбегала, и сейчас выглядела на все сто. Селяночка же не особо блистала, вчера её Валя видела в простецких джинсах, с какими-то детскими рисунками, которые были типа “украшением”. Чучело. Кто в этом ходит? Особенно перед мужиком, который нравится. Рядом с Ольховским не должно было быть такой дурочки, которая даже за своим видом последить не могла.

– Доброе утро, Максим Леонидович. – Улыбка на губах, учтивый тон, красивая поза – Валя остановилась в дверях

кухни, сложив элегантно ладони. Ну, вот как он глядел мимо такого совершенства? Ладно, у него еще есть шанс раскаяться.

Ольховский скупо кивнул, мазнув по Валентине скользящим взглядом. Он был раздражен, напряжен – это было заметно невооруженным глазом. Интересно, в чем дело. Впрочем, колхозницы в поле зрения не было. Валю-то это радовало, а вот Максима, кажется – не очень.

Нет. Все-таки как хорошо, что попала Валя именно к нему. Вот сейчас, разглядывая подтянутого, широкоплечего Ольховского, оправляющего рукава рубашки, Валя испытывала удовольствие. Вот этот мужчина будет принадлежать ей. Шикарный мужик. Как и всегда, когда он собирался на работу – он выглядел неотразимо. Даже сейчас, когда одевался в бренды попроще, чтобы не спалиться перед колхозницей. Ну, ему-то вряд ли кто скажет хоть что-то, хоть даже он в мешке на работу явись. Он мог позволить себе и не такие причуды. Ему был никто не указ. И это тоже было его достоинство. Хотя сейчас Валя видела лишь один его недостаток— его роман с этой провинциальной выскочкой.

– Ваша девушка сегодня не хочет остаться с Лизой? – осторожно спросила Валя. Это было опасно, вообще-то, не дело персонала лезть в личные дела хозяев. И все-таки это утро было хорошим, если все вчера прошло по плану – сегодня Валя поможет наглой девице вылететь из жизни Ольховского.

– Вчера был неприятный инцидент. Алена поехала в гостиницу за вещами. Хотя наверняка – хочет немного отойти от этого всего. – Максим скривил губы, и в этой гримасе проскользнуло что-то вроде затаенной боли, но совсем мимолетно, затем Ольховский прямо взглянул на Валентину. – К слову, Лиза под арестом до конца недели, дальше детской площадки ей прогулки запрещены.

О, как... Интересно, с чего бы это?

– Что-то случилось? – уточнила Валя.

– Случилось, – раздраженно бросил Ольховский, уже третий раз пытаюсь завязать галстук, а затем явно плюнул, сорвал его с шеи и швырнул на спинку стула. Разговаривать он явно был не настроен, но и Валя не была настроена сдаваться.

– Мне стоит поговорить с Лизой?

– О том, что не стоит бегать от Алены в торговом центре, раз уж ты сама попросилась туда с ней? – едко переспросил Ольховский. – Нет, не стоит, я вчера уже говорил. Если вы думаете, что я для своей дочери недостаточно авторитетен, можете поговорить и вы.

– Ну что вы, Максим Леонидович, – торопливо возразила Валя, хотя вообще-то у неё в ушах зазвенело. Он знает! Знает!!! План по устранению соперницы начинал медленно складываться как карточный домик.

– Но откуда вы знаете?

– Откуда я знаю что? – Ольховский задрал брови, и Валя

поняла – все, с вопросами надо завязывать. Он уже не будет отвечать по инерции, а следующим вопросом можно ту-по спалиться в собственной причастности. Еще как бы сейчас он не озадачился двойственной трактовкой Валиного вопроса.

– Ну, про то, что Лиза сбежала...

– Как я мог узнать? – недовольно буркнул Максим, но к счастью – нет, его не озарило, что вообще-то “откуда вы знаете” – довольно опрометчивая фраза. Выдающая причастность Валентины.

– Алена вчера позвонила, в истерике, что Лиза потерялась. Пришлось выезжать к ней. Ну а с учетом, как Лиза бегала от Герасимова – потерялась она не случайно.

Валя чуть не взвыла от досады. Дрянь, дрянь, дрянь.

Маленькая провинциальная дрянь, чертова выскочка – умудрилась снова выкрутиться.

Она не должна была звонить Ольховскому. Она должна была искать Лизу сама, таков был уговор – и девочка спустя час-два поисков должна была “найтись”. Сама. И это должен был быть “секрет”, который не должен был быть открыт Ольховскому никем, кроме Валентины.

Она даже отрепетировала, как приходит к Ольховскому и сдает, что его девушка потеряла его дочь и скрыла это от него.

Ольховский был параноиком. Во всем, что касалось его дочери и его самого – было достаточно одного лишь проявле-

ния небрежности, и он вряд ли бы стал пытаться ввести в семью какую-то сомнительную фифу. А недоверие, безответственность – Максима раздражали пуще прочих недостатков. И вот надо же... То ли колхозница была хитрая, то ли нереально правильная. Надо же. Сама сказала. Ладно. Может, еще не все потеряно? Блин, а как бы узнать, как Ольховский сейчас настроен? А, ладно, пойдем в лоб. Пошлет – так пошлет.

– Еще не надумали ей рассказать, кто вы есть? – пытаюсь выглядеть доброжелательной, спросила Валя. В конце концов, Ольховский явно чувствовал себя виноватым, что своей колхознице про себя ничего не рассказывает. Но были положительные моменты и у его паранойи. Для самой Валентины. Максим ужасно не хотел огласки этого своего романа, дул на воду.

Но как она не видела, а? Девушка реально была будто из глухого села. Или слепая. Ну, серьезно – даже прикид “бюджетнее” у Ольховского таковым был только для людей его класса. Приглядишься дурочка хоть даже к фирме часов – поняла бы гораздо больше. Задала бы вопросы. Хотя... Может, она пригляделась? Может, уже поняла, с кем связалась, и не хочет выпускать из цепких лапок ценную птицу? Это было бы неприятно... Но предлагать поторопиться с откровенным разговором лучше, наверное, не стоит. Нужно припугнуть деревенщину головняком с чужим отпрыском. Сбежит. Как пить дать сбежит.

Максим молча покачал головой, потянулся к чайнику, налил себе чай.

Не понятно, чего боялся больше – что его девушка не выдержит прессинга, или что она сбежит, узнав что он её целенаправленно вводил в заблуждение.

Ольховский же понимал, что может сказать сейчас о нем его правда. О недоверии. О том, что он сам в других ненавидел, требуя искренности. Но сам при этом – не доверял. И кажется, чем дальше – тем меньше становилось шансов, что его девушка поймет. Кажется, она была из тех ванильных наивных дурочек, что ставили во главе угла чувства. Глупо. Но черт подери, у Ольховского были такие растерянные глаза сейчас, будто он себя ощущал подлецом.

Господи, неужели все так серьезно? Нет-нет-нет, нельзя, чтобы он в эту козу серьезно влюблялся, это же катастрофа!!!

Нужно что-то придумать, срочно... Нужно вывернуть что-то такое, из-за чего Ольховский на колхозницу разозлится. Seriously разозлится, чтобы бросить. И что для этого нужно?

План созрел довольно быстро. Не очень четкий, с кучей “если”, но с учетом интересов Лизы, и того, что опростоволосившаяся соперница наверняка захочет перед девочкой выслужиться и подмазаться, раскаиваясь за невнимательность – план был неплохой. Ну, рисковый. Но – не для Вали. Лиза – рисковала, но главное было, чтобы Ольховский вышел из

себя. Выйдет – не будет особо разбираться и пошлет свою провинциалку к чертовой матери.

– Может, я погуляю с Лизой и вашей девушкой? – Поинтересовалась Валя. – От меня-то Лиза не сбежит.

Глаза Максима приобрели некую задумчивость. Да, он ужасно хотел, чтобы Лиза и эта его девица сблизились.

– Она наказана, – протянул Ольховский. Но без особой твердости. В конце концов, наказанием можно пожертвовать ради великой цели, так? Ради Валиной цели.

– Ну, если есть время подождать конца наказания, можем и подождать, – кивнула Валя. Где-то на краю подсознания крутилась информация о том, что Алёна приехала к Ольховскому на пару недель. Пара недель конечно. Причем, если Валя не обсчиталась – срок-то должен был подходить к концу уже. Тут вопрос исключительно в том, что хочет Максим. Хочет ли он сблизить свою девицу с дочерью вопреки произошедшему побегу? Наверняка же хочет как-то исправить положение, если думает, что Алёна впечатлилась и не хочет проблем с чужим дитеньшем. Дать еще шанс на сближение, а потом вывести на откровенный разговор.

Вот только Валя не собиралась допускать даже вероятности этого откровенного разговора. Лишь бы Ольховский согласился ослабить наказание...

– Хорошо, я поговорю с Аленой на предмет прогулки, – кивнул Максим после минутной паузы, а Валя с трудом удержала ликующую улыбку.

Ловушка захлопнулась.

35. Последняя капля

Меньше всего Максим Ольховский любил государственные больницы. И вызовы в эти неприятные, вечно душные, пропахшие какой-то жуткой безнадежности заведения, по причине того, что с его дочерью что-то случилось. Не то чтобы Макс трясся над каждой Лизиной ссадиной, в конце концов дочь у него была подвижной, и синяки и ссадины были довольно обычным делом, но ключицу Лиза еще не ломала. И согласно твердому убеждению Макса – не должна была сломать в принципе. Девочки не должны были ломать кости себе. Ну – на крайняк куклам, но не себе.

Что там вообще случилось? Валентина, позвонившая Максусу, была чуть ли не в истерике, внятных объяснений не дала, только и выдала, что: «У нас... тут... Лизу... На Скорой...»

Про ключицу Максусу сообщила уже Алена, взявшая трубку после того, как Ольховский потребовал это у няни. Она, в отличие от впечатленной Валентины, была какой-то хладнокровной. И Макса на самом деле передернуло.

Как можно вот так вот никак относиться к ребенку?

Ответ был прост. На самом деле – до безумия прост.

Аленке все-таки было пофиг. Настолько пофиг, что к Лизиной травме она отнеслась с таким вот безразличием. И Максусу было тошно, потому что... Потому что!

Ольховский ужасно надеялся, что Санни понравится Ли-

за. Хотя бы на каком-то базовом уровне. Потому что да, Лиза прилагалась к Макс, Макс прилагался к Лизе. И какое значение имела та «любовь» к Макс, если по отношению к Лизе Алена вела себя вот так небрежно. Уже один раз потеряла. Второй раз – охренеть, второй раз за два дня в присутствии Сан случался трэш, а ей было будто и наплевать...

Валентина встречала Макса у травмпункта, заламывая руки.

– Рассказывайте, – бросил Макс, не останавливаясь, зашагал по ступенькам. Нужно было увидеть дочь. Срочно. Чтобы понять, как она вообще.

– Мы пошли в парк. – Валентине приходилось говорить почти на бегу, Макс сбавил шаг. – Но забыли взять с собой самокат. Лиза очень расстроилась, даже не особо захотела играть во что-то еще.

Да. У госпожи императрицы была такая черта – если ей что-то приспичило, то хоть трава не расти. Она вполне могла трагично усесться на скамейку, надуться на весь мир, не соблазняясь никакими его прелестями.

– Ваша девушка предложила Лизе покататься на роликах. Там был прокат.

Прокатные ролики... Макс даже представил их состояние и вид, но, в конце концов – эту историю с имитацией среднего уровня достатка он сам затеял. Алена тупо не знала, что у Лизы в комнате, на антресоли в шкафу лежат фирменные ролики и ждут своего часа.

– Лиза же не умеет кататься.

И боялась вставать. По крайней мере, когда они пробовали – Лиза не очень впечатлилась, на самокате ей было проще. На роликах она очень боялась падения.

– Ну, ваша девушка пообещала научить, – сообщила Валентина.

Охренеть. Научила, блин. Отлично научила ломать кости.

– Лиза упала? – тихо поинтересовался Макс.

– Да. – Валя поморщилась. – С этой... Как её... С рампы...

Макс не стал поправлять, в конце концов, Валентина имела право не знать, что правильно эта хрень на роллердромах называется хафпайпом. Вопрос сейчас был в другом, не в роллерской терминологии.

– А какого хрена она вообще туда залезла?

– Лиза каталась с вашей девушкой. Я так поняла – Алена хорошо умеет кататься. Я не умею, поэтому наблюдала со стороны, но они часто уезжали сильно вперед. Так и с этой рампой. Алена туда с Лизой залезла, я не успела подойти. Ваша девушка стартовала одна, а Лиза...

А Лиза захотела тоже попробовать. Она была знатная повторюшка. Макс прикрыл глаза, пытаясь не рисовать себе картину, когда его дочь кувырком летит вниз с хафпайпа. Сломанная ключица – это еще легко отделались. Могли и голову проломить, и еще чего похлеще. Господи, как же хотелось материться и убивать.

Алена сидела в коридоре трампункта. И Макса сейчас внезапно выбесили и её лицо, чуть бледноватое, будто бы от волнения – но явно не очень-то и сильного, и поза. Сидела Алена прямо, уткнувшись в планшет. Будто, блин, и проблем других не было. Будто в манипуляционной и не накладывали гипс дочери Макса, которую он Алене доверил. Будто и не по её вине Лиза обзавелась переломом.

Шаги Макса Алена слышала. Повернулась, глянула на него темными глазами, и отчасти... Отчасти Макс увидел, она реально волнуется. Но не достаточно. Совсем не достаточно.

– Твой косяк? – Выдохнул Макс, а девушка пожала плечами, отводя взгляд.

– Я не знаю, – тихо ответила она. – В тот момент я на Лизу не смотрела.

Нет, ну конечно. Не стоило ожидать от случайного человека, с которым столкнулся интернет, охрнительной отзывчивости и внимания, аналогичного родительскому. Уж Макс-то знал – не все могут полюбить чужого ребенка. Но надеялся, что Алена сможет. Что Сан – сможет. Влюбленный идиот. И кого он подставил? Лизу? Нет, если бы он сам сломал руку – было бы гораздо проще.

– Прости, Макс, – негромко произнесла Алена, не поднимая взгляд.

Макс прошелся по ней, от макушки до пяточек. Если бы она переживала... Если бы было видно, что ей реально жаль.

Но блин, ей как будто было пофиг, и она краем сознания понимала, что сделала что-то не так. А дальше что? Она угробит Лизу окончательно, и тоже вот так скажет: «Прости, Макс», – так что ли?

– Не прощу, – резко бросил Макс, отворачиваясь. Даже с учетом происходящего говорить то, что было необходимо – было горько. Его Сан... Его Аленка ожиданий не оправдала. Надежд, вообще-то и так слегка глупых и бессмысленных – не оправдала. Макс больше не мог ставить Лизу под удар. Он не мог продолжать эти отношения, если никаким образом Алена Лизу принять не могла и позволяла себе такую небрежность по отношению к его дочери. Увы. Такова была проблема отца-одиночки, и видимо, одиночкой ему и судьба была оставаться.

– Значит, все? – Самое отстойное, что сейчас Аленка это все говорила отстраненно. Бесстрастно. Это практически резало по живому. Была ли заявленная любовь, если она могла о происходящем говорить вот так, никак. Будто робот.

– Думаю, да. – Эти два слова на самом деле дались Макс-у довольно тяжело. Потому что его-то уже постепенно настигало осознание, что ему придется сегодня обойтись без Сан. Без её тепла, без её нежности, без её дурацких шуток и поддразнивания. И завтра – завтра тоже придется без неё проснуться... А она – она молчала. Она не цеплялась в него, не просила прощения так, чтобы он мог дать себе повод ей поверить. Не говорила ничего, лишь только смотрела куда-то

перед собой, запихнув руки в карманы джинс.

– Мне жаль, – наконец произнесла она и, развернувшись на пятках, торопливо зашагала по коридору прочь. Охренеть. Ну, вот как она так могла? Пока ему хотелось рвануть вслед за ней, вцепиться в плечи, встряхнуть хорошенько, чтобы добиться от неё каких-то эмоциональных реакций.

Почему? Почему она сейчас походила на куклу?

И все равно Макс себя сейчас чувствовал виноватым. Вроде все было правильно, и не надо было держать Сан, навязывать ей себя и Лизу. Если она не могла потянуть это на нормальном уровне – ничего было не поменять. В этом и была основная трудность отношений с Максимом Ольховским. И все-таки всю эту маскировку он затеял зря. Только Лизку подставил. Кстати о ней – наконец-то её вывели из манипуляционной.

Вопреки всему происходящему Лиза казалась практически спокойной. Ну, хныкала слегка, иногда почесывала неудобный гипс, но, кажется, её забавлял своеобразный доспех из бинтов, которыми её обмотали.

Валентину Макс завез домой сам. В голове было пусто и было не понятно, что делать. Точнее понятно. Нужно было отключиться от эмоций окончательно, отрешиться, занять место Сан чем-то еще. Делами, к примеру. Или может, найти любовницу?

Взгляд зацепился за Валентину, и Макса явственно передернуло. В голове хреново укладывалась эта идея. Ему

что, шестнадцать, чтобы он обиженный из-за разбитого сердца спешно бежал нахлобучить кого-нибудь назло бросившей его девице. Тем более что вообще-то сейчас Аленку бросил он.

Зря. Наверное, зря. Хотя нет. Все правильно. Ну, дочку у Макса пока одна, своя, не купленная. Нельзя же поступать ей, нельзя же становиться отцом Золушки и мужем Мачехи, нельзя прикрывать глаза на синяки и шишки собственной дочери.

Но вообще... С чего он вообще взял, что волноваться можно одним единственным методом? Что должна была сделать Сан? Лезть на стену? Она и после того, как Лиза потерялась – отмалчивалась целый вечер. Да и утром была довольно растерянная, а тут еще и этот перелом. Сан могла растеряться окончательно. Если Макс думал, что она не справляется – может ли такое быть, что думала и она?

Валентина тактично помалкивала всю дорогу, и Макс ей был за это благодарен. Вообще-то няня обожала болтать и задавать ненужные вопросы, иной раз Макс даже не сразу спохватывался, что лезет она совсем не в то, во что ей следует лезть.

Лиза тоже молчала. Но ровно до тех пор, пока, высадив Валентину у её дома, машина не тронулась с места.

– Пап, Алена ушла? – пискнула Лиза из своего автокресла на заднем сиденье.

– Да, котенок, ушла. – Увы, Лизу упрекнуть было не в чем.

Это было в норме для ребенка её возраста – задавать вопросы.

– Как мама? Насовсем?

Формулировка вопроса была неожиданной.

– Насовсем, котенок, – тяжело произнес Макс, старательно оттесняя на задний план все внутренние возражения. Безопасность дочери превыше всего. И ей он не поступится. Даже ради... Сан.

Лиза неожиданно замолчала. Причем довольно надолго, Макс успел три перекрестка проехать, прежде чем девочка снова открыла рот.

– Пап, я плохая, да? – Судя по тону, Лиза тихонько плакала. И Максиму пришлось быстро и прямо сейчас решать, где он тут может припарковаться, потому что дочь точно надо было сейчас обнять и успокоить. А место для остановки было неудобное. Слава богу, рядом нашелся торговый центр.

– Зайка, ты у меня замечательная. – Ласково произнес Макс, выворачивая на парковку.

– Почему она ушла? – Всхлипнула Лиза. – Из-за меня же, да?

– Котенок, Алена ушла из-за меня. – Как можно спокойнее произнес Макс. – Я не хочу, чтобы тебе было плохо, чтобы она тебя обижала. Ты у меня самый важный человек.

– Пап, но ведь Алена меня не обижала, – возразила Лиза, будто бы даже слегка с надеждой. – Мы просто с ней катались.

– Но ты упала из-за неё, – ровно произнес Макс. Максимально твердо, чтобы Лиза поняла, в чем дело. А Лиза... Лиза часто задышала, будто бы ужасно волновалась.

– Вообще-то... – тихо выдохнула девочка, – я упала из-за Вали. Она меня толкнула.

36. Стук со дна

Если бы Макс уже не парковался – он бы непременно во что-нибудь врезался. От неожиданности. Он и так-то чудом успел нажать на тормоз, не наехав на бордюр.

– Зайка, что ты сейчас сказала? – тихо поинтересовался Ольховский, оборачиваясь и прямо глядя на дочь. Под пронизательным отцовским взглядом она не должна была соврать, хотя... Лиза в принципе не была лгуньей.

– Это Валя меня толкнула, – тихо повторила Лиза, глядя в окно. – Я не должна была говорить. Но Алена сказала, если любишь – говоришь правду.

Макс снова развернулся к рулю, уставился перед собой, пытаясь разглядеть хоть что-то. Он как будто ухнул в пропасть.

– Как так вообще вышло?

– Алена показывала мне трюки, – сбиваясь на каждом слове, произнесла Лиза. – Что я смогу делать, если буду тренироваться. Валя предложила залезть на горку, чтобы было лучше видно.

Макс вполне себе представил этот алгоритм. Вероятно, Аленка согласилась. Если вместе с няней – то почему бы и

нет. Кто же знал, что Калугина вот такое вытворит.

– Зачем? – Это был риторический вопрос. Ольховский даже не надеялся, что дочь ответит. Откуда бы ей знать, что творится в маленькой пустой головенке Валентины.

– Она хотела стать мне мамой, – тихо произнесла Лиза. – Валя хотела. И... И я хотела.

От этого заявления у Макса даже голова кругом пошла. Нет, он помнил пресловутый случай, когда Калугина встретила его после работы в каком-то кружевном пеньюарчике, но предполагал, что этот эпизод себя исчерпал. Он и не думал, что эта чокнутая осмелится навредить его дочери, лишь бы избавиться от соперницы. Надо было её уволить еще тогда, но побоялся травмировать Лизу, она-то к Валентине тогда привязалась.

Черт возьми, но какая же продуманная стерва, а! Размах плана поражал уже сейчас. Она нарочно предложила погулять с Аленкой и Лизой. Наверняка нарочно отвела их в роллерский парк и “забыла” Лизкин самокат. Вряд ли Калугина предполагала, что Аленка умеет кататься, но наверняка намеревалась устроить “несчастный случай” и свалить все на Санни. И вот этому куску дерьма Ольховский доверил дочь... Пальцы в бессилии сжали руль. Сейчас Макс мог только работать с результатами того, что сам наворочал.

– Пап, ты меня не любишь теперь? – всхлипнула из своего автокресла Лиза. Макс безмолвно вылез из машины, залез – теперь уже на заднее сиденье и, отстегнув ремень безопас-

ности, притянул к себе Лизу. Маленькую теплую дурочку.

– Котенок, я тебя всегда буду любить, – фыркнул насмешливо, прикидывая в уме, что ему делать.

Лиза, прижимавшаяся к нему, заворочалась, заерзала, а потом выдала такое, от чего у Макса зазвенело в ушах.

– А если тебе Алена родит родного ребеночка – тоже будешь?

Родного? Твою ж мать! Твою же мать, Калугина, тебе и так жить осталось не долго, но если ты и это Лизе сказала...

– Котенок, что значит родного?

– Валя... Валя сказала, что я тебе не родная. Что я – мамина. А тебе – никто...

Сжимая Лизу еще крепче, чем до этого, Макс прикрыл глаза. Если бы он мог взрываться, то сейчас выжег бы яростным взрывом всю Москву, не меньше.

Тварь.

Дешевая, фальшивая тварь.

Столько усилий было потрачено на то, чтобы эту хрень от Лизы скрыть...

Да, Софи Макс брал в жены уже беременной. Это была какая-то безумная вспышка страстик девочке-модели, которую вышвырнул на улицу директор её агентства. Максиму было плевать, от Софи ему сорвало крышу, он на ней женился, он признал Лизу своей дочерью – и не только признал. Макс действительно обожал Лизу, и ему было плевать на какие-то там гены. Лизка была маленьким солнышком, теплым, лас-

ковым, смешным. Её хотелось защищать от всего дерьма в этом мире.

А потом Софи уехала. И оставила свою дочь, оставила охреневшего от этого фортеля Макса, отбив ему всякое желание впредь думать исключительно эмоциями. Нет, нет, и еще раз нет. И ради дочери, и ради себя – он поддаваться чувствам не хотел. И... Кажется именно поэтому сейчас у него дохрена проблем.

– Зайка, ничто на свете не заставит меня тебя разлюбить. Поняла?

Лиза глянула отцу в лицо и торопливо закивала. Что Макс хорошо умел, так это – быть убедительным. Слава богу. Потому что Макс не очень-то и понимал, что говорить сейчас Лизе. Он не планировал ей сообщать подобных новостей лет до двадцати пяти, а можно и позже – не рассказывать. А теперь, что делать теперь? Отрицать слова Калугиной? Врать? Нет, ради такого дела можно и соврать, но все равно – поверит ли Лиза до конца? Не будет ли этот вопрос сверлить её до конца жизни. Нет уж, теперь придется танцевать с учетом правды, и любить – вопреки Лизкиным убеждения. Обязательно – поработать с психологом. Лизе. И обсудить этот вопрос самому Максиму, да.

– Пап. – Лиза настойчиво затеребила Макса за рукав рубашки, чуть отстранилась, уставилась в глаза. Блин, и когда она успела так вымахать, и зачем она торопилась расти? Еще в прошлом году была такой смешной девчонкой, а сейчас

вытянулась как кузнечик, хвосты во все стороны – и даже глаза не по-детски серьезные.

– Да, зайка?

– Ты... Ты можешь вернуть Алену? – тихо спросила Лиза.

Макс закрыл глаза, роняя затылок на спинку кресла. Он так старательно отстранялся от всего этого, от мыслей об Аленке, с которой он обошелся как редкостный мудака... Господи, Сан, вот почему ты так тихо ушла... Нет, вряд ли она поняла про Калугину, с Аленки бы случилось сдать Валю, пойми она, в чем дело. Нет. Не понимала. Переживала сама, и решила попросту не лезть – раз Лиза от неё бегаёт, а Макс даже не хочет разобраться. Господи, наверняка же себя накрутила. Она же и так не доверяет мужчинам после того кидалы, а теперь еще и Макс. Попользовал и вышвырнул как ненужный презерватив.

– Тебе она нравится, зайка? – На это Лиза торопливо закивала.

– Она классная, – с видом знатока вывела госпожа императрица. – И не злая.

Ну, вот, Сан, все-таки ты стала фавориткой... Осталось только понять, как тебя вернуть?

В то, что нужно вернуть – Макс не сомневался. Сомневался только в одном – что ему это удастся. Она ведь ждала. Молча ждала, пока он созреет, пока сделает шаг ей навстречу, хоть какой-то. А он – упивался её любовью, её страстью, её теплом и надежностью, а сам... Хранил секреты.

Практически врал. Молчал. Не спешил греть взаимно.

Даже сегодня утром, когда он уламывал Сан погулять в компании Лизы и Вали – она ведь не отбивалась. Хотя голос был слегка уставший, это верно. Но все же, она согласилась. Не спорила. Если уж смотреть глазами – она прилагала охренительное количество усилий, чтобы понравиться Лизе. Зачем бы ей это было нужно? Охренеть, сколько вариантов ответа на этот удивительный вопрос...

Нужно было подумать и накормить Лизу нормальным обедом, благо повар уже должен был его приготовить.

Ключи, которые Макс оставлял Аленке, ждали его в почтовом ящике. И те немногие вещи, что в его квартире были оставлены ею – пропали, оставив вместо себя лишь щемящую пустоту. Даже телефон, подаренный ей – лежал на кухонном столе в той же белой коробочке. Макс надеялся хотя бы на какую-то записку, хоть на что-то – но нет. Он сам разжал руку. Он сам не удержал её. И она ушла. Потому, что любой любящий человек хочет быть нужным.

Она была нужна. Макс это знал и раньше. Еще даже до её приезда, а после сама мысль о том, что может не получиться, и что ему придется разжать руки и отпустить Санни домой – в будущее без него, резала по живому. Он ждал, каждую секунду ждал, что она вспыхнет и уйдет, заявив, что на отца-одиночку и его геморрой – не подписывалась. И сегодня рванул сам, играя на опережение, стремясь уклониться от еще одного предательства. Предал сам. Даже не попытался

разобраться, даже на секунду не подумав о ней, о том, как тяжело может быть ей...

Да, Сан Максу была нужна. Как воздух, как живая вода, как солнце. Вот только знала ли она об этом? Говорил ли он об этом ей?

Макс позвонил в гостиницу. Если Аленка там – может, удастся уломать администратора переадресовать звонок в её номер. Или можно прихватить Лизу и ломануться к Санни, козыряя не только своим обаянием, но и Лизой. Может, работает?

– Алена Яковлева съехала час назад. – С сожалением сообщила портье, и Макс чудом удержался от того, чтобы не выругаться. Так. И что дальше? Она уехала? Домой? Или есть хоть малюсенький шанс, что она все еще в Москве?

Нет, шанс точно есть, билеты были по меркам Санни не очень-то дешевые, а если она оставила подаренный ей телефон, значит – планировала купить сама. Значит – траты, которых она не предполагала. Значит, не исключено, что останется до субботы. Значит, будет где-то ночевать, а если съехала из гостиницы – значит, куда-то.

Макс включил телефон, оставленный на столе. Нет, если бы Аленка все сохраняла на сим-карту – его бы ждал жесткий облом, но нет, контакты были в памяти телефона.

Мама, Аня – это все не то. Звонки по этим контактам вчерашние. А, вот. Артем Воронцов. Звонок был сделан часа три назад – как раз после больницы. Что-то Санни говорила

про своего друга, который пустил корни где-то в Москве.

Нет, служба безопасности у Макса была прекрасная. И в плане “достать информацию” у стоявшего во главе службы Самохина все было схвачено, вот только на то, чтобы пробить адрес чувака по одному только номеру телефона – он все равно потратил практически бесконечные, чертовы три часа.

Вторая няня, которую Макс не дергал уже месяц, наверное, переводя себя и Лизу на режим “пытаемся понравиться как есть, а не деньгами” – виновато сообщила, что сегодня уже занята, но завтра утром придет обязательно.

Утра еще нужно было дождаться. Нужно было что-то там сожрать, потому что Лиза категорически отказалась ужинать в одиночестве, а кусок в горло не лез, сколько его туда не впихивай. Вкуса еды Макс не ощущал напрочь. Мысли лезли не туда. Мысли лезли в дебри предположений, чем могут заниматься в одной квартире Аленка и этот её Артем.

В дружбу между мужчиной и женщиной Макс верил с большим трудом. То есть да, наверное, оно существовало, но... Ну, он и Санни тоже «были друзьями». Ну, до её приезда в Москву. Хотя, Макс изначально знал, где и с какой интенсивностью он вертел ту дружбу, потому что ему было категорически мало Сан только в этих пределах.

Потому что, да, хотел с самого начала утащить Сан в свою берлогу, вцепиться в неё всеми конечностями, смотреть, как она пишет свои истории, уже вживую, а не засмотрев до дыр

фотки в соцсетях.

И вот теперь Аленка, его Ольховского Аленка, рванула к другому своему другу, который вообще-то по оговоркам самой Солнечной, и против Макса-то высказывался... И как не видеть в этом ревность, аналогичную собственной? И как может воспользоваться случаем мужик, если интересующая его девушка явится порыдать в жилетку?

Макс настойчиво пытался об этом не думать. Пытался вышвырнуть из головы мысли, что где-то там, его Сан, его Солнечная девочка, может стонать от удовольствия под другим мужиком. И о том, что будет делать, если все-таки все окажется именно так, как ему кажется – он тоже пытался не думать. Пытался донести до себя, что вообще-то сам бросил Аленку, что не его бы собачье дело, чем она и с кем занимается, но в первую очередь, потенциального соперника хотелось угробить. А потом.... Потом снова сгрести Сан в охапку и...

Так, сначала он вымолит свое прощение, а уж потом “и...”. Наверное, потом. Если Макс, конечно, дотерпит.

Перед тяжелой металлической дверью с цифрой “44” Макс с минуту стоял, как перед плахой. А потом позвонил. Если бы он знал, что его ожидает...

37. Милый друг

Аленка проснулась рано, долго валялась, пытаясь уснуть снова, но на душе скребли кошки, поэтому она все-таки встала, и сначала вычистила зубы до скрипа, и как и была – в

одной легкой пижаме с шортами выперлась в кухню. Абсолютно не удивилась, застав здесь Артема. Она и не слышала, как он ложился, а это вряд ли бы ему удалось повернуть спокойно. В конце концов, снимал-то Темыч однушку, и да – раскладушка у него нашлась, а вот ходить не как слон он вряд ли научился. Столько лет не умел – и вдруг научился? Это вряд ли, не такой он был человек, чтобы заморачиваться на приобретение навыков сомнительной полезности.

Судя по взъерошенному виду и тому, как Артем залипал на экран КПК – он кодил всю ночь. Ну... Кажется, новая работа действовала на Воронцова положительно. По-крайней мере, Танчики его уже не интересовали. Ну да, он же теперь был карьеронацеленный и все такое прочее. И правильно – Танчики Воронцова в ведущие программисты не выведут.

– Темыч, кофе остался? – Еще вчера вечером банка кофе была почти пустая, и этот гений скорей всего все во время своего ночного порыва кодерского вдохновения пропил весь оставшийся кофейный запас. Не дожидаясь ответа, Аленка потянулась, прихватила банку из-под кофе, поболтала.

Так и есть. Пусто. Жизнь была всесторонней болью.

– В шкафу еще одна есть, – нетерпеливо буркнул Артем, на краткий миг отрываясь от программы, которую проглядывал на предмет косяков.

На горизонте просветлело. Чуточку. Пока Аленка наливали кофе, Артем гипнотизировал взглядом экранчик, а затем сплюнул и отодвинул его от себя. То ли отчаялся найти ко-

сяк, то ли решил, что шлифовка на сейчас окончена.

– А мне налить? – нахально поинтересовался он. – Плати за аренду койкоместа натурой, женщина.

– Если б натурой, – фыркнула Аленка, – тебе что, футболки погладить некому?

– А их что, гладить надо? – Артем задрал бровь, насмешливо ухмыляясь, а потом вдруг посерьезнел, и глянул на Аленку пронзительно.

– Ну, ты как?

– Я – нормально, – натянуто улыбнулась Аленка, отворачиваясь и доставая из кухонного шкафчика еще одну чашку для кофе.

Отчасти это было даже правдой. Так вышло. Так вышло, что одиночество Аленка уже не один год как возвела в ритм жизни. Привыкла не думать, привыкла отодвигать чувства на задний план и лить их в свои тексты сотнями тысяч литров, собственно, поэтому и писала. Потому что с трудом могла обойтись без этого. И все-таки давненько ей не было настолько паршиво. Давненько не хотелось забиться под одеялко и рыдать там три дня кряду.

– Врушка, – пронизательно вздохнул Воронцов, таки вытащился из-за стола, обнял Аленку за плечи.

Аленка развернулась лицом к Артему, уткнулась лбом в его плечо, прикрыла глаза, пытаясь не реветь, но плечи все равно норовили дрожать.

– Ну не реви, дурища, – Артем ворчал как добродушный

медведь, поглаживая Аленку по затылку, – не реви, непутевая. Все у тебя будет, поняла?

Все-таки он был редкостный болван, но офигительный друг. Увы, и он сейчас все бросил и уехал в Москву, домой Аленке предстояло возвращаться в гордом одиночестве. И от этого было еще хуже. И не хотелось возвращаться совершенно, даже вопреки тому, что вроде как в Москве Аленку уже никто и не держал. Хотя, как это никто? А Темыч? Тот самый Темыч, который повадился ходить в качалку, после побега Вадика, когда к Аленке приставали прокинутые Кислицыным приятели. В драку Артем влезал всего пару раз, но ведь влезал же. Прямо идеальный старший брат, только родители были разные.

– Слушай, может, ты все-таки мне дашь адресочек своего Ольховского, я пойду ему наваляю за тебя, а? По-братски! – На это предложение Аленка нервно фыркнула, и отстранилась, вытирая слезы и глубоко вдыхая воздух, чтобы побыстрее успокоиться.

– Не надо, – тихо всхлипнула, запрокидывая голову и не давая себе разреветься снова. Объективно, валять Максиму было не за что. Не за два эпикфейла с его дочерью подряд. И уж точно не за то, что Аленка в его адрес размечталась. Ничего не обещал? Ничего. Не стоило и рассчитывать.

Воронцов тяжело вздохнул, потому, что явно его намерение ему не давало спокойно спать, а затем снова плюхнулся на стул.

– Тогда налей мне кофе, женщина, – недовольно буркнул он. – И, чур, в него не рыдать! Не люблю кофе по-эфиопски.

– Эксплуататор!

– И рабовладелец, – Артем кивнул, подтверждая Аленкино заявление, и девушка слегка улыбнулась.

От вот такой вот бессмысленной вроде бы болтовни становилось капельку легче. Совсем чуть-чуть, потому, что вообще-то внутри резала вдоль и поперек душу сухая горечь. От одного только упоминания его фамилии, раскатистым эхом внутри будто-то рассыпалась боль.

Макс, Макс, Макс...

Вот как без тебя жить? Дышать, как, скажи? И не хотелось тебя винить, но как же глубоко ты въелся в душу, так что содрал своим: «Не прощу», – кожу вместе с мясом. И все-таки ты дура, помнишь, Ленок? Сколько тебе о том говорили, пока ты собиралась в Москву? Кого ты слушала? Хотела затмения, хотела дать себе шанс на мечту.

– У тебя слипнется от такого количества сахара, – буркнул Артем и вытащил из рук Аленки кружку.

Блин, задумалась.

– А у тебя типа не слипнется? – поинтересовалась Аленка, оглядываясь к Воронцову.

– А я ночью работал, мне можно, – усмехнулся Артем.

– Темыч, почему мы не женаты, а? – рассеянно произнесла Аленка.

Воронцов глянул на неё, саркастично задрал брови.

– Давай допустим, что я тебя сейчас возьму и позову за муж, – вкрадчиво улыбнулся он. – Пойдешь?

Аленка глянула на это взъерошенное чудовище в покосившихся очках, придирчивым взглядом. Нет, он конечно симпатичный, и кодит тоже... Но вот как глянешь в эти глаза, как поймешь что совести у Темыча нет совсем не в том смысле, в котором это может понравиться девушке... А если подумать про секс...

– Да ну на хрен, – Аленка фыркнула, передернула плечами отворачиваясь.

– Вот и нефиг, – нравоучительно буркнул Артем, снова утыкаясь в экран планшета. – Задолбала со своими дурацкими шутками, Ленок, правда.

– Да я сама себя уже ими задолбала, – Аленка вздохнула. – Но что мне, плакать? По-моему, вчера и так было чересчур много слез.

– Да нет, почему, порыдай, это не вредно. Только учти: потоп устроишь – все убытки моих соседей сама оплачивать будешь. А с учетом твоей зарплаты, госпожа провинциалка, проще будет на органы распродаться...

– Нет, ну вы поглядите на этого человека! – Аленка всплеснула руками. – И двух недель в Москве не провел, а уже понты как у истинного ма-а-асквича...

– А чего зря время-то терять?

Этот чудный диалог мог продолжаться практически вечно. Он здорово отвлекал, занимал, отключал мозг от

тоскливого щемления в груди. Но тут противной крякалкой взвизгнул звонок. Аленка с Артемом тут же заткнулись и уставились друг на друга.

– Ждешь кого-то?

– Ленюк, кого я могу ждать здесь? – Артем красноречиво обвел пальцем кухню. Ну, кухонка была маленькая, квартир-ка – дешевенькая. На что денег хватило, то и снял.

– Ну, может, какую-нибудь очень неприятную де-вушку, – предположила Аленка.

– Да ну, такие не в моем вкусе. – Артем качнул головой. – И вообще, не до девок мне сейчас, у меня испытательный срок не вышел.

К двери по принципу «женщины вперед» первой подошла Аленка. Пока там Темыч поднимал задницу, пока джинсы подтягивал – Аленка успела и в глазок заглянуть и, охренев, даже от двери отпрянуть.

За дверью стоял Ольховский. С букетом каких-то цветоч-ков, каких именно, Аленка не разглядела. И с мрачной ро-жей.

Первой лихорадочной мыслью было: «Блин, я даже не рас-чесанная».

Второй: «Эй, а какого хрена?».

В конце концов, он вчера ей все сказал, сам обозначил разрыв, мог и уважить то, что она от него ушла просто так, без истерики, соответствующей бьющейся в душе буре. Аленка сегодня даже телефон не включала, чтобы выдержать

и не набрать Макса.

И чего он такой недовольный, спрашивается? И как он вообще Аленку нашел?

– Кто там? – Темыч наконец-то дошел до двери, и Аленка яростно прошипела: «Тс-с-с», – прижимая палец к губам. Она соображала быстро. В конце концов, двадцать первый век на дворе, и пробить по номеру телефона можно кого хочешь. Но, раз пришел, раз искал, напрягался и пробивал – значит, факт разрыва задел и его. Вряд ли Макс стал бы напрягаться с розыском Аленки, если бы ему просто потрахать было не с кем. Значит – пожалел о расставании. С цветами пришел – значит, пришел мириться. И вряд ли к Артему, да. Макс был самой что ни на есть правильной ориентации, да и не были они с Воронцовым знакомы, не были.

И раз уж Ольховский пришел сам – вот тут коварная мстительная Аленкина сущность радостно взревела. Макс был ревнивый, как Отелло. Как этим не воспользоваться? Хоть бы даже ради того, как вернуть ему его собственную беспощадность в их вчерашнем разрыве. Да, он был мужик, максималист, рубил с плеча и наотмашь. Но блин, и так-то все для него, и ничего не скрывала, все пыталась делать «как надо», без вранья и недоговорок. И не просила ничего, да. Но к «Не прощу» была совершенно не готова. И к разрыву тоже. Так и убежала, даже не попрощавшись с Лизкой, чтобы не травить девчонке душу. И вот оно – дивное явление, с цветочками и выражением лица, чем-то средним между оботрившимся

ревнивым самцом и виноватым придурком.

– Раздевайся! – прошипела Аленка и дернула Темыча за подол футболки. Артем охренел так, что аж физиономию перекосило, но... Но кажется, лицо Аленки было красноречивым.

– Кто там? – Шепнул он.

– Он! – Аленка глянула на Темыча пристально. Тот чудом не прыснул, явно оценив Аленкину идею. Быстро схватывал. Недаром – лучший друг.

– Джинсы снимать?

– Не, не надо, но подтягивай их, как будто только что надел.

– Если меня убьют, чтоб на похороны не скупилась, – фыркнул Артем, комкая в руках футболку и не зная, куда её девать.

– Ради твоих похорон точно распродамся на органы. Дай сюда. – Аленка выхватила из рук Артема футболку и нырнула в неё. Футболка долговязого Воронцова была что надо – до середины бедра, даже шорты пижамные скрыла. То, что доктор прописал. Довершая картину «а я только из постели», Аленка взбила пальцами собственные кудряшки, чтобы они казались еще более растрепанными. Звонок крикнул еще раз. Кажется, они с Артемом слишком долго готовились к этому их «спектаклю».

– Иду, – гаркнул Воронцов и с явным усилием заставил себя не ржать, шепотом уточняя. – Ты готова?

– Я – да! – Аленка кивнула и нырнула в ванную. Было бы странно, если бы у двери оказались они сразу оба, так что... Тем более что не все «актеры» должны были появиться на «сцене» сразу.

Артем дал себе пять секунд, потом завозился с ключами. Открыл.

– Вам кого?

– Милый, кто там? – Как можно нежнее выдохнула Аленка, «летающей походкой» выходя из ванной. Ох, только бы Макс реально Темыча не убил...

38. Солнечная зараза

«Милый»...

Ну, Солнечная, ну, зараза...

Яростная ревность практически перекрыла Максиму дыхание, он чувствовал себя раздраженным быком, но что-то совершенно точно было не то в этой укуренной сцене. Нет, эмоции – они верили в происходящее, да. Ревность – верила. А вот рассудок, нет, не верил. Рассудок смотрел глазами и находил в картинке изъяны. Например, что футболка на Солнечной хоть и просторная, и да – мужская, но сидела странно. Будто не на голых сиськах. Но мужская. На Солнечной. На его, Макса Солнечной, была надета чужая футболка. И что этой нахальной девице потом откусить за такую измену?

Кстати, в продолжение анализа, парень, торчавший в дверях, которого сейчас Санни нахально обхватывала за талию, хоть и выглядел жутко не выспавшимся, но не таким удовле-

творенным, как если бы трахался целую ночь напролет. И вообще, он в тапочках, а не босиком. Это конечно так себе наблюдение, но если бы Макса подняли с постели после хорошей ночи, он бы просто влез в джинсы, а на тапочки бы забил. И не факт, что резинка боксеров из-под джинс бы виднелась. Пусть бы неожиданные гости в том случае сказали Максиму спасибо, что он ширинку застегнул. В конце концов, их в раннюю рань никто не ждал.

Это все были субъективные мелочи, конечно. Маленькие, за которые цеплялась мысль, которая не давала Максиму приступить к немедленному умерщвлению соперника. Ревность пыталась эти доводы оспаривать, выворачивала так и этак. Рассудок же её не особо и слушал, просто твердил, что нет, тут ничего не было, а вот с открыванием двери эти два идиота возились слишком долго. Подозрительно долго.

И что будь все так, как эти двое хотели сейчас показать, наверное, Санни бы сейчас от своего приятеля шарахнулась, выдала бы что-нибудь вроде: «Это не то, о чем ты подумал», и мордашка у неё была бы наверняка страдальческая, а не ехидно-вежливая. Все-таки Макс верил в её слова. Она его любила. И если бы было «по ошибке» или «просто так, для снятия стресса» – характер у ситуации был бы другим.

Придурка на своей дороге Макс просто отпихнул в сторону. Причем довольно аккуратно отпихнул – не дай бог, потом этого же придурка на свадьбу приглашать и вспоминать, что они подрались до сего прекрасного мероприятия. Букет

из ирисов, тюльпанов и фиалок тоже пихнул в руки опешившему парню. Кажется, к таким знакам внимания Аленкин приятель не привык. И привыкать ему не стоило, совсем.

– Это не тебе. Это подержать, – буркнул Макс и сгреб Аленку в охапку. Маленькая обидчивая дуреха протестующе запищала. Затрепыхалась. Даже на ногу наступила, пытаюсь отпихнуть. Нет уж, Солнечная, не сбежишь, не вырвешься. Сама эта мысль была еретичной, не понятно, как Макс вообще вчера оказался способен на то, чтобы с ней завязать. С этой-то женщиной, ставшей его жизненно необходимой привычкой. Приятной привычкой. Самой приятной на свете.

Господи, какая ж она теплая, и как сердце в груди радостно забухало. Хотелось сжать её сильнее, скользнуть ладонями на задницу, прихватить за неё так, чтоб эта дурында взвизгнула, вцепляясь в плечи Макса еще крепче. Чтобы впредь было не повадно дергать тигра за усы.

– Я тебя за это так свяжу, что пикнуть не сможешь, зараза такая... – шепнул Макс так, чтобы услышала сейчас только Аленка. И не только свяжет. Нужно придумать что-нибудь жестокое, изощренное... Хотя, самый жестокий вариант – связать и не трахать пару часов кряду был жесток в первую очередь к самому Максусу. Он не выдержал бы.

– Ольховский, ты охренел? – возмущенно поинтересовалась девушка, но губы у нее все равно тихонечко улыбались. – Приперся тут, как ни в чем не бывало....

– Я охренел?!

Вот реально, это Аленка сейчас Макса спрашивала, охренел ли он? А она сама? Что она, блин, устроила? Нет, ей весело, наверняка чувствует себя отомщенной, но Макс первые секунд пятнадцать было совсем не весело.

В том, что эта разводка была идеей Солнечной, Макс даже не сомневался. Развела его на ревность, дурища, и ведь получилось, почти получилось. Сыграла еще и его собственная паранойя. И судя по всему, Санни о ней догадалась. Зараза. И не жалко ей было своего дружка, а?

– Я без тебя не могу, – выдохнул Макс, жадно стискивая Аленку в своих руках. – Не могу без тебя ни секундоочки, слышишь, Сан?

– А я могу!

Обиделась. Сильно обиделась, видно по глазам. Губу прикусывала раздраженно, но... Господи, глазищи-то были довольные, чертовски довольные. Вроде и злилась, но все-равно – не могла хранить абсолютную неприступность. Ох, знала бы, как Макс ухотелось её сейчас целовать, но он не смел. Блин, не смел, как пятнадцатилетний робеющий и провинившийся балбес. Даже на объятия бы не осмелился, если бы не эта смешная разводка.

– Ну не ври мне, Солнечная, – усмехнулся Макс. Она обмирала от всякого его слова. Его искренняя теплая девочка. Сердитая, нахохлившаяся, напряженная, но все равно в её глазах он видел радость.

– А вот буду. – Аленка нахмурилась. – У нас с тобой все.

Сам сказал. И вообще у меня уже Артем. Вот. Иди на фиг, Ольховский!

Макс покосился на вышеназванного Артема. Тот стоял, рассматривая букет со всех сторон, явно не зная, чем занять глаза, и пытаясь не смотреть, как на его глазах тискают девушку. Ох, Санни, ну видно же, что тут не собираются как-то возмущаться происходящим. Хотя, может, парень просто жить хотел? Ну, там, видел, что Макс его прикопает, и заранее трепещал... Ну, хотя вряд ли, весовая категория была приблизительно одна, хоть Макс и был прокачаннее.

– Ну, раз такое дело... – Макс усмехнулся, – хорошо, Солнечная, давай сообразим на троих. Так и быть. Я виноват, согласен на уступки. Считай, договорились.

Как он и ожидал, офигели оба.

– Так, Ленок, – деловито произнес Артем, осторожно опуская букетик на тумбочку. – Я так понимаю, вышвыривать его не надо?

– Я, может, еще не решила, – недовольно буркнула Солнечная. Не очень-то убедительно.

– Значит, нет, – Артем тоже Солнечной не поверил, вздохнул, посмотрел на часы. – Тогда я пожалуй вам мешать не буду. Поеду на работу, сдам проект. Надеюсь, что после обеда вы уже помиритесь и натрахаетесь. Я, конечно, буду смертельно тосковать от одиночества, но так и быть, как-нибудь переживу разлуку. И чтоб кровать у меня стояла, как стоит, понятно? Она в реестр арендованного имущества входит.

Приятель у Солнечной был отличный. Макс у прям понравилась его сообразительность. И ведь свалил же! Свалил, оставив Аленку с Максом наедине. Золото, а не парень. Ладно, с ним дружить можно. Партия одобряет.

Солнечная слегка обиделась на своего друга за его «мужскую солидарность», это было видно. И без него часть боевого запала у неё все-таки пропала. Ушла в кухню, встала у окна, уставившись на дымящие раскатистыми клубами трубы ТЭЦ.

Некоторое время Макс смотрел на хрупкий девичий силуэт на фоне окна. Картинка была прекрасная, хоть прямо сейчас фотографируй. Но картинка это одно, а женщина – явно обиженная, тоскующая – совсем другое.

Обнимать Солнечную – особый вид удовольствия. Макс на самом деле любил это делать. Любил её согревать, и греться самостоятельно, прогреваться до глубины души, пропитываться её теплом. Вот и сейчас – вроде ничего сексуального не было в том, чтобы просто сжать пальцы на локтях девушки, и опустить ей на плечо свой подбородок. А в душе все аж щемило.

Аленка раздраженно дернула плечом.

– Отстань, Ольховский, – тихо буркнула она. – Изydi. Не трави мне душу.

Ну, вот как у неё язык поворачивается говорить такие вещи вообще? Как ему от неё уйти, как отстать? Блин, ну никого же в жизни Макса не было теплее, искреннее, открытее.

И никто к нему так не относился, как она. Все больше смотрели как на кошелек на ножках, а Аленка вроде и не в курсе, что вообще есть такой ракурс.

– Ален, прости меня, пожалуйста, – умоляюще произнес Макс. Вот и все... На самом деле – эти слова говорить было не так и сложно. Если знаешь, в каком месте накосячил, признавать свою ошибку легче легкого. Проблема в том, что осознавать-то как раз никто и не любит. Только бы простила, на самом деле. Вот в это верилось гораздо хуже. Даже при том, что он видел, что Аленке очень хочется его простить.

– Ну, прощу, допустим, – болезненно фыркнула Аленка. – Но послезавтра мне вообще-то уезжать. И что мне, по-новой от тебя отдираться? Я не мазохистка. Больше одного раза я такой стресс вряд ли выдержу.

– Сан, я тебя не пущу, – серьезно заметил Макс. – Никуда я тебя не пущу. Вот как хочешь. Но нет.

– Интересно. – Аленка развернулась к нему лицом, чуть отклоняясь, и глядя Максу в лицо. – И как кто я тебе тут останусь? Как девочка для секса и няня на полставки?

– Оставайся как моя любимая женщина. – Макс слегка улыбнулся.

На самом деле сказать нужно было другое. Но блин, это «другое» совершенно не стоило говорить хрен пойми где, и хрен пойми как. Точно не на тесной кухонке квартирки в Мытищах. Санни не должна была впоследствии вспоминать этот момент вот так. Ну и опять же... Нужно было сначала

вскрыться, еще бы понять, как это сделать так, чтобы Аленка Максу ничего не открутила за его цирк.

Аленка глядела на Макса с пару минут. Молчала, покусывая губу. Отвернулась к окну снова, тяжело вздохнула.

– Ты останешься, Ален?

– Макс, почему я? – внезапно поинтересовалась Аленка. – Ну, вот серьезно, почему я? Я не понимаю.

– А почему не ты, Солнечная?

Вопрос был за гранью, конечно. Вот эта вот дивная, смешная, теплая и запредельно искренняя девица в себе сомневается?

Пожала плечами, не очень-то торопясь отвечать. Ну ладно, придется обходиться без её пояснений.

– Милая моя, – терпеливо повторил Макс, припоминая волшебную фразу о том, что путь к сердцу девушки лежит через уши. – Я люблю тебя. Не знаю уж, почему я должен любить не тебя, но никого другого мне не надо. Так ты меня простишь? Останешься?

И снова промолчала. Затем – тихонько подалась назад, прижимаясь к груди Макса, запрокидывая ему на плечо голову.

– Интересно, в какой вселенной я могу тебе сказать «нет»? – пробормотала она, переплетаясь с Максом пальцами.

Ох, Санни... Ну прекрати. Ну, просто, как тебя после этих заявлений не хотеть и не любить? Как можно не хотеть и не

любить свою женщину?

– Слушай, я правильно помню, что в этом доме есть кровать? – вкрадчиво поинтересовался Макс. Хотя, честно говоря, даже если бы он помнил неправильно – кровать, в конце концов, была не обязательна...

39. Привяжи меня к себе

Как так вышло? Как так вышло, что виноват был Макс, а наказывали сейчас Аленку? Что это была за странная магия, после совершения которой Аленка оказалась крайней?

Хотя ладно, это не была странная магия, это был просто последний день в Москве.

Завтра Аленка уезжала разбираться с увольнением, решать кучу мелких проблем, доводить маму до кондрашки, отбиваться от санитаров из желтого дома и очень надеялась, что через две недели, когда она вернется – Макс никуда не исчезнет и не передумает. Он-то, по крайней мере, кажется, ужасно хотел, чтобы Аленка передумала. Чтобы вернулась к нему. Он даже отвез Лизку к бабушке, и пообещал Аленке, что сегодняшней день она запомнит надолго.

Наверное, кто-то бы счел, что Аленка Макса простила слишком быстро, но... Честно говоря, она и прочувствовать его потерю особо не успела. Он пришел слишком быстро, практически мгновенно, все, что успела Аленка, так это проплакать один вечер, а ранним утром пятницы Макс и заявился.

Сколько поцелуев было сказано, как самозабвенно они

трахались – на подоконнике в кухне Артема, на его столе, в его душе и таки да – на его кровати. Темыч ворчал и возмущался, что столько секса в его квартире прошло мимо него, и что надо было остаться и «хоть посмотреть», а Аленка лишь хохотала, и пила чай из оранжевой кружки, сидя у Макса на коленях. Было очень укуренно сидеть в одних трусах и Максовой клетчатой рубашке на вышеупомянутых коленях Ольховского и – на кухне у Темыча. Ну, а кто виноват, что они не успели тогда сбежать до его прихода. Заняты были. Очень заняты. Впрочем, Артем разглядывал Макса и Аленку с практически братским умилением, правда, в какой-то момент они и выходили на балкон «покурить», хотя не курили оба... Но вышли, в общем-то, удовлетворенные друг другом, без фингалов и прочей хрени.

Сегодня не было никаких лент. Будто грубоватый джуг сильнее отражал, как сильно Макс не хочет с Аленкой расставаться. Так, по крайней мере, сказал сам Макс.

Было в процессе обвязки что-то успокаивающее, практически медитативное. Был Макс, спокойный, улыбающийся, и веревка, лежащая на тело. Много веревки. Кроме веревки на Аленке ничего и не было.

И, наверное, это должно было беспокоить, но – Аленка вообще простила себе все, что была должна.

Они не разговаривали. Сейчас это было не нужно. Сейчас Аленка и так была в центре мира Макса, а он говорил ей все, что хотел сказать. Глазами, одними лишь своими жадными

глазами, которые он от Аленки практически не отводил.

Описать узор веревки на теле Аленка бы даже не смогла. Она сидела на кровати, на коленях, сведя руки за спиной, перекрестив их там. Запястья вместе держали несколько петель, фиксация была вроде и свободная, но в то же время не очень. Гриву Аленкиных волос Макс разобрал на пряди, вплел в них кусочки веревок, и, опутав пальцы девушки плотной паутиной веревки – связал с ними волосы. Теперь приходилось чуть запрокидывать голову, хотя Аленка все-таки позволяла себе эту слабенькую боль от натянутых прядей. Это было остренько.

От прикосновения к телу веревки, шершавой и мягкой, по коже бежали мурашки. И Макс добавлял – то потянет веревку повыше, заставляя её проскользнуть по телу и вызвать новую стайку мурашек от соприкосновения нежной кожи и грубоватого джута. То выкрутит пальцами соски, выбивая из груди Аленки слабый стон. То пробежится пальцами по губам – легким, порхающим, дразнящим движением.

Ольховский это обожал. Обожал доводить до точки кипения. Вот хобби у него было, сначала довести до критической границы, когда либо взрыв, либо смерть. Вот и сейчас Аленка уже почти горела, удивительно, как не полыхали алым пламенем веревки на её теле.

– Я тебя сфотографирую.

Макс даже не спрашивает, Макс ставит в известность. Если это перебор – есть стоп-слово. Но никакой «Зимы» Ален-

ка не произносит. Лишь молчит и глядит на Макса с максимально возможным желанием. Даже губу покусывает, чтобы показать, что ей не терпится. Может, сработает? Ну, или хотя бы на фотке она будет выглядеть дерзко.

Господи, как вспоминаются мысли, что одолевали Аленку в самый первый день, про то, что не очень она и симпатичная, что вряд ли получится – и до того становится удивительно. Вроде ничего не поменялось, но получается же, что не так уж все у неё и запущено, раз вот этот крышесносный мужчина смотрит на Аленку как на какую-то супермодель. Ну, ему-то виднее, кто в его вкусе! И как же хорошо, что его виды на Аленку имеют такую долгосрочную перспективу.

Фотоаппарат щелкает три раза, затем Макс его откладывает. Теперь у него есть на Аленку компромат, хотя... В общем и целом пофигу. Фантазия на тему того, что этот Ольховский, при всей своей ревливости, поделится этими фотками хоть с кем-то – довольно неверифицируема и очень смахивает на мираж.

Нет, это было крайне жестокое обращение с умирающими от желания женщинами. Аленка уже думать ни о чем не могла, только о сексе с Максом, о члене Макса, о пальцах Макса и прочих его «достопримечательностях». А этот паразит, закончив обвязку бедер, завязав последний узел, достал из своей волшебной тумбочки черное перо, сбегал до кухни за блюдечком со льдом, и продолжал издеваться. Аленка не могла видеть его рук, голова все-таки была запрокину-

та, поэтому категорически не могла представить, где и чем он прикоснется в очередной раз. Прикрыла глаза, сосредоточившись на осязании, можно сказать – добровольно приняла Максову расправу, чтобы сполна ей насладиться.

Его пальцы на её груди. Осторожно кружат вокруг сосков, тербят узел, расположившийся в чувствительной ложбинке между грудей. По лопаткам пробегают пальцы с кусочком льда, ведут вдоль веревок, очерчивая Аленке рисунок, заставляя её постанывать от контраста ощущений.

Щекотно, и щемит, и крутит внизу живота, хотя, казалось бы – куда сильнее-то. В глазах танцуют солнечные зайчики и мелкие темные мушки. Господи, как же сладко и мучительно, а. Не шевельнуться, не взять его за грудки и уронить на себя – сиди и терпи, терпи, терпи это невыносимое удовольствие, лишь усиливающее внутренний голод Аленки по этому несносному мужчине.

Перо гуляет по бедрам. Порхает по чувствительной коже всей "зоны бикини", заставляет извиваться, вздрагивать, елозить, тревожить на своем теле – и на бедрах же, все те же веревки, тереться о них сильнее, заводиться еще больше.

Губы – суше и горячее, чем пустыня. Когда Макс скользит по ним кусочком льда – Аленка инстинктивно тянется к нему, воделея этой свежести, раз уж облегчения её мукам не завезли, а получает – жаркие губы Макса и его язык, жадный, добирающийся аж до горла. Аленку уже даже не желание одолевает, лютая похоть, она нестерпимо хочет, чтобы

Макс её сейчас опрокинул на кровать, заставил задрать задницу повыше, уткнуться лицом в простыню, а потом – засадил бы так, чтоб искры полетели во все стороны. Он может.

Перо ложится на кровать, у Макса остаются только его руки и лед. Цель – клитор Аленки. Кажется, Макс её то ли изучает, то ли дрессирует, потому что то, что он выделяет с этим чувствительным бугорком – не описывается никакой системой. Натирает, теребит, снова трет, а потом заставляет Аленку усесться на постель и бесстыже раздвинуть колени. Все для того лишь, чтобы видеть, как его пальцы с ней играют, а затем мазнуть почти истаявшим кусочком льда по половым губам. Выбить еще один стон. Будто ему их мало. Нет, это уже невозможно терпеть...

– Макс...

Промолчал. Даже лицо не изменилось. Ну да, договаривались же.

– Ма-астер...

– Готова?

Тон будничный, глаза – как две бездонные пропасти. Будто договаривают за Макса, все, что он хотел сказать.

Готова ли ты упасть в бездну?

Готова ли ты? Пропеклась ли ты? До румяной ли корочки?

Готова ли, показать, что ты прекрасно знаешь, что ему нужно?

– Трахните меня, мастер, – иступленно шепчет Аленка, добавляя уже от себя, не по оговоренной форме, – и пожест-

че, пожалуйста.

Пожестче, так жестче – как заказывала, так и получила. Все было как в вожденной картинке – она стоит на коленях, и впивается зубами в уголок подушки. Руки заломлены чуть выше, слегка болезненно, соски трутся о простыню. А Макс в Аленку засаживает: раз, другой третий. И хочется орать, на самом деле, потому что при движениях веревка проскальзывает по коже, и это лишь ускоряет приближение оргазма. Хотя, сейчас на этот оргазм работает все, и жесткие пальцы Макса, стискивающие кожу на её бедрах – особенно.

Каждый толчок – феерия. Каждая секунда – полна этой сладкой агонии. Под завязку. И хочется еще-еще-еще.

Они с Максом по-прежнему соревнуются, он по-прежнему заставляет Аленку кончать раньше себя, и желательно, чтобы к его оргазму она кончила еще разок, но... Но Аленке нравится растягивать секунды до того, как лоно сведет этим мучительно сладким спазмом. Её нравится сам процесс, по-прежнему, а с Максом – как ни с кем. Его всегда мало, в нем хочется раствориться, упасть и утонуть дотла, но... Но что поделать – этот паршивец знает свое дело. Он знает, как заставить Аленку кайфовать, и редко бывает милосерден, у него как будто план на оргазмы. Ничего, Макс, ничего... И до тебя Аленка доберется. Приедет и доберется. Дай только разобраться, как с веревками обращаться.

Мысли в голове – все сплошь какие-то односложные, и в основном представляют собой коктейль из междометий. И

оргазм, чертов оргазм – все-таки швыряет Аленку в густую жаркую черноту, когда нету сил ни на что, лишь на то чтобы дорабатывать, довести до разрядки и Макса, а сегодня это все-таки занимает время. Лишних пятнадцать секунд.

Макс дает Аленке растечься по кровати, свернуться на ней клубочком, насколько позволяет веревка. А потом снова её целует, неторопливо, влажно, кажется, поставив себе за цель изучить её горло досконально. И от прикосновения его губ будто по венам бежит то ли электрический ток, то ли какая-то магическая энергия. Кажется, и дышать становится слаще, и цвета будто бы становятся ярче от того лишь, как трепетно и со вкусом Макс Аленку целует.

– Ты космическая, – шепчет он негромко, как будто открывает самый страшный секрет. И у Аленки в душе трепещут бабочки, и задевают своими нежными крылышками сердце, будто покрывая его поцелуями. Эй, бармен, повторите этот вечер, и всем шампанского за счет заведения.

40. Возвращение Валентины

– Мы вам перезвоним.

Валентина смотрела в глаза тетки, которая проводила с ней собеседование и понимала – нет, не перезвонят. Это было семнадцатое собеседование за эти десять дней с момента увольнения. И нет, еще ни с одного потенциального места работы ей не перезвонили. Ну, Ольховский обещал, что работу она не найдет – Валя и не находила. Ни по специальности, ни – без неё. Не брали даже на должность уборщицы на вокзал.

Может, стоило рвануть из Москвы, в какую-нибудь провинциальную глушь, вроде той, откуда понаехала эта Алена, в которой про Ольховского и слышать не слышали, но от этой идеи Калугиной становилось тошно. Она была москвичкой. Она ей родилась. И не хотела менять шумную, жизнерадостную, претенциозную столицу на городок типа «деревня», в которой не было ничего, кроме пятиэтажек, уныния и места на свободной кассе у единственного Макдональдса.

Вале пришлось переехать к маме. В Бутово. В задрипанную хрущовку. Потому что как раз подошел срок платить за квартиру, а Ольховский – ткнул Вале в строчку договора, в котором были оговорены штрафы за травмы «вверенного на попечение ребенка» и разглашение «секретной информации», и расчет уменьшился в четыре раза, став крайне печальной суммой, которой не хватило на красивую Валину квартирку.

Проблема жизни с мамой для Вали заключалась даже не в том, что хрущовка у матери была однокомнатной, что спать приходилось на скособоченном диване, а выкидывать и покупать новый мать не разрешала – «побереги деньги, они тебе еще пригодятся». Проблема жизни с мамой заключалась в основном в самой маме, которая была твердо убеждена, что она в своем возрасте и после того как «поставила на ноги» двух дочерей – имеет право на личную жизнь и не обязана «кормить кобыл».

Сбережения таяли на глазах, Валя отнюдь не сразу сооб-

разила, что стоило бы снизить уровень жизни. По-честному надеялась, что Ольховский одумается, перезвонит ей, вернет к себе на работу – а лучше явится к ней с цветами, потому что до него наконец-то дойдет. Нет, не перезванивал. Зато карму испортил так, что не брали даже в задрипанные шаурмячные.

За краткий срок Валя поняла, что придется отказаться и от фитнеса, и от маникюра. Просто, то, что хотелось – она отныне не могла себе позволить, а ходить куда попало – Валя не желала принципиально. Пришлось даже банальные траты пересмотреть и перейти на чертовы макароны. Валя вроде и не замечала пока радикальных изменений, но прямо ощущала – встанет в конце месяца на весы и будет хотеть ими проломить голову девке Ольховского. Потому что это все из-за неё, из-за неё было!

Ольховский... Чертова злопамятная сволочь. Ну, вот как так? Ведь у Вали почти получилось! Ведь все было хорошо. И подстилку свою Ольховский послал, но ведь надо же. Лиза развязала язык. Маленькая дрянь, а. Колхозница ей, видите ли, понравилась. Соплячка неблагодарная.

– Ну, что с работой? – Деловито поинтересовалась Зинаида Ильинична Калугина, когда Валя заявила с собеседования домой. Мама торопилась в театр, мама вела активную светскую жизнь – она «могла себе позволить».

Вот у кого ни один мужик, на которого она нацеливалась, из цепких когтей не выпрыгивал. Правда и разводилась Зи-

наида Ильинична часто, и квартирка у неё была так себе, но её все устраивало – а если не устраивало Валу, то её здесь никто не держал. Так мама всегда и напоминала.

– Они перезвонят, – хмуро буркнула Валя, прекрасно зная, что это для её матери не убедительный аргумент. Для неё вообще не существовало убедительных аргументов. Впрочем, о том, что Валя умудрилась попасть в немилость Ольховского – она матери не сказала. Не дай-то бог...

– Долго еще на моей шее сидеть будешь? – Раздраженно поинтересовалась мать. – Тебе уже тридцать, деточка, а ты все еще никак не можешь на ноги встать, ох, был бы жив Степа – со стыда бы сгорел за такую дочь. Ну, хоть Олечку я нормальной вырастила, а не иждевенкой...

Валя скривилась. Ну, начало-о-ось. Олечка. Младшая сестрица, в каждой Валиной проблеме – один вечный пример того, как надо «правильно жить». И сама-то в универ поступила, и выпустилась, и в фирму устроилась без протекции, и вышла замуж за какого-то менеджера среднего звена, и теперь вместе с ним платила ипотеку за квартирку. И видела Валя ту Олечку – ни тебе подтянутой фигуры, ни маникюра. Сестрица выглядела как ломовая лошадь, и её почему-то Вале ставили в пример. Будто вот на это следовало равняться. Родила Олечка мамочке внучка – поди тут же перестала бы быть любимой доченькой, села бы в декрет на зарплату своего менеджеришки, поди по-другому бы запела. И наверняка материнской «светской жизни» пришлось бы

кирдик, чего Валя внутренне очень хотела.

Валя дождалась пока мама уйдет. Потому что вообще мать наверняка бы разоралась на происходящее. Мол, у Вали тут нет ни денег, ни работы, а она краску для волос покупает, деньги тратит и в ванной пачкает. И плевать, что краска была самая дешевая, черная. Вале было даже плевать, как эта краска ей волосы испортит. Плевать. Сейчас уже плевать, когда планы по устройству успешной личной жизни пошли под хвост. Главное, чтоб изменения были радикальные.

Они и были радикальные.

Вместо ярких платьев – темная майка, серые джинсы и дешевенькие кроссовки. Никаких толстовок. Валя вообще замечала, что всегда наиболее подозрительно относится к людям в толстовках с надвинутым на голову капюшоном. И не раз узнавала в подобных своих одноклассниц. Нет, нужно, чтобы не обращали внимания, а не с подозрением смотрели.

А еще нужно не вызывать никаких ассоциаций с самой собой. По пути к метро Валя забежала в первую попавшуюся парикмахерскую с надписью «Стрижка за триста рублей» и обкарнала себе волосы под пикси. Нацепила на нос солнцезащитные очки в поллица, намазала губы стариковской ядерной помадой, и вуаля – теперь её и старый знакомый с трех метров бы не узнал. Ну, по крайней мере, Вале так казалось. Ну как её узнаешь-то? Она же всегда была милая, женственная, стильная, а тут – чухонка обыкновенная, жизнью загнанная. То, что и было надо для Валиного плана.

Судя по всему – помириться с деревенщиной Ольховский успел, а вот снять свое «инкогнито» – нет. Потому что во-дила его по-прежнему у того же дома оставлял машину. Да, у Ольховского, даже в его «секретном режиме», был и водитель, и повар, и личная уборщица. Просто они не были постоянно в доме, они приходили, делали свои дела и уходили. Что иронично, колхозница не замечала. Может, она думала, что пыль у Ольховского в квартире сама упархивает? А может, Алена просто была без мозгов...

Новую няню Лизы Валя, к счастью, не знала, но без проблем опознала по ребенку. Нянька явно была новенькой, потому что «старенькую» Валя знала и близко бы к ней не подошла. Та бы её Ольховскому мигом бы сдала. Новенькая же девица была нервная, суетливая, никаким психологическим образованием там и не пахло. Вот её пункты про «травмы подопечной» и размер штрафа за них явно очень впечатлили, потому что она напугано охала, когда Лиза куда-то залезала, и тревожно голосила всякий раз, когда дочь Ольховского куда-то укатывала на самокате.

– У вас милая дочь. – Произнесла Валя, когда Лиза в который раз зависла в дальнем конце игрового спортивного комплекса. – Подвижная.

– Это не моя. – Торопливо отозвалась новая нянька, вытягивая шею, и выглядывая Лизу, повисшую на веревочной паутине. – Это хозяйина.

– А хозяйин что, не женат? – Деланно удивилась Валя. В

деле разведки следовало всегда пользоваться моментом, когда человек был в запаре. И задавать нужные вопросы.

– Нет, но как раз собрался, – бросила девица и рванулась снимать Лизу. А Валя ухмыльнулась и зашагала в самый угол двора. Не то чтобы она думала, что Лиза её узнает, но все же могла. Поэтому от неё стоило держаться подальше.

Значит, все-таки собрался жениться на деревенской выскочке... Валя присела на лавочку, вытащила из кармана пачку сигарет с зажигалкой, не без наслаждения затянулась. В горле запершило, не курила Валя, пожалуй, со студенческих лет, и сейчас сигаретная горечь во рту пришлась в тон внутреннему раздражению.

Значит... Собрался жениться... Серьезно...

Если в курсе даже нянька – значит, кипешь Ольховский начал сильный, значит – всю готовится.

Почему? Откуда вообще вылезла эта наглая девка? Что за магией такой она обладала, что шутя приручила и мужика, и его дочь, которых сама Валя обхаживала два года.

На самом деле, Валя приходила к этому дому уже не в первый раз. Ходила уже неделю, часто – перед собеседованиями, когда было нечем заняться, и после них. Забивалась в угол двора, пряталась за кустами и деревьями и наблюдала. С ненавистью наблюдала, как выходит из машины сам Ольховский, как сверкает своей чертовой улыбкой и говорит по телефону. С ней говорит, это было очевидно, потому что только с ней он говорил так, что улыбка с его губ не сходила в

принципе. Как-то краем уха Вале удалось зацепить обрывок фразы: «Ну, когда ты уже приедешь...» – и в эти минуты она от бессильной ярости ужасно хотела заорать.

Эта деревенская стерва уехала, а Ольховский почти умолял её вернуться. Ждал. Кажется – ужасно ждал.

Он не должен был, не должен был так ни к кому относиться. Он не должен был брать кого попало замуж. Тем более, вот эту вот ничем не примечательную Алену. Вот что в ней было, что? Чем она его взяла? Сиськами? Так ведь и у Вали они были... Давала с желанием? Так ведь и Валя бы дала, предлагала же даже, но почему же Ольховский не обратил на неё внимания? Вроде все было при ней, и задница, и губы, и корни Валя вовремя подкрашивала – ну точно же не в ней проблема!

Нет, точно во всем виновата девка. Если бы не она – у Вали бы столько проблем не было...

Со скамейки Валя встала только когда стемнело. Подошла к парню, курящему у дальнего подъезда. В серой толстовке, надвинутой на голову. Выскочка. Ни хрена не понимал в маскировке. Хотя, в общем и целом – у него рожа была, в принципе, не приметная, этим и компенсировалось.

– Сигаретку не дашь? – Лениво поинтересовалась Валя.

Парень бросил на неё нервозный взгляд, но таки выдрал пачку из кармана. Ага. Правильно. Логично дать, чтобы отстала.

– Я давно тебя заметила, красавчик. – Усмехнулась Валя,

подставляя сигарету под огонек зажигалки. – И хотела спросить – а чего ты за чужими детьми следишь? Ты не педофил, часом?

Парень вздрогнул, уставляясь на Валентину. У него в целом было вполне нормальное лицо. В профиль даже вполне ничего.

– Расслабься, – Валя фыркнула, стряхивая с сигареты пепел. – У меня к тебе есть сногшибательное предложение. Думаю – не откажешься.

41. Последний шаг навстречу

Это были странные, лихорадочные, полные захлебывающегося предвкушения и иступленной до разрыва сердца тоски по Максусу две недели.

Мама... Мама посмотрела на Аленку и спросила – не посадили ли её в этой кошмарной Москве на наркотики?

Ой, посадили, мамочка, есть такой сумасшедший наркотик с теплыми глазами цвета корицы, с широкой улыбкой, бесстыжими руками и удивительной дочкой. Да, мам, этот наркотик в наш мухосранск не завезут, так что придется возвращаться в Москву. Иначе хана настанет твоей любимой старшей дочке.

Мама вздохнула. Мама посмотрела на Аленку еще раз, поймала жесткими пальцами за левое ухо почти тридцатилетнюю дылду и потребовала «чтоб не так, как в прошлый раз», и чтоб обязательно Аленка пригласила её и Нютку на свадьбу.

Про свадьбу Аленка благополучно прохлопала ушами. Она не загадывала такие вещи. После Вадима – вообще не загадывала. Если что – она могла прожить без платья типа «баба на чайнике», и без лимузина, и без узких, натирающих туфель. Главное чтоб был Макс. Вот без него прожить Аленка могла катастрофически недолго.

Что-то случилось в какой-то безумный момент. Что-то, от чего крышу сорвало окончательно, и она теперь радостно носилась где-то на орбите земли, не желая возвращаться на свое рабочее место. Наверное, дело было в том, что быть влюбленной «в одни ворота» – это одно, а быть любимой самым потрясающим мужчиной в жизни – было нереально бомбическое ощущение.

Каждая секунда без Макса казалась вечностью. Как в классике, ага.

Но, к счастью, был вконтактик, и были долгие переписочки в вайбере, и были долгие созвоны, и «секс по телефону» тоже был, и секс по вайберу, и секс по вконтактику... Короче говоря, теоретического секса было столько, что Макс уже не единожды пообещал Аленке, что все это ей аукнется, а она хохотала ему в трубку и продолжала дразнить его сильнее. Она ужасно хотела его возмездия. Самого что ни на есть беспощадного, так чтобы кончить четыре раза, а потом упасть в обморок от передозировки оргазмов.

Пальцы учились вязать узлы. На самом деле, это оказалось довольно непросто, с непривычки-то. Кажется, вот нельзя

было вот так вот взять и за две недели выучить все то, что не знал до этого всю жизнь. Но что-то освоить получилось. Руки Максу, например, Аленка должна была смочь связать крепко. Уже радость. С этим уже можно было работать.

Руки собирали чемоданы.

Один чемодан шмоток и самых принципиально важных вещей. Настолько громадный, что до вокзала помог довести отчим. По-медвежьи обнимался, по-отечески ворчал и обещал приехать и навалить «если что». И неважно кому, ты только не молчи, доча... Вот нереально смешной, но душевный мужик был Борис Леонидович Яковлев, не зря Аленка в свое время даже фамилию его взяла.

Ночь по пути в Москву, в поезде, Аленка лежала на своей верхней полке, смотрела в потолок и силилась поверить, что она действительно не спит.

Она серьезно это делает?

Едет в Москву? К Максу? Навсегда?

Нет, если что-то вдруг случится, если все карты будут некозырными шестерками, если она не найдет работу, если Макс внезапно взбрыкнет и укажет ей на дверь... То что?

Ну, для этого вообще-то есть Темыч с его запасной раскладушкой, неприкасаемый резерв денег «на прожить несколько недель и на билет до дома». После Кислицына у Аленки всегда был резерв, и она никогда не пожалела, что сбрасывает на счет пять процентов от каждой полочки. Кто-то советовал десять, но Аленка уже проверяла. С десятью

таки регулярно что-то да случалось. То накрывал какой-нибудь вирусняк, то ноут трагично переставал включаться, а пять – было вроде по копейке, но буфер за несколько лет у Аленки скопился неплохой. В Москве его, конечно, хватит ненадолго, но на сколько-нибудь да хватит. Зато сейчас можно чуть подуспокоиться. Если что – она выживет. Если что – и на свободную кассу в Макдональдс наверняка встать получится.

Как ни крути, но Аленка умела вертеться. Вывернулась же, когда Вадик её обокрал. Кстати, мать сережки опознала. Смотрела на них недоверчиво, рассказ Аленки слушала еще недоверчивей, а в финале все-таки закатила глаза, и сказала, что надо было все-таки вызвать полицию.

Аленка тогда вздохнула. Не хотелось это все затевать, не хотелось отнимать время у Макса и Лизы. Кто его знает, как сложилось бы в этом случае.

Мысли были сумбурные, тревожные – все-таки Аленка действительно от себя не ожидала, что возьмет и сорвется в пропасть. И ради чего? Кто кроме оглашенных влюбленных дурочек делает вот так – берет и бросает все, что имеет, и сваливает не пойми куда, не зная толком – что будет завтра? Ради кого? Ради двухнедельного любовника? А ради хорошего друга, который вдруг стал чем-то большим? Громким!

А сон все не шел, уже тыщу раз прошли мимо купе проводницы, кого-то будили, где-то останавливались. На полке

снизу ворочался какой-то мужик, но он вообще не мешал, не храпел даже, хотя предусмотрительная Аленка на такой случай имела про запас беруши, но... Она не хотела спать. И так и не уснула до утра, а в пять утра – за полчаса по прибытия, проснулся и мужик с нижней полки, зазвенел стаканом в подстаканнике.

Аленка сползла вниз. Ей тоже хотелось чаю.

– Ну надо же какая встреча...

И как Аленка вчера не опознала в соседе по купе коллекционера кляпов? Хотя, он садился сильно позже неё, Аленке не хотелось особо отвлекаться, пока поезд остановился, а планшет поймал интернет, сидела себе в вайбере и строчила Максиму сообщения.

Мужик был очень спросонья, взъерошенный, и насмешливая физиономия казалась еще более язвительной, чем Аленка его помнила.

– Здравствуйте. – Аленка улыбнулась довольно открыто. В конце концов в последний раз они разошлись вполне мирно. Кажется, мужик по-прежнему был любителем командировок.

– Нет, серьезно, надо брать у вас номер телефона, – усмехнулся сосед – теперь уже не по гостиннице, а по купе. – А то может это судьба, а я её динамлю.

– Ой, не надо, – Аленка фыркнула. Мужик шутил, это было видно. Не было в его мимике никакого флирта, он не стремился напрямь бицуху посексуальнее. Хотя... Ему не обяза-

тельно было ничего напрягать. Борцовка все козыри подавала в самом лучшем виде. Ничего такие преподаватели водятся в некоторых вузиках. И все-таки нет. Прямо тыщу раз нет. Менять Макса на левого мужика было все равно что феникса в руках на банального журавля.

– Ну и как у вас дела? – поинтересовался мужик, разглядывая Аленку, усевшуюся в позе лотоса на освободившейся за ночь нижней полке, и баюкающую в ладонях любимую чашку. Черную. С черепом и скрещенными костями. Чтобы на работе точно знали, что их ждёт за воровство чужих чашек.

Аленка смущенно фыркнула в стакан. Дела – отвал башки. Как о таких рассказывать взрослым серьезным людям?

– Теперь уже не в гостиницу едете? – Мужик надо было не в вузике работать, а в Битву Экстрасенсов идти. Аленка уставилась на него, аж глаза на лоб полезли.

– Так заметно?

– Ну, – собеседник усмехнулся, глянул на просвет чай в стакане, явно размышляя о степени его крепости. Не договорил. Все было ясно.

Аленка прикрыла глаза.

– Дурой себя чувствую, – призналась она. С этим вот знакомым незнакомцем казалось можно поговорить обо всем, раз уж когда-то разговаривали про кляпы... И если уж он сам спрашивал, как дела, то пусть за свое неуместное любопытство и огребают.

– Дуры – это восемнадцатилетние конфетки, которые едут в столицу становиться суперзвездами. А вы взрослая девушка. Все у вас получится. Я надеюсь – вы же не в звезды мечтаете?

Глаза у соседа смеялись. Аленка покосилась на свои ногти, задумчиво провела ладонью по волосам. В звезды?

– Если соберусь, чур приглашаете меня петь на вашу свадьбу, – усмехнулась Аленка. – Клянусь работать бесплатно, за то что вы указали мне жизненный ориентир.

– Ради такого дела придется даже жениться. Хотя с большим удовольствием побываю на вашей.

– Только не в качестве жениха.

– Да уж, боюсь – не пережить конкуренции, – рассмеялся сосед. Видимо, Макса он хорошо помнил.

Немудреный остаток поездки точили лясы, доедали печенье, оставшееся в запасе у Аленки, а позже сосед помог ей вытащить её чемодан, оценив его размеры одной только фразой: "Да у вас там серьезно все".

Серьезно...

Серьезно?

Алёнка, честно говоря, боялась. Что будет как в дурацких циничных сериальчиках, в которых провинциальную героиню сначала долго и упорно судьба лупит по щекам, а потом милосердно разрешает ей побыть счастливой пять минуточек. Вот там обычно влюбленная по самые уши девушка прилетала на вокзальчик, и тут её никто не встречал, и на теле-

фончик никто не отвечал, кроме суровой и беспощадной реальности, общающейся с абонентами стерильными голосами телефонных операторов.

Нет.

Сказка Аленки была не по сценарию, слишком сказочной, чтобы быть жизнью. Потому что Макс встретил её тут, с охапкой белых тюльпанов и Лизой, в нетерпении подпрыгивавшей рядышком.

Вообще это было нечестно, потому что Аленке достались тюльпаны, а она досталась Максусу. Хотя ладно, тюльпаны не мешали обниматься. Почти. Но рук не хватало. В одной руке были цветочки, а другой приходилось выбирать кого тискать первым – Макса или Лизу. Победила Лизка, она была очаровательней. Тем более именно она сегодня совершила самый героический подвиг и встала в несусветную рань, чтобы встретить Аленку. Как такое было не оценить?

– Не уезжай от меня больше... – хрипло шепнул Макс Аленке на ухо тем самым голосом, от которого душа вздрагивала и поджимала пальцы на ногах.

– Буду ездить с тобой, – улыбнулась Аленка, задирая голову и тут же поправляясь. – С вами.

Встретиться взглядом с Максом после двух недель друг без дружки... Между ним и Аленкой сейчас была даже не химия, а ядерная физика со всеми ее беспощадными последствиями. И даже просто переплетаться с ним пальцами уже было почти как прирасти снова к какой-то своей части те-

ла, без которой ты по какой-то причине умудрился прожить некоторое время.

Аленка толком не запомнила путь до дома. Помнила так-си, помнила, как Макс и сосед обменялись парой колких фразочек и разошлись, друг дружкой явно довольные. Все остальное было неинтересно. Рядом с Максом Аленку чуть подотпустила её тревога, и она даже смогла подремать в машине, уронив голову Максу на плечо. Сбоку возбужденно что-то рассказывала Лиза, папа возил её в дельфинарий, это явно положительно сказалось на настроении госпожи императрицы и к счастью, отвечать было не нужно, было нужно только слушать. И можно было не очень внимательно, временами угукая сквозь дрёму.

В себя Аленка пришла уже в квартире Макса, после третьей чашки черного кофе. Все-таки ночью нужно было спать.

А Макс сидел себе напротив неё и смотрел с таким умилением, что прям страшно становилось.

– Ты чего? – Аленка хихикнула. – Виагра кончилась в запасах? Накурился ванилином от безысходности?

– Дурочка. – Макс фыркнул. – Просто тебя тут ужасно не хватало. Тут. На этой кухне.

– Так и скажи, что кексы тебе готовить некому, – фыркнула Аленка.

– Ну это точно была самая важная недостака в жизни, – с деловитым видом заявил Ольховский и продолжил все с тем же зашкаливающим удовлетворением пялиться, как Ален-

ка пьет кофе. Извращенец. Ну хорошо, Аленка обожала по-такать вот этому конкретному извращенцу, поэтому еще и вафлю начала жевать. Голландскую. Сладкую настолько, что везде слипалось, но на какие жертвы только ради любви не пойдешь, а?

– Нам надо поговорить, – негромко произнес Макс. Тон у него был такой, будто он собирался сказать, что он внебрачный сын президента, и что у него три жены в Турции, и он согласен сделать Аленку четвертой.

– Сейчас? – Аленка удивленно подняла брови. Тема разговора угадывалась смутно. Вроде как не было ничего такого, что следовало обсудить. Может, бывшая жена приехала и пытается воевать за Лизку?

Макс покосился на часы, вздохнул, явно недовольный тем, что сегодня понедельник.

– Вечером. Лучше вечером. Потому что ты мне будешь отрывать голову, а перед этим мне лучше решить некоторые проблемы.

Классные новости. У него обнаружили-таки еще парочка внебрачных детей? За что голову-то отрывать? Ну ладно, подождем до вечера. Хотя мог бы и не дразнить любопытство.

– Мне остаться с Лизкой? – мягко спросила Аленка. Пока она не успела атаковать всех подряд, было время переосмыслить свое резюме, изучить рынок вакансий и поиграть во фрейлины госпожи императрицы. Это было хотя бы весе-

ло.

– А ты хочешь? – Ох, Макс. Он был такой балбес, переспрашивал такие вещи, смотрел на Аленку таким опасливым взором, будто и не понимал ничего.

Слов не потребовалось.

– Я предупрежу няню, – радостно улыбнулся этот сообразительный мужчина. И где только Аленке успело упасть такое сокровище?

Пока он предупреждал и переодевался на работу – Аленка успела приготовить завтрак, порадоваться, что Лизка употребляет овсянку с большей охотой чем её отец.

– Ты до вечера же, так? – любопыствовала, стоя в прихожей и наслаждаясь любимым зрелищем – как Ольховский завязывает себе галстук. Наблюдать за этими шустрými пальцами всегда было в удовольствие.

И все-таки это было ужасно странное ощущение. Быть здесь, задавать такие вопросы... Занимать в жизни Макса неожиданно – такое место. И ведь нет, он не поморщился, он задумчиво пожал плечами. Он не ругался, что она лезет в его жизнь – он затруднялся с ответом. Удивительно, если брать во внимание, что начиналось-то все это из френдзоны. И теперь вот такое вот. Почти семейное. И никого не напрягающее.

– Я постараюсь раньше, конечно... – А тон был такой, что было ясно – получится вряд ли.

– Мы тебя дождемся, – улыбнулась Аленка. В конце кон-

цов, это было нормально. Кем он там работал? Каким-нибудь менеджером по рекламе? Еще спасибо, что иногда его график демонстрировал чудеса такой гибкости. Нет, надо будет все-таки уточнить. А то, может, он на самом деле Джеймс Бонд, а Аленка и не догадывается.

– Ох, Сан... – Макс сгрёб её в охапку, стискивая так жадно, будто сомневался в её подлинности. – Моя дивная сказочная Сан, как я тут подыхал без тебя, если б ты только знала.

Трепло. Вот редкостное трепло, с бесстыже льстящим и бьющим в самые чувствительные точки души языком.

– Ты опоздаешь.

Не целовались. Просто потому что было понятно, чем может закончиться один лишь только поцелуй, когда вся сущность сейчас была как оголенный нерв. Искрило же даже не от соприкосновений, от обмена взглядами. Хотя смертельно хотелось столкнуться с ним губами, сделать хоть пару глотков его дыхания. Надо было потерпеть, надо! Только до вечера. А там – уже можно.

И все-таки Лизка была чудным ребенком. С ней было приятно заниматься ерундой, гулять, готовить обед, а после – смотреть мультики про неведомую Катю с каким-то упоротым розовым зайцем. У Лизки местами был очень таинственный вид, но она ни в какую не кололась, в чем его причины. Полдня прошли незаметно, и прошли бы незаметно и вторые полдня, но радостные новости ожидали Аленку с

Лизой раньше. Потому что около трех в прихожей хлопнула дверь и зазвенели ключи.

– Иди встречай папу, – шепнула Аленка Лизе, а сама осталась – поставить мультик на паузу.

Когда из прихожей раздался Лизкин визг – стало похрен на мультики. Аленка вылетела в коридор не успев даже сообразить, что могло произойти.

Соображать и не пришлось. Все оказалось очень прозрачно.

В прихожей квартиры Макса стоял Вадим Кислицын, прижимавший к горлу белой от страха Лизки что-то, очень напоминавшее скальпель.

– Ну здравствуй, Ленок...

42. Сообщники

– Отпусти её, – слабо просит Аленка. Она не может смотреть сейчас на Вадика, только на Лизку, на её кривящийся в панике рот.

Скальпель явно острый, потому что на шее Лизки уже видна царапина и на ней выступают маленькие алые кровавые бусинки.

– На выход, Ленок, – самодовольно приказывает Кислицын. – А то девчонке...

– Я выхожу, – торопливо кивает Аленка и обувает кроссовки. Можно было бы протиснуться мимо и попробовать заехать Вадиму локтем в нос, но он благоразумно убирается с дороги, волоча за собой Лизу.

– Иди вперед и прикрой нас. А то девчонке хана.

В прикрывании Вадика нет особой необходимости, хотя Аленка и послушно шагает вперед, отчаянно пытаюсь придумать, что ей делать. Нет. Нет никаких идей.

Нет никого, ни в лифте, ни в подъезде, даже консьерж то ли ушла, то ли просто не вышла. Жизнь будто подыгрывает Вадика, не сталкивая его ни с кем.

У подъезда – черный потасканный Вольво. За рулем уже сидит какая-то тощая стриженная девица в кепке и солнечных очках. Сидит и надувает пузырями жвачку.

И ей абсолютно плевать, что мужик выходит из подъезда, выталкивая вперед себя шестилетнюю девчонку, прижимая к её шее скальпель.

Пиздец. Хочется только материться, причем как можно сильнее. Вот только – это спровоцирует. Это навредит Лизе. Мать твою, Кислицын, и почему Аленка все-таки не вызвала тогда ментов? И сидел бы ты сейчас, и печалился, что сухарей не засушил заранее.

– В машину, Элли...

А, так вот в чем дело. Эти двое – подельники. И машина – то ли Вадика, то ли девицы. Аленка покорно залезает на заднее сиденье, рядом с ней Вадик впихивает Лизу, и сам падает рядом, угрожающе улыбаясь.

– Трогай, Кали...

– Валя?

– И тебе привет, колхоз, – ледяным тоном заявила Вален-

тина.

Узнать в “Кали” Валентину Аленка, наверное, и не смогла бы. Над своим имиджем бывшая нянька очень сильно надругалась. В “Кали” чувствуется любовь Вадика к пафосным прозвищам. Интересно, себя он называет Кислым, Кисой, или как-то побрутальней?

– Кислицын, какого хрена тебе надо? – выдохнула Аленка, притягивая к себе Лизу, обнимая её, стискивая, пытаясь спрятать в своих руках. Лизка дрожит и тихонько хнычет.

– Элли, ты дура, что ли? – мягко интересуется бывший женишок. – Не догоняешь?

– Дура, – вмешивается Валентина, притормаживая на светофоре. – Но она не знает.

– Серьезно? – Вадик щурясь окидывает взглядом Аленку, и даже это противно. – Ты не знаешь, с кем трахаешься, а, Элли?

– Не выражайся при ребенке.

Пнуть бы этого козла куда побольнее, но что будет с Лизой? Её нельзя подставлять под удар ни в коем случае. Аленка обняла Лизу еще крепче, тихонько глядя по волосам. Маленький напуганный воробышек.

– Не бойся, зайка, все будет хорошо, – Аленка беззастенчиво врет. Нету выбора. Не говорить же, что все прямо плохо-плохо, и хрен его знает – разрулится ли оно вообще. Жесть. Она категорически не понимала, что может быть нужно Кислицыну. Деньги? И что он вообще намерен по-

иметь и с кого?

– Нет, ну вообще. – Вадим расхохотался.

Он выглядел довольным, как и всякий раз, когда говорил гадость или чувствовал свое над кем-то превосходство, затем повернулся, пошарил за спинкой кресла и выудил оттуда потрепанный журнальчик. Какой-то пафосный толстый журнальчик, в которые Аленка обычно не заглядывала. Нахрен бы ей нужна была та гламурная жизнь олигархов и их расфуфыренных клуш. Это была не её жизнь, её жизнь была там, на Писателе, в баталиях с читателями, в битве за чертову публикацию – и в искрах, летящих между ней и Максом едва ли не с самого начала их переписки. Тратить время на чужой лоск, китч и фальшь у Аленки сил не было.

– Тридцатая страница.

Аленка вообще не хотела его слушать, но у Кислицына была такая высокомерная рожа, что журнальчик все-таки пришлось взять. Хотелось свернуть в трубочку и дать этому мудаку по морде. Вот так чтобы с размаха, чтобы морда вытянулась.

Аленка и в прошлую встречу ужасно сдерживалась, а хотелось не по девчоночьи, хотелось вцепиться в морду, двинуть коленом в живот, вернуть сторицей все те незабываемые мгновения, из-за которых они с семьей планировали переезд в другой город. А сейчас – сейчас поводов было еще больше, правда и помеха – помеха тоже была. Тихо всхлипывающая помеха, уткнувшаяся носом в Аленкину футболку.

Листала журналчик Аленка неохотно. Впрочем...

На нужной странице она остановилась сама. Даже номер был не важен. Просто ошибиться было невозможно.

На фотографии – Макс. Его профиль. Его улыбка, белоснежная, киношная, идеальная.

Синий костюмчик, золотые запонки, галстук в узкую полоску...

Максимус Шмидт...

“...Наследник издательского дома “плохо читающееся название на немецком”, главный редактор журнала “Veil”, fashion-фотограф, владелец сети косметических салонов...”

Мозг сам по себе достраивает “а также заводов, газет, пароходов”. На самом деле статья “о пути к успеху”, поэтому, что и где добился “мистер Шмидт” – занимает не одну строку.

Макс? Её Макс? Вот это вот чудовище с немецкой фамилией и перечнем “приданого” как у британского принца? Но как тогда объяснить эту фотку? Принять за двойника? Вопрос лишь в том, что Аленка знает каждую родинку – на его щеке, на его шее. Знает о крохотном шрамике на подбородке. И вот – все её “особые приметы”, хоть и талантливо подретушированы фотошопом, чтобы не бросаться в глаза, но вот они, тут. Аленка их видела, отчетливо.

И в голове все это категорически не укладывалось. Эта херня была фантастичнее, чем любой Аленкин рассказ.

– Конечно, он не в списке Форбс, Элли, – самодовольно

усмехнулся Кислицын, – но в двухсотку русских миллионеров точно входит. Я глазам не поверил, когда его увидел с тобой на этой выставке, хрен пойми где. Для него же это глушь. Он не ходит по мероприятиям такого класса, слишком мелко. А ты серьезно не знала?

“Мне нужно проверить выставку”.

– Почему Шмидт? – Аленка швырнула журнальчик от себя подальше.

– Ты у меня спрашиваешь? – иронично поинтересовался Вадим. – Псевдоним как фотографа, в конце концов – снимал он в основном в Европе. Мать – была немкой, вот её фамилию он и взял. Сейчас временно отошел от дел, на съемки выезжает редко, после развода с женой решил сосредоточить свое внимание на семье и сети салонов красоты. Собственно, может себе позволить.

– А ты готовился...

Аленка смотрела мимо Вадика и говорила, в общем-то, без особого осмысления сказанного. Правда? Это правда? Макс? Даже проговаривать это в голове было страшно.

– Вы хотите выкуп, так?

– Ну, разумеется.

Теперь понятно, почему он вернул сережки. Нет, Аленка чувствовала подвох, поверить в то, что Кислицын взял и пожертвовал своим “неприкосновенным запасом” было чертовски сложно. Ну во что поверить, в его сожаления? Аленка Вадика хорошо знала. Он никогда в жизни себя виноватым

не чувствовал. Но вот поменять сережки, пусть и за пару сотен тыщ рублей на выкуп, который может заплатить за своего ребенка миллионер... Получается, эта сволочь с самого начала собиралась украсть Лизку?

Черт побери, Макс, какого хрена ты вообще не рассказывал? Что это за охренительные сюрпризы? Что за охренительное количество вранья? И зачем весь этот цирк тогда? Если прикинуть – да, Аленке-то с её провинциальными вкусами быт Макса казался шикарным, но он точно не походил на ритм жизни миллионера.

– Какая-то очень хреновая золушка... – отстраненно произнесла Аленка.

– Ты просто двойной джекпот, Элли. – Кислицын чуть в кресле не подпрыгивал. И выглядел он на редкость довольнешеньким. Будто реально миллион выиграл. Ну да... Сначала обобрал саму Аленку, теперь пытается поживиться за счет Макса.

– Ты выследил его через меня, получается?

– Ну, я не один работаю, – осклабился Кислицын. – Я-то с хвостом дошел до метро, а мой хвост проехался за вами.

Урод. Предусмотрительный подлый урод. А Аленка еще его жалела.

Господи, но это же бред. Макс? Неужели все-таки да?

Было до тошноты противно, но почему-то не страшно. Вадима Аленка категорически не боялась, боялась она только за Лизку и лихорадочно пыталась придумать, как ей если что

с ребенком на руках убежать от двоих. Как ни крути, а сначала надо было нейтрализовать обоих, чтобы выиграть хоть какую-то фору.

В кармане джинс завибрировал телефон. Это услышал и Кислицын.

– Доставай. – Улыбка бывшего женишка была омерзительно предвкушающей. У Аленки совсем по-пацански чесались кулаки. Телефон она из кармана вытащила, глянула на дисплей, отчаянно желая, чтобы это звонила мама и Артем. Нет. Все-таки Макс.

Вадик ослабился, выхватил телефон из рук Аленки.

– Здра-авствуйте, господин Шмидт. – Кажется, он это репетировал. Звучало пафосно, с угрозой.

– Неважно, кто я, господин Шмидт. Важно, что у меня две дорогие вам дамы и что я хочу за то, чтобы не причинить им вреда.

Хотелось заткнуть уши, чтобы не слушать все это дерьмо. Или найти где-нибудь лом и проломить Кислицыну его безмозглую черепушку. Его Аленка сейчас люто ненавидела, еще больше даже, чем когда он сбежал. Все, с чем соприкасался Кислицын, становилось ядовитым, и... отношения с Максом, кажется, вот-вот грозили стать таковыми.

– Просят тебя. – Вадик сунул Аленке телефон к лицу. Пришлось прижиматься ухом.

– Да...

– Санни...

Голос у Макса хриплый, встревоженный и только при его звучании Аленку начинает трясти. Будто её паника, от которой она тщательно отстранялась, пытаясь придумать выход, все-таки решила покрепче стиснуть свои объятия. Нет, она должна быть сильной. Ради Лизы.

– Лиза в порядке, – слабо произносит Аленка.

– Я его убью, – тихо говорит Макс, и Аленка нервно фыркает, хотя этот смешок выходит жалким всхлипом.

– Не бойся, Санни, я скоро буду.

Дальше Макс договорить не успевает, Вадик снова дергает телефон к себе, требует миллион долларов, “только наличными”, через два часа там-то там-то, и никаких ментов...

– Приехали. – Машина затормозила, и Валя сдернула с лица солнечные очки, зло улыбаясь, обернулась. – Давай на воздух, колхоз.

Вот у Калугиной получается быть страшной. У неё злая улыбка, перекошенное лицо, лихорадочно блестящие глаза.

– Эй, договаривались на другое же место, – недоуменно замечает Вадик, вылезая и оглядываясь. Стройка. Какая-то заброшенная стройка, оставленная на расправу ветрам многоэтажка, ржавые вагончики для гастарбайтеров, забытая, не сдавшаяся даже бомжам тачка с оторванным колесом. Валя остановила машину за домом, объехав его, так, чтобы от въезда их было сложно заметить.

– Сейчас поедем, – Калугина ухмыляется. Из машины она выходит последней, что-то доставала из бардачка. "Что-то"

уставляется на Аленку круглым злым дулом.

– Ты чокнулась! – где-то за спиной взвыл Вадик, – мы так не договаривались.

– Мы договаривались на то, что я дам тебе копию ключей, и на мою долю с выкупа за девчонку. А эта подстилка должна сдохнуть.

Какой-то сюрреализм. С психами, криминалом и не пойми где. Верить в происходящее не хочется, но оно от того менее реальным не становится. И продолжает происходить. Аленка не знает, что ей делать с вцепившейся в неё Лизой. Наверное, лучше ссадить на землю. И зажать малышке уши. А Лизка уже перешла на тихий монотонный ультразвук, и держится за Аленкину толстовку так же цепко, как краб. Боже, малышка, вот за что тебе все это дерьмо?

– Дура, – Вадик бросается к Калугиной, вцепляется в её руку, успевает отвести пистолет от головы Аленки, и когда выстрел все-таки гремит – Аленка вздрагивает, втягивает голову в плечи, но пуля уходит куда-то вправо – и выше.

Пока Калугина и Кислицын сцепились между собой, пытаясь выдрать пистолет из рук друг дружки, Аленка медленно отступает. Если обогнуть угол дома – можно попробовать со всех ног ломануться к выходу с территории стройки. Может, и удастся сбежать...

Она почти доотступалась до угла и уже развернулась было, чтобы рвануть вперед, но...

Еще один выстрел гремит за спиной. Громкий, оглуши-

тельный, страшный. И Аленка слышит, как падает на землю что-то. Тело? Чье? Калугиной? Кислицына? Даже и не сразу разберешься, что лучше.

– Далеко собралась?

43. Разреши называть тебя мамой

Вадим глядел на Аленку со злым прищуром, а в поднятой руке держал пистолет. У его ног лежала Валентина... Неподвижная, с расплывающимся на груди багровым пятном. Господи, какая глупая смерть...

– А теперь шагай назад, – произнес Кислицын отчетливо. Никаких тебе насмешливых ноток, никакого снисхождения в голосе, нет. Сейчас Вадим, кажется, впервые воспринимал Аленку всерьез. Ну еще бы, миллион долларов почти от него унесла.

– Шевелись, – сухо произнес Кислицын, на секунду опуская руку и спуская курок. Снова громыхнул выстрел, и пуля врезалась в гравий у ног Аленки. Нет, это не походило на случайность, Вадим умел стрелять. Еще когда жил с Алёной, постоянно шлялся в тир, хвастался, гордился меткостью. И навык, судя по всему, не растерял.

Шагала обратно Аленка на подгибающихся ногах. Это был хороший план, и он почти удался.

– Открывай багажник, – приказал Вадим. – И девчонку на землю. Поедете отдельно.

Лизе эта идея не понравилась. Лиза заорала так, что стало ясно – госпожу императрицу оторвать от Аленки можно

будет только ценой недоужинного привлечения внимания.

– Заткнись, – рявкнул Кислицын на девочку, и Аленке снова захотелось дать ему по морде. Нашел на ком срывать-ся.

– Ей страшно, придурок.

– Рано боитесь, – осклабился Вадим. – Вот сидя в подвальчике без жратвы будете бояться – скажу я вашему папочке, где вас держу, или не скажу. Хорошо, лезьте обе в багажник, дуры.

Спорить с бандитом – плохая идея. Спорить с бандитом, когда у него в козырях – пистолет, а у тебя на руках паникующая шестилетняя девчонка – идея еще хуже.

– Если мы задохнемся...

– Значит, ваш папочка заплатит за ваши трупы, – яростно рыкнул Вадим. – В багажник, быстро!

В багажнике было темно и душно. И тесно, но все-таки спасибо диете – Аленка с Лизой там поместились без проблем.

– Ну что ты закричала, милая, – шепнула Аленка Лизке, цепляющейся в её свитер. – Могла бы ехать в салоне, там удобнее.

– Я без тебя боюсь, – захныкала Лиза, и Аленка лишь крепче прижала её к себе. Маленький теплый смешной дитеныш. Как же жалко, что её втянули в это дерьмо. Еще и Аленка в этом оказалась виновата.

Как выбираться? Вот как? Как? Как вытаскивать Лизку?

Нет, не проканаает показать Вадиму сиськи и его окрутить, выиграть время, сбежать. Это не Голливуд, здесь не решить проблему раздвиганием ног. У Кислицына одна эрогенная зона – деньги. И больше ничего его не интересует.

И все-таки пиздец. Один такой большой, круглый пиздец. С какой стороны ни взгляни – везде жопа. И на что надеяться? На волшебника в голубом вертолете? Ага, сейчас вместе со спецназом на крышу машины спрыгнет, Вадика заломает и подарит Аленке пятьсот эскимо. Было бы неплохо, но Аленка фантастику писала, а не верила в неё.

Нет, если бы Вадика остановили дэпээсники, если бы вдруг у него не оказалось документов на машину, если бы кто-то решил досмотреть багажник... Эх, жаль, у Аленки не было зелья удачи, она бы прихлебнула.

Чтобы успокоить Лизку – Аленка пела колыбельную. Тихонько, едва слышно, прямо Лизке на ухо. И не было ничего, даже телефона посветить – он остался у Кислицына. Так что была темнота, духота, неудобная поза и острые Лизкины локти, врезающиеся в печень. Ну и колыбельная, да. Аленке было плевать на те острые локти. Она бы сейчас и печень и обе почки бы отдала за возможность вытащить Лизу из дерьма. Ну и себя – по возможности.

– Алён, – шепнула Лизка, ковыряя Аленкино запястье. Они лежали в обнимку, так близко друг к дружке, что было слышно вопреки гулу мотора.

– Да, зайка?

– Все будет хорошо, да? – тихо спросила Лиза.

– Да, будет, – самонадеянно пообещала Аленка. Потому что вот ну не правду же сейчас говорить. Про “не знаю” и “будем надеяться на лучшее”. Статистика возвращения жертв похищений была неважнецкая. И если их убивали не похитители, то они часто умирали сами – от голода или обезвоживания, пока преступник уносил ноги с деньгами.

– Папа нас спасёт, – это был даже не вопрос. Это Лизка говорила уверенно. В её глазах папа был всемогущий супермен и мог, наверное, даже больше, чем все киношные супергерои вместе взятые. Вот только... Спасет ли? Успеет ли? Найдёт? Верить в Макса? И ему поверить, может, прям сразу?

– Да, зайка, кто же еще нас спасет, – тихо произнесла Аленка, отодвигая вспыхнувшее раздражение на задний план. Бесило. Но сейчас это было неважно. Какая сейчас разница, если еще непонятно – правда ли спасет Аленку и Лизу их чеширский супермен. Вот спасет – тогда и можно будет дать себе волю.

Потому что затрахал. До смерти. Своими. Секретами.

– Ален, а можно я тебя мамой буду называть?

У Аленки аж в ушах зазвенело. Вот это, блин, Лизка выбрала время.

– Котенок, а ты правда хочешь?

– Хочу-у-у, – Лиза шмыгнула носом и прижалась к Аленке еще крепче. – И братика хочу. Вы с папой не обниметесь для этого?

– Не знаю, хочет ли твой папа тебе братика, – медленно протянула Аленка. Как же хорошо, что темно. И не видно, как пылает у Аленки лицо. Хотя Лиза, наверное, и не поняла бы.

– Папа сказал, что с тобой и трех братиков мне готов сообразить, – хихикнула Лиза.

Ольховский. Или как его там? Шмидт? Вот вроде наполовину немец, что ж такая хитрая скотина, будто еврей? Нет, если бы он это озвучил Аленке собственным языком – она бы охренела. Сейчас же охреневала и тихонько плавилась. Охренеть, там у Ольховского на неё планы... были.

Спасаясь от такой страшноватой темы, Аленка начала рассказывать Лизке шепотом интерактивную сказку про очень боевую принцессу, которая накручивала драконам хвосты, а принцев заставляла чистить зубы перед поцелуями. Про зубы – это кстати Лизка придумала. Ей показалось, что без этого целоваться ну просто невозможно.

А Аленка говорила всю эту чушь, прижимала к себе теплую Лизку, и казалось – это девочка успокаивает её, а не наоборот.

Мама...

Макс уже раскаялся в том, что пару раз пытался приводить в дом потенциальных жен. И ни одна не прошла кастинга госпожи императрицы.

А тут – такое. Лизка ждала маму, об этом Макс говорил. До сих пор ждала возвращения неведомой Сони-Софи, но

сейчас... Что она, перестала ждать или решила, что незачем?

– Знаешь, котенок, если ты все-таки будешь звать меня мамой – я буду ужасно рада, – шепнула Аленка, когда они с Лизой и последнего, самого коварного из всех драконов поставили в угол и лишили сладкого на неделю.

Маленькое солнышко, Лизка-Лизавета. Прямо сердце разбивала своей открытостью, своей привязанностью. Аленка и не думала, что такое получится, Аленка предпочитала просто быть, надеясь, что когда-нибудь у неё получится стать для Лизки членом семьи. Даже просто подружкой бы устроило, а тут – мамой. Жутко ответственно, но жутко лестно.

Это было бы охрентельно на самом деле – вся эта тема. Не происходи она, блин, в багажнике машины. Но... Но может, сейчас Лизке это захотелось особенно? Может, сейчас ей страшно, и она пытается сделать свой мир теплее?

Получалось согреть и Аленку. Ту, которая вообще-то разозлилась на Макса. А теперь хотелось ему похвастаться, он наверное бы обрадовался и одобрительно бы улыбнулся. Если он, конечно, не знал уже об этой задумке своей дочери.

Интересно, а если знал, что там мистер Шмидт-Ольховский на эту тему вообще размышлял? И с чего это он заявил Лизке что готов с Аленкой ей “наобнимать” аж троих братиков. У богатых свои причуды? Ну да, с причудами Ольховский не мелочился, совершенно. Целый видовой ряд разноцветных мозговых тараканов можно было наоткрывать.

Ох, хоть бы все было хорошо. Хоть бы случился волшеб-

ник, вертолет и сошлись звезды. Сейчас Аленка многое бы отдала за то, чтобы дождаться того момента, когда Лизка все-таки воспользуется данным ей разрешением.

Машина резко затормозила. Что, неужели дэпээс, или все-таки светофор.

С минуту ничего не происходило, потом щелкнул замок багажника, а потом сверху об него что-то глухо ударилось. Лизка аж вскрикнула от громкого звука.

Аленка же инстинктивно толкнулась ладонью в крышку багажника, и... Да, открылось. Ух, свет, свежий воздух... Хотя, какой он там свежий – на московской-то улице, но все лучше, чем в душном тесном пространстве. Аленка села, свешивая из багажника ноги, и поддерживая Лизку.

Глаза к свету привыкли не сразу – потребовалась пара секунд, как и ушам, которые по началу будто плотной ватой забило. А когда Аленка начала слышать – она торопливо развернула Лизку к себе и зажала ей уши ладонями. Некоторые вещи Лизке наблюдать было рановато. И слышать. И вообще, лучше бы она до сих пор верила в единорогов и боевых принцесс и подольше бы не узнавала, сколько в мире всяких дерьмоедов вроде Кислицына или Калугиной. Так, а про мертвых плохо можно или все-таки лучше не стоит?

На самом деле, глазам Аленки предстала слегка приятная картина, хоть она и не любила насилия.

В трех шагах от машины Ольховский бил Кислицына. Рядом стояли несколько человек такого слегка телохранитель-

ного, слегка суперагентского вида. Но они не помогали, они всего лишь придерживали Вадика в определенных границах, не давая ему уж очень сильно отползти.

Ну, стрелять Кислицын умел, а вот драться – не очень. Нужно сказать – он пытался держаться на ногах, не пользовался правилом “лежачих не бьют”, видимо, резонно не верил, что его соперник сейчас проявит к нему милосердие такого рода. И да, по отрешенно свирепому лицу Макса – Аленка бы тоже на жалость не поставила бы. Да что там, она бы сама от души пнула бы Кислицыну по ребрам, но оставила это для Макса.

Аленка оглянулась. Улица была перекрыта. Причем, кажется, и полицию к этому привлекли, и не только её. По крайней мере часть черных машин категорически не походила на государственные тачки. Зажимали Кислицына очень качественно. Вряд ли он ожидал такого размаха.

– Макс. – Нет, Аленке было не то чтобы жаль Вадима, но... Но как бы Ольховскому через пару минут от убийства отмазываться не пришлось. И пару тех миллионов, что Макс заплатил бы за ту отмазку, Аленке было жалко, хоть это были и не её деньги. Все равно, за такое дерьмо как Вадик и сто рублей-то отдавать не стоило.

Ольховский дернулся, оборачиваясь. Замер, глядя на Аленку и Лизу на её руках.

А потом... Потом Макс просто оставил Вадика кашляющим на четвереньках на асфальте, а сам шагнул к Аленке с

Лизой и сгреб их обеих в охапку. Безмолвно, хрипло дыша, будто успокаиваясь, будто выстраивая свой мир вокруг них.

И все-таки супермен. Все-таки спас. Интересно, Лизка верит в Деда Мороза? А то, может, и он внезапно станет реальностью?

44. Чистосердечное признание

Даже если бы Аленка и хотела куда-то сбежать, чтобы проучить Ольховского – он не дал ей на то ни единого шанса. Просто без лишних слов запихнул девушку в машину и всю дорогу сидел с Лизкой на коленях, Аленку обнимая левой рукой и зарываясь лицом в волосы.

И молчал.

Молчал, собачий сын.

На ту квартиру, к которой Аленка была привыкшей – они уже не поехали. Приехали в какую-то монструозно огромную, просторную, с голубым потолком и тщательно выверенным интерьером. Настолько выверенным, что небрежно лежащая цветная подушка на сером диване смотрелась максимально правильно, идеальней лежать было просто невозможно, и вообще её хотелось тут же снять для инстаграма. Тут вообще все было достойно отправки в ту инсту, осталось только её завести.

Лизка-то тут явно себя чувствовала как дома, усвистала куда-то в глубину этого музея. Ну, она-то знала, где тут ей можно и зубы почистить, и спать лечь. И Аленка на самом деле понимала желание поскорей свалиться спать, в конце

концов – было уже поздно, а впечатлений за день было... дохрена. Сказочный папа превратил все это в приключение – для Лизки, а Аленку до сих пор потряхивало.

Сама Аленка так и замерла в холле – а это был именно холл, а не прихожая – не зная, что ей тут вообще делать. Руки помыть? Так краны тут наверняка какие-нибудь винтажные, которые жалко заляпывать своими мещанскими потными ладошками.

Макс стоял за плечом. Этакое мрачное изваяние. Ни влево, ни вправо, ни слова сказать, ни мышцей поиграть.

– Вписываешься в интерьерчик, – отрешенно заметила Аленка, оборачиваясь.

И в самом деле, вписывался. А если бы разделся и принял хоть какую-нибудь позу – его вообще можно было бы выдать за современного Апполона, или Гермеса – на худой конец.

– Я хотел сказать. Сегодня, – негромко произнес Макс, глядя куда-то в сторону. Аленка глянула в ту же сторону. Зацепилась взглядом за фотографию на стене. Парень, девушка в развевающемся голубом платье, обнимаются так, будто тысячу лет друг друга не видели. И все это посреди какой-то пустоши, на фоне холмов. Красиво. Но не очень в тему. Любовь – она, конечно, все побеждает, но любовь не строится на таком количестве недоговорок.

Аленка уселась на банкетку у двери. Серую, замшевую... Было страшно подумать, что это натуральная замша. Блин, и все-таки у Аленки мещанство головного мозга. И... Нет,

вряд ли это излечимо.

– Дальше не пойдешь? – Тихо спросил Макс.

– Я пока все больше склоняюсь к версии побега. – Аленка пробежалась взглядом по потолку, по люстрам, похожим на какие-то космические цветы. – Отсюда до двери ближе.

– Ну, ты и размечталась. Кто ж тебе даст сбежать? – Макс уселся рядом, и Аленка от него демонстративно отодвинулась. Макс на это так тяжело вздохнул, что она его на секунду даже пожалела.

– Если я с тобой останусь – ты решишь, что это из-за денег. – Аленка еще раз оглянулась, и качнула головой. Нет. Перебор. Реально перебор. Для неё и прошлая-то версия Макса была уже по самому краешку, он и в той раскладке был для неё принцем. Программистка и писательница на полставки – в принципе неплохая партия для какого-нибудь приличного менеджера. Могла бы и покруче конечно быть, поамбициознее, стоящая повыше на карьерной лестничке, но сойдет.

А для моднявого фотографа и бизнесмена? Сойдет ли? Ой ли?

– Я всю эту херню и затевал, чтобы понять – заинтересую ли я тебя без денег. Так что нет, милая, я-то точно не решу.

– Знаешь, если ты затевал это все для этого – нужно было снимать хрущовку в Мытищах, никакой няни и водить меня в столовую, блин.

– Ага, и катать на каком-нибудь ведре типа Приоры? –

Макс усмехнулся. – Нет, Солнечная, я долго думал – но решил обойтись без переборов. Не так чтобы “с милым рай и в шалаше”, хотя с тобой наверняка и это бы проканалло, чудо ты мое, немеркантильное. Так, делал общую картину, что деньги вроде есть, но из трусов не вываливаются. Ну, серьезно. Скажи я тебе, что могу без проблем раскрутить тебя как писателя, скажи же – это бы придало нашим отношениям совсем другой вкус.

– Себя раскручивай, – недовольно буркнула Аленка. А сейчас этого вкуса типа не будет? Как будто сейчас у неё не будет повода чувствовать себя содержанкой. Нет. Все-таки надо бежать. Руки в ноги и... Да ладно. А как бежать-то? И сердце из груди выдрать, вместе с ребрами? И... Как же Лизкино “можно я буду называть тебя мамой”? Ну, блин, же! Совести не хватит. Если Ольховского помучить еще можно, то Лизку...

– Сан, ну у меня и с Соней так было, – тихо произнес Макс. – Я её продвигал как модель. Два года – моя муза. Два года – её рвали на части европейские модные дома, для которых я снимал. А потом девочка решила, что она потянет без меня, и плюнула на Лизку. Честно – желание после этого на заре отношений всем этим слепить глаза...

– Ольховский, а какая разница? – С горечью поинтересовалась Аленка. – Ну, увидела я, что ты можешь сейчас. А не потом. И? Где гарантии, что я не поведусь на твои деньги?

– Сан, ну это же ты, – Макс пожал плечами, будто это все

объясняло.

– Откуда ты знаешь, что я тебя не обманула? Может, я вообще сразу знала, что ты богатенький буратина, и решила тебя окрутить?

– Ален, я знаю, что ты можешь выдумать интригу на пустом месте, поверь, я помню, что ты пишешь охренительные книги. Можешь не напоминать лишний раз.

– И все-таки, что если так? – Аленка проигнорировала прогиб в сторону писательства. Никакой лести она сейчас затмить себе рассудок позволять не собиралась. Нет уж, впервые за месяц она выжрет Ольховскому мозг чайной ложечкой, потому что затрахал. И проблема заключалась вообще не в количестве секса.

– Если все так – значит, у тебя получилось. – Макс лишь тяжело вздохнул. – Сан, у тебя это отлично получилось, я уже триста раз пожалел, что затеял весь этот спектакль, и надо было сразу.... Но менять коней было поздно. Не хотел спугнуть тебя и Лизку и... Хотел, чтобы ты вернулась. Сознался бы тогда, после больницы – и... Блин, я же и так тогда накосячил, а сознайся я еще и в том, что сначала тебе врал... Ты бы не приехала.

Ну, вообще – могла, да. Потому что уже сейчас было страшно.

– Сан, выйдешь за меня? – ох-х, да что ж ты делаешь, Ольховский, зачем такой-то эмоциональный терроризм, и так-то хочется забиться в угол...

Но как печально сказал, с какой тоской и безнадежностью... Зачет по актерскому мастерству. И Станиславский бы поверил.

– Ольховский, побойся бога.

– Я атеист, мне не страшно. Так выйдешь?

– На, смотри. – Аленка задрала кроссовку повыше. – Похоже на хрустальную туфлю? Я тебе что, золушка, товарищ миллионер? Иди нафиг.

– Ты у меня чудо, – усмехнулся Макс, ловя Аленкину ногу за щиколотку и заставляя девушку развернуться к себе лицом и вытянуть ноги к нему на колени. – Мое самое дивное чудо. Я таких как ты в своей жизни не встречал. А туфлю хрустальную... Ну, хочешь – подарю.

– Мимо, – хладнокровно буркнула Аленка, хотя...

– Сан, я же вижу, что ты прикидываешься. – Макс потянул Аленку к себе. – И вижу, что хреново у тебя получается выносить мозг. Ну, сдавайся. Выходи за меня! Ну почему нет?

Почему? Потому что это не чертова сказка. Потому что это все тысячу раз как за рамками разумного и реалистичного.

Почему девушка может отказаться выйти замуж за любимого мужчину?

Вроде никаких препон, не так ли? Ну, окей, давайте с уточнениями.

Почему провинциальная девушка, кхм, нищесбродка может отказаться выйти замуж за любимого мужчину, который

внезапно оказывается миллионером?

Потому что!

– Так не бывает.

– Знаешь, я тоже думал, что таких как ты не бывает. – Пальцы Макса зарывались в Аленкины волосы, и сам он самым наглым образом прижимался лбом к её лбу. – Но вот она – ты. Моя сказочная нереальная солнечная женщина, которая любит меня, а не мои деньги, которая любит мою дочь, причем очень взаимно, и прости, ты так и не ответила, ты же выйдешь за меня?

– Нет.

– Выйдешь. – Он охренел и уже даже не спрашивал.

– Нет.

Этого несносного придурка хотелось лягнуть. Можно ли лягать миллионеров? А любимых миллионеров? Ой, да запросто. Только осторожно. Нет, он наверняка со всех сторон застрахованный, и все же... Любимый же. Жалко.

– Выходи за меня, непокорная женщина, я же не отстану, – шепнул Макс. Ох, как он это все обставлял. Ну, ведь понимал, что все в Аленке обмирает сейчас.

– Да вот ещё, – буркнула Аленка. – Может, мне еще с тобой прям щас и переспать?

– Это нужно, да, – вздохнул Макс. – Хотя, скажем честно, этот урод мне все настроение изгадил.

Да уж. Сколько было напряжения между Аленкой и Максом только этим утром... И все скурвилось благодаря Кис-

лицы с его асексуальной аурой.

Хотя сейчас – искрение потихоньку возвращалось, и воздух между Аленкой и Максом уже негромко гудел, шумел, пытался испариться. Аленка чуть подалась назад, потому что еще чуть чуть – и она бы сама к Максиму потянулась за поцелуем.

– Ты понимаешь, что ты меня уже порядком задолбал, Ольховский? – негромко поинтересовалась Аленка, прямо глядя на Макса. – Вот этим всем задолбал. Сказал мне про ребенка? Нет. Было проще устроить срань с салоном красоты, чем открыть рот. Сказал мне, кто ты есть? Нет. Почему, мать твою, мой бывший кретин и сволочь знает про моего мужчину больше, чем я? Может, тебе с ним съехаться, раз у вас так много общего?

– Сан, ну прости. – И все мольбы мира в одном слове. Нет, если сатана посылает на заключение сделок не Макса, то он – адский лох. Ха, ха, какая игра слов.

Аленка промолчала. На самом деле, она уже почти и не злилась, просто категорически не понимала, что ей делать. Бежать? А если не хочется? Остаться? Но... А Максиму-то это точно надо?

– Я не знал, что ты в реале окажешься такая, понимаешь? – Кажется, Макс трактовал Алекино молчание по-своему. – Я и на самиздате торчал, не ради знакомств, было интересно посмотреть, как зайдут народу мои тексты. Вот знаешь, не те, которые коммерческие и для журнала, а художе-

ственные, для развлечения. Это ж тебе не на остро-социальные темы правду-матку жечь. А тут блин, ты. И... Думаешь, я знал, что потеряю голову от девочки из Сети? Что буду на все готов, лишь бы она согласилась стать членом моей семьи.

– Словооблуд.

– Сан, ну правда же. Все – правда.

На самом деле Аленка ему верила. Потому что и говорил он – без тени шутки. И на самом деле, на его лице сейчас улыбки не хватало. Очень.

– Миллионеры не теряют голову от девочек по интернету.

– Я тебе могу рассказать много нового на тему “Что делают и что не делают миллионеры в реальной жизни”. И знаешь, Санни, мне ведь лучше знать, я хотя бы практик. Хотя погоди. Выйдешь за меня – тоже будешь практиком и заведешь свой список. Через пару лет сравним.

Птичка-задолбай, просто.

Он не знал, блин. А Аленка знала, к какому идиоту едет? Тем не менее, особо ничего не скрывала. Точнее полное отсутствие козырей не скрывала. Ну, вот такая, да. Неидеальная. Как партия – невыгодная, из всех достоинств только прокачанный дзен. Что называется – не хочешь не бери, а я тебя любим возьму, даже задротом. Не в улыбку же влюблялась, ей богу.

И кто ожидал, что судьба решит вывернуть фортель и выкинет четыре семерки? А могла бы ограничиться двумя, за

глаза бы хватило.

– Ален... – глухо произнес Макс. Взгляд у него был по-прежнему напряженный, выжидающий.

Нужно было уже отмирать. И сдвинуть ситуацию с мертвой точки. И куда бы деть эту дурацкую досаду?

– Идем, Ольховский. – Аленка потянулась и поднялась. – Веди меня по своему бахчисарайскому дворцу...

– Куда? – Глаза у Макса наконец-то оживились. Ну, хоть что-то. А то смотреть на это неприступное чудовище было как-то не очень радостно.

– В спальню, – усмехнулась Аленка. – Будем проводить воспитательные работы по лечению недоверия. Надеюсь, тебе поможет, Ольховский.

45. Игра на победу

– Санни...

– Руки подбери, Ольховский!

Ох, малышка... Вот есть вода, окутывающая тело, есть дохрена ароматной пены, есть второе тело, сидящее так близко – гибкое, мягкое, сладкое, заманчивое, до чертиков любимое тело на котором Макс знал каждую родинку, каждую царапинку, каждую впадинку. Которое так любил тискать в ладонях, прижимать к себе. На котором обожал искать новые эрогенные точки.

Вот есть все это. И нет возможности сделать то, что хочется.

Нет возможности, наконец, стиснуть эту чертовку в ру-

ках, пробежаться ладонями по знакомым, плавным изгибам её тела, по нежной коже.

Санни, вредная, обиженная зараза – красивая до чертиков, такая родная, по которой Макс так истосковался за эти две недели, за которую так боялся после звонка того выродка – устроилась в джакузи так, чтобы уронить голову Максу на плечо, а задницей... Задницей Солнечная терлась об стояк. И нет, если вы подумали о части водопровода – это вы зря.

Разумеется, она это делала нарочно.

По одной лишь коварной улыбке, с которой она ходила по квартире Макса и разглядывала её – было понятно. План мести рождается постепенно. И, как и всякий план в голове писательницы – он быстро оброс неожиданными деталями, например: «Нахрена тебе такая большая ванна, если мы в неё не влезем?»

Влезли. Сидели практически в обнимку.

Ну, и грех же было не воспользоваться тем, что Лизка спала, да?

– Потереть тебе спинку? – шепнул Макс. Только бы дала прикоснуться, уж он-то устроил бы ей полновесную трепку.

– Обойдешься.

Зараза. Скользящая, мокрая зараза, посмевающая от него уехать на две недели. С мягкими волосами, пропахшими ванилью и корицей. Такая желанная, такая любимая, что хоть прямо сейчас её хватай и тащи в ЗАГС. Как есть, голышом. Хотя нет, голышом не стоит – а то от конкурентов придется

отбиваться. А это была только его, Ольховского, женщина, с охренительной задницей, с не менее охренительной грудью и совершенно охренительным чувством юмора.

– Эй, нюхать меня я тоже не разрешали, – хихикнула Алёнка и, отодвинувшись от Макса, развернулась к нему лицом.

Большой искушенный мальчик, Максим Ольховский же, чуть не завис, любуясь на эти смеющиеся губы. Господи, как же скучал по ней, по этой шепучной веселой хулиганке.

Маленькая ножка скользнула по голени Макса и выше по бедру – к паху.

– Сан...

– Терпи.

Безжалостная женщина.

С очень мягкой стопой.

Санни будто провела своей ножкой по коже Макса практически вертикальную раскаленную полосу: по животу, по груди. Когда нежные пальчики коснулись щеки Макса – он не выдержал, поймал Алёнку за щиколотку, прижался губами к кончикам её пальцев.

– Какой ты непослушный, Ольховский, – усмехнулась эта несносная женщина, но ножку не отвела. Ну, точнее – не сразу отвела. Увы, замысел подняться с поцелуями выше и воспользовавшись тем, что Санни отвлеклась от своего наказания, ей, наконец, засадить – с треском провалился.

– Умоляю о снисхождении, моя богиня.

– Ты все-таки бесстыжий словоблуд, Ольховский. – Девушка укоризненно качнула головой. но глаза – глаза смеялись. Нет, вряд ли стоит рассчитывать на снисхождение. А ведь хочется, смертельно хочется сбросить это напряжение, убедиться, наконец, что она – не его галлюцинация, что её можно стиснуть в руках и затрахать до изнеможения. А потом вырвать, наконец, из её рта заветное согласие.

Нет. Сейчас важно не спугнуть. Маленькая, смешная Сан, которой выйти замуж за Макса, кажется, реально мешали его деньги. Хоть на благотворительность пускай все нажитое своим – и отцовским непосильным трудом.

Смилостивилась, выбралась, наконец, из джакузи,

А нет, вообще нет. О милосердии речи не шло, потому что в руки Максy Солнечная по-прежнему не давалась.

Вытерлась неторопливо, и пошла в спальню, как есть – голышом. Демонстрируя собственную задницу во всем великолепии, хоть сейчас падай на колени и кусай – если согласишься, конечно.

Отставать было не с руки.

– А здесь есть волшебная тумбочка? – Аленка оглянулась, с любопытством глядя на Макса.

– Обижаешь, малыш, здесь у меня волшебный шкаф.

– Ну, тогда показывай.

Максову коллекцию Аленка разглядывала оценивающе. А все-таки, наверное, не стоило покупать тот секс-шоп, и не надо было так пристально изучать его продукцию... Хорошо,

что глядела на это все великолепии Солнечная без опаски. С любопытством.

– Если что, это все пользоваться не обязательно, – предупредил Макс.

– Посмотрим, – Аленка улыбнулась, скользнув пальчиками по кожаному браслету наручников, но прихватила все-таки моток джута.

– Обработанный? – Да девочка готовилась? Даже знала, что свежекупленную веревку перед вязкой нужно было еще вымочить. Какая прелесть.

– Конечно, милая. Кто ж веревку необработанной держит?

– Молодец, – усмехнулась богиня, глядя на Макса лукавыми глазами. Затем вновь пробежалась глазами по содержимому полку, подцепила-таки черную шелковую комбинацию.

– И для кого ж ты это покупал, милый?

– Ох, сколько у меня неделю назад было вариантов, – Макс рассмеялся. – Конечно, для тебя. Там и чулки имеются.

Солнечной понравилось это заявление.

– Жди меня на коленях, спиной к двери, понял? И джинсы надень.

Заявление как у практикующей доминантки. Ну, начинающей-практикующей, хотя... С такими Макс точно дела не имел.

А Санни, прихватив и комбинацию, и шелковые чулки, уже усвистала в какую-то из соседних комнат, переодеть-

ся, а Макс остался страдать и размышлять, что может, хрущевка была не таким плохим вариантом. Ну, в конце концов, даже в той квартире, что Макс использовал для маскировки, Солнечная скорей всего затеяла бы свои переодевашки при нем. А терять её из виду не хотелось ни на секунду.

– А джинсы зачем? – поинтересовался Макс, бросая в угол полотенце.

– Чтобы мне было что снимать, конечно, – донесся голос Аленки.

Она нарочно тянула время, нарочно дразнила. Макс уже три тысячи раз пожалел, что утром уехал на съемку. Остался бы дома, зажал бы Солнечную в ванной... И никакой ублюдок бы ему не помешал ни вскрыться перед Аленкой нормально, ни сделать ей предложение – как и планировал.

– Готов?

– Давно уже.

За спиной – мягкие шаги босыми ножками. Санни склонилась к Максиму со спины, прижалась носом к его выбритой щеке, скользнула губами к уху, сжав его мочку зубами, заставляя вздрогнуть.

– Хочешь ли ты, чтобы я тебя связала, а, Ольховский?

– Безумно.

– Именно я?

– И никто больше.

Ничего на свете нет более крепкого, чем узы взаимного доверия. Когда ты доверяешь собственное тело другому че-

ловеку. Когда позволяешь делать с собой все, что угодно – и даже больше.

Обвязка была простой, но изысканной. Что ни говори, а у Сан был вкус и виденье итоговой картины тела, и веревки.

Шесть витков джута под ребрами.

Пять – над грудью Макса, с захватом предплечий, сковывающих движения.

И стянутые просто, но накрепко запястья.

– Знаешь, я будто вижу связанного бога, – шепнула Аленка, а Макс улыбнулся. Ради её блестящих глаз, ради её влажных губ он мог дать с собой проделать и что похлеще.

– Можешь повернуться.

Нельзя было быть такой красивой, такой соблазнительной. Она была грехом во плоти – вот это дивное создание с пышными волосами и в черном гладком нежном шелке, сквозь который проступают напряженные соски. И вот это – его, Макса, женщина. Насовсем. Навсегда. Пусть она пока и говорит иное, у неё нет иных вариантов. Если понадобится, он будет обнимать её шесть суток кряду, лишь бы она согласилась.

Ну...

Ладно, не только обнимать.

Она целует его.

Долго, неторопливо, скользя нежными пальчиками по груди, по плечам, прижимаясь к нему своей грудью, мягкой, сладкой – но недоступной, потому что запястья макса связа-

ны накрепко.

В этих поцелуях – все законы термоядерной физики, вся химия мира, даже адронный коллайдер не мог выдать такого количества потенциальной энергии, как одни лишь нежные губы Солнечной.

Каждый отдельный поцелуй – глоток терпкого крепкого вина. Пьянящий, кружащий голову.

Каждое прикосновение – как ожог. Будоражащий, раскаленный, такой ощутимый.

Можно было бы попросить богиню сжалиться и не тянуть больше, но разве это интересно? Разве не интересней дотерпеть до конца?

– Встань, мой апполон. – И ничего в мире больше не надо. Да, Макс, может, и нравился многим женщинам, но только от слов Солнечной так все замирает.

Встал на босые пятки, замер, ожидая пока она сама снова прикоснется к его губам своими. Когда снова потечет между ними ток, когда ладони Сан, теплые, как солнце, снова скользнут по его коже, вниз – к застёжке джинс.

Да.

Была своя магия в том, чтобы неторопливо расстегивать одежду. И просто прикосновение к члену – было не то что прикосновение к члену, выправленному из расстегнутых джинс. Совсем другое. Как будто кто-то добавил какой-то приправы ко вкусу этого касания. Двинуть бы сейчас бедра, толкнуться бы членом глубже в эту мягкую ладошку.

Нет. Солнечная дрочила Максу сама. Неторопливо, с четким осознанием того, что он от каждого её движения будто сильнее слепнет. В мире оставались только её руки, горячие, заставляющие задыхаться от нетерпения. Ну, Солнечная... Ну, погоди... Хотя, нет, это все не сейчас.

Сейчас – она. Девушка, играющая страстную симфонию.

Она знает его тело. Знает, как Макс себя ведет, когда близок к оргазму, поэтому в нужный момент – сжимает основание члена крепче, болезненно, будто снова отбрасывая на несколько шагов от удовольствия.

Терпеть невыносимо.

Но вытерпеть – хочется.

Бывают такие парадоксы.

Она, связала его, так, что он не может к ней прикоснуться – и она встает перед ним на колени.

Его богиня.

Богиня с шаловливым языком.

От такой страстной пляски языка и члена кажется – можно потерять сознание. В ушах шумит все сильнее, и все меньше воздуха попадает в легкие.

Макс готов стонать, Макс готов рычать, лишь бы... Лишь бы раздвинуть эти любимые ноги, которые целовал бы от кончиков пальцев и до бедра. А потом засадить наконец в её узкую, тесную, сладкую вагину.

Снова облом. Снова Солнечная замечает по хриплому ритму дыхания, что Макс близок к разрядке, снова отстра-

няется, замедляется.

Это её наказание? Терзать его и не давать дойти до оргазма? Маленькая жестокая девчонка.

Которая потом устанет кончать, сорвет голос в воплях – обязательно, и нет, ни в коем случае не сможет сама встать с кровати. Мечь будет страшна и ужасна. Макс же все-равно до этой паразитки доберется, интересно, она надеется на что-нибудь еще?

– Санни...

Почти мольба.

– Сжалиться? – шепчет Солнечная, сладко улыбаясь нежными губками.

– Да. Прошу. Мастер.

Макс знал правила игры. Видит, как удовлетворенно блестят глаза Санни, захлебывается от желания целовать эти смеющиеся губы.

– Ложись, – Аленка качнула ладонью в сторону кровати.

Нет, милосердие ей неведомо. Она снова сжимает пальцами член, касается напряженных яичек, заставляет и без того напряженный мир звенеть натянутой струной, а Макса – захлебываться воздухом. Безжалостная богиня. Откусить бы ей эти несносные пальцы. Искусать бы всю, до воплей, до мольб о жалости. И вытрахать – до последнего звука, до сорванного горла, то третьего сквирта, так чтобы все, что она могла – только уснуть, и больше ничего.

Третий облом.

Остро, и слегка больно, Макс не выдерживает, утыкается носом в плечо Санни, изо всех сил пытаясь сдержаться.

– Чего хочешь, а Макс? – шепчет эта неумная зараза на ухо, выкрутив на максимум всю эротичность интонаций. – Хочешь, чтобы села на тебя? Хочешь, чтобы трахалась об тебя медленно, долго, не торопясь? Скажи – чего ты хочешь, я все исполню.

Конечно, сейчас он этого хочет.

Но есть одно но, сейчас такая удачная ситуация, что лучше всего попросить кое-что иное.

– Хочу... – выдать это предложение на самом деле сложно, для этого в мыслях должны быть слова, а там одни только гормоны и нечленораздельный рык, – хочу чтоб ты вышла за меня, моя богиня.

С минуту Солнечная молчит, так, будто Макс своим упорством испортил такой момент. Ну а что она хотела, сама подставилась. Обещала все исполнить? Выполняй.

– Хочешь? – Наконец искусительным тоном мурлычет эта страстная кошка. – Заплатишь за это? Мою цену?

– Все что хочешь...

– Я хочу твой язык. Твой несносный длинный язык, Ольховский. Трахнешь меня им. Заставишь кончить. И я согласна, понял?

– О, да... – Макс улыбнулся.

Куда понятней?

Девушка может оседлать мужчину разными способами.

Может оседлать и лицо.

Самое неудобное – поза, связанные руки под спиной, но тем сложнее задача. Да и плевать на дискомфорт, он временный и не важный.

Под комбинацией, как и ожидалось, трусов не нашлось. Только лобок, гладкий, заманчивый, долгожданный.

Макс целует свою нахалку куда дотягивается. В бедро, над кружевным крем чулка, скользит губами выше... Наконец прижимается носом к теплomu девичьему треугольнику.

Ох, Солнечная, зря ты это затеяла.

Ты же понимаешь, что ты проиграешь, да?

Эпилог

– Ма-а-ама!!!

Вопль на весь дом, слышно через четыре комнаты, и это вопреки охрнительной звукоизоляции. Грохот такой, что, кажется, на этот раз эти изверги все-таки уронили несчастный шкаф. Как минимум. Если подумать прагматично, скорей всего, свернули полку с игрушками. Эх. Говорила Аленка: надо было покупать ту полку, которая намертво привинчивалась к полу. С той самой поры, как самое первое узи показало ей близняшек, – вот с самой первой секунды она и агитировала за все самое надежное, неубиваемое и вообще.

Аленка тяжело вздохнула, посмотрела на экран ноута, мысленно извинилась перед недоцеловавшимися героями и пошла разбираться. В конце концов, рукопись в издательстве ждали через неделю, герои все успеют доделать, что им там

нужно. А спасти мир от конца света Аленка хотела и самостоятельно.

Все были живы. Пока что. Няню взяли в заложники. Ну, оно и понятно, в битве с четырехлетками Вики и Ником в заложники были готовы сдаться все, лишь бы не в жертвы. В чем разница? О, ну к заложникам нужно было быть хоть чуть-чуть милосердными.

Лизка сидит на окне, уткнувшись в графпланшет, и что-то рисует. Ох, хоть отнимай. Скоро и по ночам будет рисовать, блин. А ничего не сделаешь, девочка хочет быть дизайнером. Нахваталась творческого вдохновения от папы-фотографа и писательницы-...

– Мам, я им говорила...

Аленка так и не привыкла это слышать. Даже за шесть лет. Особенно – от двенадцатилетней вытянувшейся Лизки. Такой взрослой, такой высокой. И каждый раз – как в первый, когда хочется разреветься, потому что ну до слез же! И каждый раз хочется сжать в руках эту маленькую, тоненькую эльфийскую девчонку и сказать ей спасибо за такое доверие.

Вики и Ник катаются на полу. Как это у них водится, то ли играют, то ли дерутся. Даже по пыхтению не поймешь. У них даже ор может быть текстом роли.

– Ну, и кто тут не слушается? – с интересом уточняет Аленка.

– А Лизка врет, – вдруг заявляет Ник, вываливаясь таки из клубка, и Вики остается одна – лупать глазами и замышлять

коварство, – Лизка говорит, что ты её не рожала, ма.

– Ага, её мне аист принес, – рассмеялась Аленка, и улыбувшись подошла уже наконец к няне, привязанной к стулу скакалкой. Садисты. Маленькие четырехлетние.... Хотя... Узлы уж больно сложные, уж не Лизавета ли Максимовна постаралась?

Папа учит Лизавету нехорошему? Интересно, в каком возрасте до Лизки дойдет, откуда папа знает столько сложных узлов. И сколько юношей будет связано, когда Лизка подрастет ещё чуть-чуть? Ну, так им и надо, право слово.

– Аист... – Лизка смеется. Уже большая, уже местами понимает, но все-таки.

– Он самый, – Аленка подмигивает дочери, с любопытством косясь на экранчик планшета. Там цветет своими безумными красками морская закат.

Аист возвращается вечером. У него сегодня была сложная съемка, спасибо, что не пришлось уезжать, а потом он решал кучу вопросов по работе своей сети, которую в который раз расширил на еще четыре точки. Но все же в семь вечера он как штык дома. Всегда так.

Макс всегда ужинает с семьей.

Раньше еще и обедал – до того, как они переехали за пределы МКАДа. Настаивал Макс, он по-прежнему слегка параноил, и частный поселок со службой охраны его устроил больше. Увы, приходится ждать его по вечерам, но это обычное явление.

Ну, было ради чего терпеть.

Макс является домой с цветами – по-прежнему не с розами, по-прежнему с тюльпанами, душистыми, нежными и свежими. Розы не в чести ни у Макса, ни у Аленки.

– Ну не нужно было, – Ворчит Аленка в который раз, утыкаясь носом в тугие лепестки.

– Женщина, не мешай мне пускать на ветер мои деньги, – смеется Макс и обнимает её. Крепко обнимает. А потом подхватывает на руки, заставляя Аленку взвизгнуть от неожиданности, а Вики и Ника радостно взвыть. Они любят, когда папа творит всякую ерунду. А папа и рад. Он неизлечим.

В него до сих пор было невозможно поверить. Аленка все ждала подвоха, ждала, когда вылезет что-нибудь та-а-акое, но нет, не вылезало, и как ни щипала Аленка себя за запястье, Макс никуда не исчезал. Он у неё по-прежнему был.

Есть ужин, приготовленный поваром.

Есть печенье, испеченное Аленкой. Шоколадное.

Есть три пары обнимательных маленьких рук, и одна пара – взрослых. В общем, одному папе одного упоротого семейства всегда есть чем заняться.

– Пап, Соня просит с ней погулять в выходные, – в ходе того, как близняшки истязают ужин, вместо того, чтобы его есть, сообщает Лиза.

– Ну, если с утра в воскресенье, – задумчиво протянул Макс. – В субботу у нас семейный пикник, и отказов я не приму, учтите.

– Да без проблем, – героично заявляет Лизка и бодро хомячит ужин. Она явно намерена пережить не только семейную вылазку, но встречу с Соней.

Соня появилась год назад, Аленка тогда, кстати, встревожилась, но в конечном итоге оказалось, что зря. Соня хотела видеться с дочерью, больше её ничего не волновало, да и она сама никого особо не волновала. Особенно Макса.

Лизка ходила на эти встречи, ей вроде нравилось. Но Соня – это Соня, а мама – это Аленка.

Аленка даже себя ругала за то, что мысленно произносила эту фразу. За то, что радовалась собственной значимости для Лизки. Ну... Соня вернулась. Хотя бы. Лизка стала на капельку спокойнее.

В семейных ужинах заключалась уютная магия. Все хорошо. Вся семья дома, Макс рядом, можно в любой момент уткнуться в его плечо. Конечно, близняшки, не унимаясь, трюндят, но в кого им быть тихими, когда и папа, и мама те ещё словоблуды?

Все самое долгожданное начинается, разумеется, когда три пятых семейства Ольховских мирно спят. Когда Аленка тысячу раз обняла каждого из трех своих маленьких лягушат. Двенадцатилетние лягушки-мутанты тоже идут за маленьких, кстати, хоть они и требуют, чтобы к ним как к взрослым относились.

Именно тогда, когда весь мир затихает, когда точно никто не помешает, – тогда защелкивается замок в спальне, а в шею

Аленки утыкаются горячие губы.

– Ну, что, вытерпела? – шепчет Макс.

– Да, мастер.

– Сейчас проверим...

Обвязка под рубашкой трется о кожу груди, заставляя покрываться мурашками. Обвязка на бедрах под джинсами. По два витка, чтобы задевать самую горячую зону.

Все это – чтобы завести, чтобы подготовить, чтобы в течение дня Аленка чаще вспоминала своего мастера.

Один раз только Макс спросил – не надоело ли Аленке, что он через день оставляет на её теле обвязку. Со дня свадьбы еще, кстати. Никто из гостей, к счастью, так и не узнал, что из трех часов фотосессии, на которую уехали жених и невеста, полтора жених вязал невесте руки, плел из веревки паутину, чтобы лишний раз подчеркнуть, что никуда-то от него Аленка не убежит.

И только, наверное, профессор Васнецов и поглядывал на молодоженов с хитринкой (с тем, что его нужно пригласить, даже Макс не спорил, подарочки-то у «соседа» что надо оказались). О его свадебном подарке до сих пор было неловко вспоминать. Хотя Аленка тот кожаный корсет надевала несколько разиков. И таки да, это был подарок для обоих, если судить по тому, как Макс смотрел на Аленку.

Вообще, у него был повод Аленку связанной даже в ЗАГС отвести. Аленка оттянула свадьбу почти на год, беспокоясь, что вдруг, мало ли, что-то не срастется. Давала Максиму шанс

передумать, найти себе кого получше, а он... не искал даже. А потом тянуть стало некуда, когда на тесте на беременность проступило две красных полоски. Тогда Макс вызволил Аленке Нюту и отправил их за свадебным платьем. Как Нютка верещала потом, впечатленная тем, что её доставляли в Москву на вертолете, – история умалчивает.

И нет. Веревка не надоедала. Как она могла надоесть? Без нее Аленка себя часто чувствовала как без обручального кольца. А с ней – проводить время было остренько, будоражаще, очень помогало в том, чтобы ещё сильнее тосковать по Максу. Потому что так, как с ним, – ни с кем не будет.

Но это все пустое. Это отпускает. Сейчас Аленку вообще отпускают все мысли, даже о послезавтрашней встрече с читателями на книжной ярмарке уже не думается, хотя потряхивало же из-за нее. И из-за того, что агент обещал приволочь какого-то продюсера, жаждущего прав на экранизацию... Вот это было нереально космической новостью, и Аленка до сих пор не поняла, причастен ли к этому Ольховский или это все-таки агент у неё расторопный оказался.

Все это, суетное, лишнее сейчас, исчезает, под напором теплых губ и ловких пальцев, расстегивающих черную блузку. Ох, хоть бы Макс был поторопливее – уж очень Аленка за весь этот день соскучилась по нему.

И были глаза цвета теплого шоколада, по-прежнему заставлявшие вздрагивать и замирать. Спустя столько лет...

– Макс, ты точно реальный? – шепчет Аленка, смеясь. На

самом деле, это шуточный вопрос. Почти традиция – с той самой ночи, когда Аленка первый раз его связала, а он своим невозможным языком выиграл у неё свое "Да".

– А ты? – тепло, с искренним обожанием, теми же словами, как и тогда интересуется Ольховский.

Больше информации о книгах автора можно найти в группе VK: ["Джина Шэй | Вера Волховец"](#)